

46 коп.

И.С.КОН Социология личности

И.С.КОН

Социология
личности

Над чем
работают,
о чем
спорят
философы

И. С. Кон

СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

*Издательство
политической
литературы
Москва 1967.*

И. С. Кон — известный советский социолог, доктор философских наук, профессор Ленинградского университета, автор многих книг и статей. В настоящей работе он подробно анализирует понятие личности, прослеживает основные этапы ее формирования у отдельного человека, а также проблему отчуждения и др. Основанное на большом фактическом материале, издание предназначено для преподавателей общественных наук, пропагандистов, для всех, кто интересуется философией и социологией.

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат, редакция литературы по марксистско-ленинской философии и научному коммунизму.

Проблема личности находится сейчас в центре внимания советского обществоведения. Однако, несмотря на большое число исследований, в ней еще много нерешенных вопросов. Некоторые из них я хочу поставить в этой книге.

Название «Социология личности» может показаться претенциозным, учитывая нынешнюю моду на социологию. Во избежание недоразумений сразу же замечу, что речь не идет ни о создании новой дисциплины, ни, тем более, о противопоставлении ее общей социологии (так же, как никто не противопоставляет психологию ощущений общей психологии или физику твердого тела — общей физике). Проблема личности — комплексная проблема, которую изучают и философы, и социологи, и психологи и педагоги. В этой книге я пытаюсь осветить некоторые аспекты положения личности в обществе с точки зрения марксистской социологии. Мне хотелось при этом, во-первых, уточнить систему понятий, с помощью которых наука описывает

поведение личности и ее взаимодействие с другими людьми и обществом как целым; во-вторых, показать, что личность является не только продуктом, но и деятельным субъектом общественных отношений (отсюда — интерес к внутреннему миру личности, ее Я); в-третьих, выяснить ряд неразработанных или спорных вопросов социологической теории личности (стадии и механизмы формирования личности и ее самосознания в онтогенезе, влияние на личность общественного разделения труда, проблему отчуждения и вопрос о всестороннем развитии личности при коммунизме).

Учитывая сложность и спорность многих вопросов, автор не стремился уложить весь материал в жесткую схему, предпочитая дать читателю пищу для самостоятельных размышлений.

На всем протяжении книги я стремился к тому, чтобы освещать преимущественно (а то и исключительно) наименее разработанные, дискуссионные вопросы, оставляя в стороне то, что не вызывает сомнений или где я заведомо не могу сказать ничего нового. Отсюда — некоторые диспропорции в книге. Например, вторая глава, основанная преимущественно на данных возрастной психологии, посвящена главным образом юности, тогда как факторы формирования личности ребенка освещены суммарно: детская психология изучена в советской литературе гораздо полнее и на более высоком теоретическом уровне, чем юношеская; кроме того, автор не является специалистом в этой области. Такие диспропорции, видимо, неизбежны.

Я выражаю искреннюю благодарность Б. Г. Ананьеву, А. А. Бодалеву, Ю. А. Замошину, Ю. А. Самарину и В. А. Ядову, которые прочитали рукопись книги (полностью или частично) и чьи критические замечания способствовали ее улучшению.

Особую благодарность я выражаю студентам физического факультета Ленинградского университета и другим слушателям факультативного спецкурса «Социология личности», прочитанного мною в 1964 г. Их живое внимание, горячая заинтересованность и многочисленные вопросы явились главным стимулом, побудившим меня написать эту книгу.

Глава I

Личность и общество

1. ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ

Поставив вопрос: что такое человек? — мы хотим спросить: чем человек может стать, то есть может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он «сделать» себя самого, создать свою собственную жизнь?

А н т о н и о Г р а м ш и

Говоря о личности, чаще всего имеют в виду просто отдельного конкретного человека. Но ведь кроме понятия личности в нашем распоряжении имеется еще целый ряд близких понятий: человек, индивид, индивидуальность. В обыденной речи эти понятия часто употребляются в одном и том же значении, но в науке они обозначают разные вещи.

Словом «индивид» обозначается человек просто как единичный представитель какого-то целого (биологического рода или социальной группы); специфические особенности реальной жизни и деятельности данного конкретного человека в содержание этого понятия не входят. Многозначный термин «индивидуальность», который мы будем подробнее анализировать позже, напротив, обозначает то особенное, специфическое, что отличает этого человека от всех

других, включая как природные так и социальные как телесные (соматические), так и психические, как унаследованные, так и благоприобретенные, выработанные в процессе онтогенеза * свойства. Понятие личности тоже многозначно. С одной стороны, оно обозначает конкретного индивида (лицо) как субъекта деятельности, в единстве его индивидуальных свойств (единичное) и его социальных ролей (общее). С другой стороны, личность понимается как социальное свойство индивида, как совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия данного лица с другими людьми и делающих его, в свою очередь, субъектом труда познания и общения. Этот второй аспект понятия наиболее важен с точки зрения социологии, которую отдельный человек интересует не сам по себе, а как член определенного общества, класса, социальной группы, воплощающий в себе некоторые социально типичные черты.

Понимание личности как социального явления было подробно обосновано еще Марксом, который указывал, что «сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*»¹. Это понимание лежит в основе почти всех работ советской психологической школы, начиная с Л. С. Выготского и В. М. Бехтерева. «В качестве собственно лич-

* Онтогенез — индивидуальное развитие, в отличие от филогенеза, обозначающего историческое, родовое развитие организмов.

ностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяются те, которые обуславливают общественно значимое поведение или деятельность человека, — писал С. Л. Рубинштейн. — Основное место в них поэтому занимают система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (то есть те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям), и способности человека, то есть свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности»².

Согласно Л. С. Выготскому и его последователям, интрапсихологические процессы, т. е. внутренние процессы человеческой психики, складываются на основе интерпсихологических, т. е. межличностных, социальных процессов. Главный механизм развития психики человека — это усвоение социальных, исторически сложившихся видов и форм деятельности. Эти усвоенные формы деятельности, системы знаков и т. п. преобразуются далее во внутренние процессы личности. Таким образом, «внешнее» (по отношению к данному индивиду) и его «внутренняя» природа оказываются связанными как генетически, так и функционально.

Ни социология, ни психология, ни другие науки, имеющие дело с проблемой личности, не могут осмысленно изучать свой материал, не имея ясной философской постановки вопроса о соотношении личности и общества. Исходный пункт марксистского решения этой проблемы — знаменитый тезис Маркса, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному

индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»³. Этот тезис четко ориентирует на рассмотрение личности не в качестве изолированной монады, а как общественного существа. Но Маркс здесь явно имеет в виду не единичную личность, а человека как родовое понятие. Человек как род действительно совпадает с совокупностью общественных отношений, с обществом. История общества есть не что иное, как история людей, или, что одно и то же, история общественного человека. Но применимо ли это к отдельному эмпирическому индивиду? «Сущность человека» и «конкретная личность» — не одно и то же. Могу ли я, не погрешив против истины, назвать себя совокупностью всех общественных отношений, когда сфера моей (и вашей, и любого конкретного индивида) деятельности заведомо включает лишь незначительную часть этих отношений?

Общество и личность не тождественны, мало того, в повседневном опыте они выступают как противоположности. Общество воспринимается как граница, рамка моей деятельности, а личное — как то, что принадлежит только мне и отличает меня от других. Процесс приобщения индивида к социальному опыту тоже выступает как двусторонний процесс: «либо человек овладевает готовым, заранее данным стандартом общественного сознания («обучение»), либо те или иные идеи человека становятся общим достоянием, т. е. в некотором смысле общественным стандартом («творчество»). Так или иначе, в этом опыте сознание индивида противостоит общественному сознанию как чему-то внешнему»⁴.

Отсюда — традиционная атомистическая концепция, согласно которой общество — не более чем совокупность индивидов или внешняя среда их деятельности. Когда же эта концепция обнаруживает свою неудовлетворительность, на смену ей приходит другая, в которой общественные институты, отношения и нормы наделяются самостоятельностью, а индивид кажется объектом *их* деятельности.

Личность изучают разные науки, но в разных аспектах. Прежде всего, нужно разграничивать *интраиндивидуальный* и *интериндивидуальный*, межличностный, подходы. Их часто противопоставляют друг другу, но в действительности оба они необходимы, поскольку отвечают на разные вопросы. При интраиндивидуальном подходе в центре внимания стоит индивид и его особенности. В свете этого подхода для понимания такого явления, как дружба, необходимо прежде всего изучить личностные свойства субъекта, которые влияют на его способность к дружбе, — его терпимость, степень его чувствительности к переживаниям другого, раздражительность и т. п.; чем больше его качества приближаются к некоей идеальной модели, тем больше вероятность, что данный субъект будет иметь друзей. С позиции межличностного подхода исследователь изучает не потенциальную способность человека к дружбе, а дружбу как отношение — совместимость двух друзей, как они реагируют друг на друга в определенных ситуациях и т. п. Иначе говоря, в первом случае исследуются черты, установки, свойства личности, во втором — закономерности процесса взаимодействия. Оба подхода предполагают

друг друга: черты личности влияют на взаимодействие индивидов и, в свою очередь, сами формируются и видоизменяются в этом процессе. Но в зависимости от целей исследования преобладает один или другой подход. В общем, можно сказать, что психология и психиатрия чаще пользуются интраиндивидуальным подходом, социальная психология и социология — межличностным.

Одно и то же явление по-разному объясняется на индивидуально-психологическом и на социологическом уровнях. Например, то, что Иван Иванович Иванов не ладит со своей тещей, можно объяснить несходством их характеров, разностью воспитания и т. д. Но то же самое можно объяснить общими особенностями современной нуклеарной семьи (т. е. семьи, состоящей из мужа, жены и их потомства), тяготеющей к автономии от родителей, отрицательным стереотипом * тещи, укоренившимся в общественной психологии, и т. п. Эти два уровня объяснений явно не совпадают и в то же время не противоречат друг другу. Какое объяснение применить — зависит от целей исследования. Если вы хотите помирить Ивана Ивановича с его тещей, полезней индивидуально-психологическое объяснение. Если же данная ситуация интересует вас как частный случай для понимания перспектив развития семьи, допустим, для проек-

* Стереотип — стандартизованный, упрощенный образ какого-либо явления, существующий в общественном сознании и усваиваемый индивидом в готовом виде. Это схема, которая не только фиксирует черты какого-то явления, но и содержит их эмоциональную оценку.

тирования новых жилых домов, единственно правильным будет социологическое объяснение.

Чтобы дать социологическую теорию личности, мы сначала рассмотрим средства, позволяющие научно описать деятельность личности и ее место в системе общественных отношений, которые мы пока примем за нечто данное, статичное; основным понятием этого раздела будет понятие социальной роли. Затем рассмотрим, как система социальных ролей и отношений личности преломляется в ее самосознании (проблема Я). И наконец, в четвертом параграфе этой главы перейдем от структурного анализа к динамическому и выясним активно-творческую роль личности (личность как субъект).

2. ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ

*Как можно познать самого себя?
Только путем действия, но никогда — путем созерцания. Попробуй
выполнить свой долг, и ты узнаешь,
что в тебе есть.*

Но что такое твой долг? Требование дня.

Г е т е

Когда мы пытаемся определить какие-то свойства или особенности индивида, мы сразу же обнаруживаем, что они формируются и проявляются только в его взаимодействии с другими людьми.

Возражая против распространенных в XIX в. попыток рассматривать личность как некую изолированную и замкнутую в себе монаду, Маркс подчеркивал, что «индивиды как физически, так

и духовно творят друг друга», что «развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении»⁵.

ОТ ЛИЧНОСТИ К ОБЩЕСТВУ

Уже этимология слова «личность» показывает, что оно имеет смысл лишь в контексте определенных общественных отношений. Первоначально слово «persona» обозначало маску (ср. русское «личина»), которую надевал актер в греческом театре, а затем самого актера и его роль. У римлян это слово употреблялось не иначе, как с указанием определенной социальной функции, роли — личность отца, царя, обвинителя и т. п. Платон говорит о «трагедии и комедии жизни», в которой люди играют роли, назначенные им судьбой или богами⁶. Образ человека как актера, играющего заданные ему роли и меняющего эти роли в зависимости от возраста и социального положения, — один из самых распространенных образов мировой литературы. Достаточно вспомнить Шекспира:

Весь мир — театр.

В нем женщины, мужчины — все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.

Семь действий в пьесе той. Сперва младенец,
Ревущий горько на руках у мамки...

Потом плаксивый школьник с книжной сумкой,

С лицом румяным, нехотя, улиткой

Ползущий в школу. А затем любовник,

Вздыхающий, как печь, с балладой грустной

В честь брови милой. А затем солдат,

Чья речь всегда проклятьями полна,

Обросший бородой, как леопард,
 Ревнивый к чести, забияка в ссоре,
 Готовый славу бrenную пскать
 Хоть в пушечном жерле. Затем судья
 С брюшком округлым, где каплун запрятап.
 Со строгим взором, стриженной бородкой,
 Шаблонных правил и сентенций кладезь,
 Так он играет роль. Шестой же возраст —
 Уж это будет нищий Панталоне,
 В очках, в туфлях, у пояса — кошель,
 В штанах, что с юности берег, широких
 Для ног иссохших; мужественный голос
 Сменяется опять дискантом детским:
 Пищит, как флейта... А последний акт,
 Конец всей этой странной, сложной пьесы —
 Второе детство, полузабытье:
 Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего⁷.

Ни в обыденной речи, ни в системе научных понятий мы не можем описать поведение и взаимоотношения индивида с другими людьми и общественными учреждениями иначе, как в терминах выполняемых им социальных ролей. Допустим, мы хотим охарактеризовать личность Ивана Ивановича Иванова. Как мы это будем делать? Прежде всего, путем перечисления его многообразных ролей, функций (мужчина средних лет, учитель, коммунист, женатый, отец двоих детей, участник художественной самодеятельности и т. д.). Эта характеристика, разумеется, не исчерпывает индивидуальности Иванова, каждая из перечисленных ролей присуща не только ему, но и многим другим людям. Но и без нее обойтись невозможно. Ведь даже характеризуя индивидуальные качества Иванова (добрый он или злой, отзывчивый или черствый, способный или неспособный), мы невольно подразумеваем, что эти качества проявляются в его

социальных ролях. Способный учитель может быть весьма неспособным писателем или альпинистом. Характер, оцениваемый как мягкий для мужчины, может казаться скорее жестким, если речь идет о женщине. Одно и то же качество у пятнадцатилетнего мальчика воспринимается как милая наивность, а у тридцатилетнего мужчины — как глупость.

Понятие социальной роли широко применяется в современной западной социологии и социальной психологии⁸. Однако понимают его по-разному. Бихевиористская концепция, фиксирующая внимание на непосредственно наблюдаемом поведении людей (behavior — поведение), ограничивает предмет исследования непосредственным взаимодействием между индивидами: действие одного индивида оказывается стимулом, который вызывает ответную реакцию другого. Такая концепция позволяет лишь внешне описать процесс взаимодействия, она не раскрывает ни внутренней структуры личности (разные люди по-разному реагируют на одни и те же стимулы), ни структуры общественных отношений (поведение людей протекает в рамках определенных общественных учреждений, зависит от их общественного положения). Авторы, не удовлетворенные этой схемой (в частности, социологи Т. Парсонс и Э. Шилз), дополняют ее указанием на то, что, с одной стороны, личность обладает собственной внутренней структурой (идеи, желания, установки), которая располагает ее к одним, а не другим ролям; с другой стороны, сами «ролевые ожидания» являются случайными ситуационными факторами, но вытекают из требований социальной

системы. Как пишет Т. Парсонс, любая крупномасштабная социальная система (общество) представляет собой не что-то монолитное, но сложную сеть взаимозависимых и взаимопроникающих подсистем. Один и тот же индивид одновременно участвует во многих системах и имеет много разных ролей; роль определяется как «структурно организованное, т. е. нормативно регулируемое участие лица в конкретном процессе социального взаимодействия с определенными конкретными ролевыми партнерами»⁹. Утверждение, высказанное в столь общей форме, не вызывает возражений. Но сразу же встает вопрос: равноценны ли эти различные подсистемы и связанные с ними роли с социальной точки зрения? Парсонс не показывает разницы между объективными процессами, участие в которых не зависит от воли индивида, и субъективными. Мало того, сама социальная система складывается, по Парсонсу, из ролей или ролевых ожиданий, над которыми надстраиваются коллективы, нормы и ценности¹⁰.

Описание личности в терминах ее социальных ролей кажется простым и естественным делом. Но любая социальная роль предполагает определенное социальное положение, позицию, занимаемую индивидом в системе общественных отношений. А это, в свою очередь, соотносится с обществом как целым. Так, положение и роль учителя предполагает существование определенной системы общественного разделения труда. Роли матери и отца зависят от структуры и функций семьи, а они, в свою очередь, определяются более общими социальными процессами. Даже за естественными характеристиками

индивида (пол, возраст, этническая принадлежность) стоят, в конечном итоге, социальные свойства.

«Женская» роль, воспринимаемая обычно как следствие биологической организации, на деле обусловлена общественным положением женщины — степенью ее порабощения или, напротив, эмансипации, традиционными видами деятельности и т. п. Возрастные характеристики имеют смысл только в свете существующего в данном обществе взаимоотношения возрастных групп, которое, в свою очередь, зависит от целого комплекса исторических условий. Роли, обусловленные, на первый взгляд, принадлежностью к той или иной этнической группе, фактически определяются существующей системой отношений между разными этническими группами (быть негром в США и на Кубе — совершенно разные вещи).

Следовательно, чтобы понять конкретную личность, недостаточно описать ее непосредственные взаимоотношения с другими людьми. Начинать надо не с индивида и его непосредственного взаимодействия с другими, а с общества как целого, хотя это и кажется более абстрактным.

ОТ ОБЩЕСТВА К ЛИЧНОСТИ

Что же такое человеческое общество? На первый взгляд кажется, что общество — просто совокупность индивидов. Как писал Маркс, люди сами являются и актерами, и авторами своей всемирно-исторической драмы. Но состав индивидов меняется, а определенные формы социаль-

ного взаимодействия, общественные отношения остаются. Отсюда — тезис, что общество состоит не из индивидов, а из совокупности отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу.

Это определение значительно глубже первого, оно фиксирует устойчивость и определенность социальной структуры, не зависящей от воли и желания отдельных индивидов. Но это определение тоже является неполным, так как оно не указывает происхождения соответствующей структуры; его можно истолковать в том духе, что общественные отношения независимы не только от данных, исторически определенных, индивидов, но и от человеческой деятельности вообще. Ничто не может быть дальше от мысли Маркса.

Отправным пунктом материалистического понимания истории являются не отдельные индивиды (они не существуют вне общества) и не безличные общественные отношения (они суть отношения между индивидами), а практика как совместная деятельность людей. Человеческое общество — это совокупность всех исторически сложившихся форм совместной деятельности людей¹¹. В отличие от биологических систем, которые сохраняют свою структуру главным образом через передачу из поколения в поколение определенных наследственных признаков, социальная информация, закодированная в ряде знаковых систем (культура, идеология), передается благодаря деятельности специфических общественных институтов. В основе структуры общества лежит структура самой общественной деятельности. Чем богаче эта дея-

тельность, тем дифференцированнее система общественных отношений, институтов и групп. Так, расчленение первоначально единого процесса деятельности на материальное и духовное производство породило материальные и идеологические отношения и соответствующую специализацию общественных учреждений. Усложнение процесса общественного производства повлекло за собой возникновение классов и дальнейшую дифференциацию социальных групп. Выделение специфических функций управления вызвало к жизни политику как особую сферу общественной жизни и государство как особый общественный институт.

Ни отдельный индивид, ни каждое поколение как таковое не создают этой сложной системы отношений, а застают ее как нечто готовое, данное. Расчленение общественной деятельности исторически предшествовало появлению данной системы отношений, институтов, социальных групп и т. д. Но в повседневной жизни и сознании индивида эта зависимость переворачивается: способ и форма его жизнедеятельности обусловлены наличной системой общественных отношений. Жизненные функции личности, а следовательно, и ее собственная структура производны от структуры общественных отношений.

Общество как определенная система социальной реальности существует в двух формах — объективной (общественное бытие) и субъективной (общественное сознание), которые тесно связаны друг с другом и даются индивиду как нечто от него не зависящее.

Уровень развития производительных сил

определяет характер и форму производственных отношений. Эти последние включают в себя конкретные формы общественного разделения труда и определяют классовую структуру общества. Классовые отношения своеобразно преломляются в системе конкретных социальных групп (профессиональных, бытовых, семейных и т. п.), которые составляют специфическое непосредственное окружение индивида.

Маркс недаром подчеркивал необходимый, безличный характер производственных отношений, в которых люди участвуют «не как индивиды, а как члены класса»¹², в противовес отношениям, основанным на личных качествах индивидов. «Это — не отношения одного индивида к другому индивиду, а отношения рабочего к капиталисту, фермера к земельному собственнику и т. д. Устраните эти общественные отношения, и вы уничтожите все общество»¹³.

Взаимоотношения капиталиста и рабочего, покупателя и продавца обусловлены не их личными симпатиями или антипатиями (они могут даже не встречаться друг с другом), а их социальным положением. Политическая экономия, социология и другие общественные науки, изучающие систему общественных отношений, вообще абстрагируются от индивидуальных особенностей людей, последние нередко выступают в них лишь носителями классовых интересов. Маркс подчеркивал, что «этого не следует понимать в том смысле, будто, например, рантье, капиталист и т. д. перестают быть личностями, а в том смысле, что их личность обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями, и данное различие выступает

лишь в их противоположности к другому классу, а для них самих обнаруживается лишь тогда, когда они обанкротились»¹⁴.

Иначе говоря, свойства индивида как личности не исчерпываются его классовой принадлежностью, но последняя является их существенной детерминантой. Мы вполне можем представить себе доброго, благожелательного капиталиста, питающего теплые чувства к «своим» рабочим. В масштабах мелкого предприятия между хозяином и рабочими могут быть даже хорошие личные отношения. Но эти личные отношения не определяют главного. Стоит только ухудшиться экономической конъюнктуре, как наш «добрый» капиталист будет вынужден, хочет он того или нет, под угрозой разорения снизить зарплату своим рабочим или уволить часть из них. Какие бы иллюзии ни питали каждая из сторон, их отношения есть отношения зависимости и эксплуатации. Именно поэтому социология вправе отвлечься от индивидуальных особенностей лиц, рассматривая их просто как социальные типы.

Детерминация индивида обществом не исчерпывается данным ему социальным положением. Она осуществляется и по другой линии.

Так же, как из поколения в поколение передаются орудия труда и материальные ценности, передаются и накопленные человечеством опыт и знания, фиксированные в определенных системах значений. Значение какой-либо вещи есть то, чем она является в общественной практике, каким человеческим потребностям она удовлетворяет. Это прежде всего фиксируется в слове. Овладевая речью, индивид вместе с тем

овладевает обобщенным в языке человеческим опытом. Он не придумывает, что значит «яблоко», «треугольник», «дом», а усваивает уже готовую, исторически сложившуюся систему значений. Конечно, эти значения как-то индивидуализируются, приобретают специфический личностный смысл, зависящий от личного опыта субъекта, его возраста, пола, социального положения. Слово «дом» в самом обычном значении имеет разный личностный смысл для строителя, туриста, осматривающего город, и человека, стоящего в очереди на квартиру. «Бог» значит не одно и то же не только для верующего и неверующего, но и для представителей разных религий. Понятия «мир», «свобода», «равенство», «демократия» имеют разное значение в системе коммунистической и буржуазной идеологии. Но эти значения и символы являются не просто формами, в которых индивид выражает свое мировосприятие. Они *формируют* это восприятие, вызывают у него соответствующие чувства и установки. Вариации значений и идеологических символов у конкретного индивида суть вариации в рамках более общей идеологической системы, с которой они — осознанно или неосознанно — соотносятся.

Процесс *социализации*, т. е. усвоения индивидом социального опыта, в ходе которого создается конкретная личность, несводим к непосредственному взаимодействию индивидов. Чтобы от характеристики общества перейти к характеристике личности, необходим ряд этапов и целая система понятий.

Общество, как сложная система, дифференцируется на ряд зависимых подсистем и частных

структур (сферы общественной деятельности, классы и социальные группы, общественные институты и т. д.). Это конкретизируется в большом количестве взаимосвязанных друг с другом социальных позиций¹⁵.

Социальное положение (позиция) индивида — его место в определенной конкретной социальной структуре. В силу сложности общественных отношений каждый индивид занимает множество позиций (учитель — профессиональная позиция, отец — семейная, партгрупорг — общественно-политическая), различающихся по своему значению, определенности и другим признакам.

Лицо, занимающее определенное положение, выполняет определенную *социальную роль*. Под ролью понимается функция, нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию. Например, от учителя ожидают определенной профессиональной деятельности, с которой ассоциируются и некоторые личностные качества (скажем, умение разбираться в людях). Отцы бывают разные, но роль отца всегда предполагает участие в воспитании детей и соответствующую меру ответственности и т. д. Эти ожидания, определяющие общие контуры социальной роли, не зависят от сознания и поведения конкретного индивида; они даются ему как нечто внешнее, более или менее обязательное; их субъектом является не индивид, а общество или какая-то конкретная социальная группа. Именно то, насколько поведение лица соответствует этим ожиданиям, служит критерием оценки выполнения им данной социальной роли.

Социальные роли, особенно если их рассматривать каждую в отдельности, могут казаться чем-то внешним по отношению к конкретной личности. Наш Иванов не перестанет быть самим собой, если он по каким-либо причинам оставит семью и бросит художественную самодеятельность. Сама множественность социальных ролей, присущих каждому из нас, делает нас более или менее автономными от каждой из этих ролей в отдельности; дальше я подробно рассмотрю этот вопрос. Однако, как показывают специальные исследования, выполнение той или иной социальной роли, особенно если это продолжается долгое время и сама роль существенна для индивида, оказывает заметное влияние на его личностные качества (его ценностные ориентации, мотивы его деятельности, его отношение к другим людям).

Вспомните «Пигмалион» Бернарда Шоу. Как изменилось все поведение уличной цветочницы Элизы Дулиттл в результате усвоения (первоначально с временной целью!) всего лишь иного стиля речи и манер! Вместе с внешними чертами роли девушка усвоила и какие-то элементы нового самосознания, которые сделали для нее невозможным возвращение к прежней жизни без глубочайшей психологической травмы.

Еще более поучительны данные о влиянии на личностные качества человека его профессиональной роли. Представителей некоторых профессий можно легко узнать, даже не зная их рода занятий, по манере поведения и стилю мышления. Это влияние подтверждают и специальные исследования. Например, у многих учи-

телей дидактическая, поучающая манера, выработанная в школе, нередко проявляется и в сфере личных отношений. Привычка упрощать сложные вещи, чтобы сделать их понятными детям, если с ней не бороться, рождает известную прямолинейность, негибкость мышления. Сдержанность, вызванная необходимостью «держат в руках» класс, проявляется и вне школы¹⁶. Как показывают данные А. А. Бодалева, люди разных профессий обнаруживают тенденцию по-разному воспринимать внешний облик другого человека¹⁷. Американские социологи, исследовавшие психологические особенности государственных чиновников, пришли к выводу, что безличный характер административной деятельности, строгая приверженность к правилам и распорядкам, часто совершенно формальным, способствуют общему обеднению эмоциональной жизни человека, появлению формализма и сухости и в его личных взаимоотношениях, ничего общего со службой не имеющих¹⁸. Экспериментально доказана зависимость ценностных ориентаций личности от ее социальной роли¹⁹.

Однако сама по себе социальная роль еще не определяет поведение лица. Для этого она должна быть усвоена, интернализирована. *Интернализованная роль* — это внутреннее определение индивидом своего социального положения и его отношение к этому положению и вытекающим из него обязанностям. Обязанности отца вообще не зависят от особенностей Ивана Ивановича Иванова, они определяются структурой современной семьи и ее функциями в более общей системе советского общества. Но как понимает эту роль Иван Иванович, какое значение он ей

придает, какое место занимает она в его жизни, как она согласуется с другими его социальными ролями — дело весьма индивидуальное, зависящее от особенностей его биографии. Одна и та же социальная роль по-разному воспринимается, переживается, оценивается и реализуется разными людьми. Здесь сказываются как индивидуально-психологические особенности личности (ее темперамент, характер, склонности), так и усвоенные ею социальные установки, ценностные ориентации и т. п.

Таким образом, понятие социальной роли является центральным при описании и анализе непосредственного взаимодействия индивидов. Но оно требует дополнения с двух сторон. Во-первых, ролевое поведение личности (т. е. ее действия в качестве учителя, отца или партгруппа) можно понять только в рамках более общей социальной системы, от которой производны и с которой соотносятся частные социальные структуры. Во-вторых, межиндивидуальный ролевой анализ должен быть дополнен интраиндивидуальным подходом, позволяющим перейти от структуры взаимоотношений данного индивида с другими к его внутренней психологической структуре, одним из элементов которой является интернализированная роль. Существует множество различных подходов к этой проблеме. С точки зрения социолога, как правильно отметил В. А. Ядов, наиболее важной «переходной» категорией в этом плане является категория интереса.

Интерес есть, с одной стороны, социально-экономическое, а с другой — индивидуально-психологическое явление. С точки зрения социоло-

лога, интерес — это социальное «положение, рефлектирующееся в сознании, и вместе с тем сознание, переходящее в действие... Объективным моментом интереса является положение субъекта, субъективным моментом — идеальные побудительные силы: желания, стремления, мотивы деятельности. Предметы и объекты этих мотивов оказываются содержанием интереса, *отражаются* в сознании субъекта сообразно его положению, положение же *выражается* в содержании интересов. Следовательно, *интерес есть единство выражения* (обнаружения, проявления) *внутренней сущности субъекта и отражения объективного мира*, совокупности материальных и духовных ценностей человеческой культуры в сознании этого субъекта»²⁰. Интерес, обусловленный социальным положением лица, его классовой, групповой принадлежностью, преломляется в определенной системе мотивов, установок и ориентаций.

Мотив обозначает субъективное отношение человека к своему поступку, сознательно поставленную цель, направляющую и объясняющую поведение. Изучая, например, мотивы трудовой деятельности рабочего, социологи стремятся выяснить, что именно побуждает его трудиться, чем определяется его осознанное отношение к труду. Мотивы зависят как от особенностей индивида, так и от конкретной ситуации и могут быть противоречивыми и непоследовательными. Гораздо глубже лежит *установка*, определяющая отношение группы или индивида к какому-либо объекту, а также самый способ его восприятия. Установка — состояние готовности к определенной активности, способной удовлетво-

рить ту или иную потребность. Установка оказывает руководящее влияние на отношение индивида ко всем связанным с нею объектам. Теорию установки на большом экспериментальном материале разрабатывал советский психолог Д. Н. Узнадзе. Установка не только более устойчива, нежели мотив, но и гораздо сложнее: она включает и мысль, и чувство, и побуждение к действию. Причем сам субъект обычно не осознает наличие у него той или иной установки. Наконец, *ориентация* — это целая система установок, в свете которых индивид (группа) воспринимает ситуацию и выбирает соответствующий образ действий. Ориентации, направленные на какие-то социальные ценности, называются ценностными ориентациями.

Восприятие и оценка личностью ее социальных ролей в огромной степени определяется типичной для нее системой ценностных ориентаций. Подобно ролевой структуре, они одновременно социальны и индивидуальны. Они социальны потому, что обусловлены положением лица, а также системой общественного воспитания, пропаганды и т. п. Совокупность типичных ценностных ориентаций, свойственных личности в данном обществе, называется социальным характером. В то же время они индивидуальны, поскольку в них аккумулируется неповторимый жизненный опыт данного лица, своеобразие его интересов и потребностей.

Социологический анализ, отправляясь от общества как системы, через дифференциацию социальных функций и ролей, приводит к человеку как социальному типу. Но конкретная личность — это не только социальный тип. Лично-

стная интеграция социальных ролей неповторимо индивидуальна и зависит от целого комплекса особенных обстоятельств.

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Индивидуальность как неповторимость каждого отдельного человека есть прежде всего факт биологический. Число возможных комбинаций человеческих генов с их возможными мутациями биологи считают едва ли не большим, чем число атомов во вселенной. Каждый человеческий организм является носителем единственного в своем роде генотипа (генетическая конституция организма), который обуславливает соответствующий фенотип (внешнее проявление какого-либо признака).

Особенно важны различия типов нервной системы человека. Еще в древности сложились представления о четырех главных темпераментах, характеризующих поведение человека: холерическом, сангвиническом, флегматическом и меланхолическом. К. Юнг ввел деление людей на два типа: интровертивный (обращенный внутрь, характеризующийся замкнутостью, созерцательностью и т. д.) и экстравертивный (обращенный вовне, характеризующийся общительностью, открытостью внешним влияниям и т. д.).

И. П. Павлов предложил новую классификацию, основанную не на внешних чертах поведения, а на различиях в типе нервной системы, способе сочетания основных свойств двух главных нервных процессов — возбуждения и торможения, которые могут различаться по степени: 1) силы — слабости, 2) уравновешенности —

неуравновешенности и 3) подвижности — инертности.

Развивая эти идеи, Б. М. Теплов предлагает следующую структуру свойств нервной системы: 1) сила (выносливость), 2) динамичность (легкость инерции нервного процесса), 3) подвижность (скорость переделки знаков раздражителей), 4) лабильность (скорость возникновения и прекращения нервного процесса). Причем каждое из этих свойств может быть различным по отношению к процессу возбуждения и к процессу торможения. Одновременно Б. М. Теплов обоснованно возражает против того, чтобы одни типы нервной системы считать «хорошими», а другие — «плохими». «Слабую нервную систему, т. е. нервную систему мало выносливую, но высоко чувствительную, нельзя считать во всех случаях «худшей», чем сильную нервную систему — выносливую, но мало чувствительную. Для одних видов деятельности предпочтительнее одна из них, для других — другая»²¹.

В последние годы получен ряд данных, свидетельствующих в пользу наследственного, генетического характера некоторых существенных психологических характеристик. Так, идентичные однояйцевые близнецы, развившиеся из одной и той же яйцеклетки, обнаруживают гораздо больше сходства в степени умственных способностей, экстравертивности и невротизма, чем так называемые двухяйцевые близнецы, причем это не зависит от того, воспитываются они вместе или отдельно²².

Выяснение генетических факторов человеческой индивидуальности имеет большое научное значение. Но как бы ни было велико значение

наследственности, его не следует абсолютизировать. Во-первых, это влияние чаще всего опосредствовано другими, социально-психологическими факторами. Самосознание и поведение красивой девушки большей частью отличается от самосознания и поведения дурнушки. Но дело здесь, конечно, не в форме носа или разреза глаз самих по себе, а в том, что красота представляет собой социальную ценность, обладание которой, без всякой собственной заслуги, становится существенным психосоциальным фактором.

Во-вторых, и это особенно важно, влияние природных факторов может быть в большей или меньшей степени нейтрализовано системой воспитания и социального воздействия.

Второй фактор, обуславливающий многообразие людей как личностей, — это своеобразие индивидуального жизненного опыта. В отличие от актера, который может свободно менять роли и маски, сознавая свое несовпадение с ними, личность усваивает, интернализует свои роли, интегрирует их в некую специфическую, автономную систему. При этом решающее значение имеет предшествующий жизненный опыт человека, особенности его воспитания, его установки и т. д. Как мы воспринимаем любое событие, зависит от наших предшествующих переживаний и опыта. Став отцом, человек невольно соотносит свою новую роль не только с тем, чего от него «вообще» ждет общество (тем более, что эти ожидания чаще всего не очень определены), но и с тем, каким был его собственный отец или отцы его ближайших товарищей. Понимание и выполнение профессиональных ролей в огромной степени зависит от ранее сложив-

шихся у личности трудовых установок и других психологических качеств. Ни в какой момент своей жизни, начиная с первых месяцев ее, индивид не является совершенно аморфной массой, готовой принять любую «наложенную» извне форму. Человек чрезвычайно пластичен, но в его индивидуальности содержатся, в диалектически снятом виде, все этапы его предшествующего развития, со всеми их зигзагами и противоречиями.

Выше мы видели, что определенные социальные роли влияют на личностные качества индивида. Но есть и обратный процесс: индивидуальные особенности человека существенно влияют на выбор его социальных ролей и на их реализацию.

Американский социолог М. Розенберг²³ провел опрос (с помощью анкеты) трех больших групп студентов (2758, 1571 и 4585 человек) о том, как они представляют себе идеальную работу. По характеру их психологических ориентаций, выяснившихся в ходе опроса, Розенберг разделил всех опрошенных на 3 типа: 1) «податливые» — те, которые больше всего озабочены отношением к себе со стороны окружающих, предпочитают распоряжаться сами, но не возражают и против того, чтобы подчиняться другим, и в целом положительно оценивают человеческую природу; 2) «агрессивные» — те, которые озабочены главным образом тем, чтобы добиться успеха (успех для них важнее, чем независимость или любовь окружающих), любят командовать и считают, что «если ты сам о себе не позаботишься, люди тебя обманут», и 3) «отрешенные» — те, кто выше всего ценят незави-

симость (больше, чем успех и расположение других), не любят выполнять чужие приказы и предпочитают сами принимать нужные решения. В определении признаков идеальной работы «податливый» тип выдвигает на первый план «возможность быть полезным другим» и «возможность работать с людьми», «агрессивный» тип — возможность заработать много денег и социальный престиж, «отрешенный» — быть «свободным от надзора», иметь творческий и оригинальный труд. В соответствии с этими своими качествами студенты выбирают профессии, которые, как им кажется, больше всего соответствуют их идеалу. Так, «податливые» выбирают преимущественно такие профессии, как общественная деятельность, преподавание, работа с кадрами; «агрессивные» предпочитают торговлю, бизнес, рекламу, юриспруденцию; «отрешенные» больше тяготеют к искусству, архитектуре, естественным наукам.

Разумеется, типология Розенберга, особенно в отношении личностных ориентаций, весьма условна и может быть подвергнута критике. Но его исследование тем не менее убедительно показывает, что выбор профессиональных ролей определяется, в той мере, в какой он вообще зависит от индивида (а эта мера ограничена — американские безработные не выбирают профессию, а берутся за любую подвернувшуюся работу), его ценностными ориентациями, которые, в свою очередь, связаны с его индивидуально-психологическими особенностями. Поэтому, когда мы замечаем у людей определенной профессии какие-то общие психологические черты, всегда встает вопрос: обусловлена ли эта специ-

фика влиянием профессии или наоборот, люди, обладающие известными чертами, выбирают себе соответствующую профессию, которая углубляет и закрепляет эти черты?

Итак, индивидуальность является, во-первых, следствием биологического своеобразия организма, во-вторых, следствием специфических особенностей развития данного индивида. Есть еще и третий, особенно важный с социологической точки зрения, момент: сама противоречивость общественных отношений обуславливает известную автономию личности от каждой из ее социальных ролей. Какими бы общими, безличными ни были роли, взятые в отдельности, их структура, их интеграция в личности отдельного индивида всегда является уникальной, специфической только для него. Каждый индивид одновременно принадлежит к множеству различных групп и коллективов (производственных, общественно-политических, культурных, бытовых и т. д.). Но значение их для личности неодинаково. Группа, с которой индивид чувствует себя связанным наиболее тесно и в которой он черпает нормы, ценности и установки своего поведения, называется в социологии референтной группой (от латинского «refero» — соотношу). Личность обычно имеет не одну, а несколько референтных групп, каждая из которых служит ей эталоном в каком-то определенном отношении. Это может быть как группа, в которой человек действительно состоит, так и группа, к которой индивид непосредственно не принадлежит, но которая служит для него образцом. Например, подросток, стремящийся попасть в общество взрослых, хотя он

туда и не принят, часто руководствуется в своем поведении и оценках системой норм, принятой не в среде своих сверстников, а в определенной взрослой компании. Мещанин, стремящийся приобщиться к «высшему обществу», рабски подражает обычаям и нравам света. Референтная группа может быть даже воображаемой; например, мальчик пытается вести себя в соответствии с кодексом мушкетеров Дюма или других литературных героев. В силу этой множественности групп и ролей идентификация личности с каждой отдельной ролью является неполной, частичной. Как ни важна для Иванова его профессия учителя, она не исчерпывает ни его общественных отношений, ни содержания его личности. В то же время, отдельные роли представляют собой не случайный конгломерат, а некое органическое единство. Одни из них являются главными, интегрирующими, другие — вторичными, менее существенными. Это связано с преобладанием у личности тех или иных ценностных ориентаций.

Ленинградские социологи А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов, изучая отношение молодых рабочих к труду, обнаружили у них несколько типов преобладающей ориентации: 1) на семью, 2) на образование, 3) на общественную работу, 4) на работу на производстве, 5) на заработок. Некоторая часть опрошенных (970 человек, 36% всех опрошенных) никакой устойчивой ориентации не обнаружила²⁴.

Разумеется, господствующая ориентация не является единственной и всеобъемлющей. Например, из 1100 человек, ориентирующихся в первую очередь на семью, 15% ориентируются

вместе с тем на образование, 14% — на общественную работу, 11% — на работу на производстве и 10% — на заработок. Из 627 человек, ориентирующихся преимущественно на образование, 23% одновременно ориентируются на семью, 20% — на общественную работу, 15% — на работу на производстве, 5% — на заработок. Тем не менее основная ориентация служит своего рода стержнем личности, организуя прочие ориентации и социальные роли.

Система ценностных ориентаций личности и ее социальных ролей не является механическим слепком иерархии ценностей и ролей, существующей в общественном сознании. Удельный вес различных ролей различен для разных людей и в разных ситуациях. Например, с точки зрения деканата и общественных организаций, академическая успеваемость студента гораздо важнее, чем его личное обаяние и талант гитариста. Но с точки зрения другой референтной группы — его друзей и подруг — это далеко не бесспорно, и в каких-то ситуациях он может пожертвовать первым ради второго. Чтобы понять поведение человека, недостаточно знать внешнюю, объективную систему его ролей. Необходимо также понимать их внутреннюю структуру, их смысл и удельный вес в его собственных глазах, выяснить психологическую доминанту его личности.

Социальную роль не следует фетишизировать, намертво отгораживая ролевое поведение от спонтанной жизнедеятельности индивида. И. Гофман²⁵ справедливо указывает, что в социологической литературе существует тенденция разделять поведение индивида на две ча-

сти: одна, формальная, застывшая, мертвая, приписывается «обязательному» миру социальных ролей, вторая включает в себя «личные» дела и отношения, то, чем индивид «действительно» является «сам по себе», как личность. Конкретный анализ социального поведения лица, его деятельности в определенной роли (Гофман специально исследовал под этим углом зрения поведение хирурга) показывает, что здесь всегда имеют место не только индивидуальные вариации, но и некоторое социально-типическое «ролевое расстояние». Например, фотография собственных детей под стеклом служебного стола руководящего работника (случай довольно распространенный) выражает не только его нежелание резко разграничивать свою служебную и личную жизнь, но и косвенно дает понять посетителю, что хозяин кабинета и в своей служебной роли не склонен к формализму, что он готов к «человеческим» контактам и т. п., т. е. это является символом некоторого *стиля* управления (другое дело, насколько серьезен этот символ). Для хирурга умение пошутить в напряженный момент операции является частью профессиональной экипировки, позволяя поднять настроение персонала; здесь тоже проявляются не просто личные качества, но известный стиль ролевого поведения. Часто это «расстояние от роли» специально подчеркивается, причем смысл этого может быть различен. В одном случае это выражает отчуждение индивида от роли, желание подчеркнуть свою независимость от нее. В другом случае, наоборот, именно прочная идентификация с ролью позволяет индивиду свободно варьировать свое пове-

дение, на что неспособен новичок, строго придерживающийся «предписанных» рамок.

Дело не только в множественности ролей самих по себе, но и в том, что ролевые отношения часто содержат в себе сложные конфликты. Ролевым конфликтом называется ситуация, в которой лицо, занимающее определенное положение, сталкивается с несовместимыми ожиданиями (требованиями) ²⁶. Это может быть межролевой конфликт, когда индивид одновременно является носителем таких ролей, которые предъявляют к нему несовместимые или трудно совместимые требования. Например, роль классного руководителя требует от Ивана Ивановича проводить больше времени со своими учениками, а роль мужа и отца требует уделять больше внимания собственной семье. Подобные конфликты встречаются в жизни постоянно. Иногда они являются весьма острыми.

В современной этнографии существует специальное понятие «маргинальный (от слова «промежуточный») человек», обозначающее человека, который стоит на рубеже двух различных культур и не уверен, какая принадлежность для него важнее. Таковы, например, люди, произошедшие от смешанных межнациональных браков, или представители угнетенных меньшинств, получившие европейское образование и в силу этого имеющие двойную принадлежность — одну по происхождению, другую — по воспитанию. При благоприятном развитии национальных взаимоотношений маргинальные люди служат своего рода мостом между разными по характеру этническими группами и их культурами. Но в случае возникновения кон-

фликтов, их положение оказывается тяжелым: двойная принадлежность вызывает внутреннюю напряженность, приходится выбирать между противоречащими друг другу привязанностями, ожиданиями и ценностями. Эта двойственность положения, непрочность идентификации сказывается и на других чертах личности, нередко приводя ее к неврозу.

Кроме межролевых противоречий, существуют также внутриролевые конфликты, обусловленные тем, что разные люди и разные социальные группы по-разному, часто весьма противоречиво, представляют себе обязанности, связанные с одной и той же ролью. Любое социальное положение (например, учитель) представляет целое поле общественных отношений («учитель — ученики», «учитель — другие учителя», «учитель — школьная администрация», «учитель — родители», «учитель — комсомольская организация» и т. д.), и участники этих отношений по-разному трактуют одну и ту же роль. Ожидания учеников могут, допустим, не совпадать с ожиданиями педагогического совета. Роль отца в семье одни люди представляют себе прежде всего как дисциплинирующую силу, как высший и грозный авторитет, и человека, не оправдывающего этих ожиданий, обвиняют в либерализме. Другие же считают, что отец должен быть для детей не грозой, а мудрым старшим товарищем, наставником, и осуждают тех, кто увлекается авторитарными мерами. В определении характера своих ролей, так же, как и в их выборе, индивид имеет достаточно широкую автономию. Противоречивость общественного определения ролевого поведения,

расплывчатость ролевых ожиданий, неопределенность санкций, конфликты между разными ролями — все это делает не только возможным, но и неустранимым самостоятельный выбор, за последствия которого человек может и должен нести моральную ответственность. Причем это касается любых социальных ролей и любых житейских ситуаций.

Социальное положение лица, его классовая, сословная, национальная принадлежность не зависит от его воли, не является продуктом его свободного выбора. Но его конкретная роль всегда зависит от того, как он сам воспринимает и оценивает свое положение и какие выводы он отсюда делает. Как замечательно сказал В. И. Ленин²⁷, раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в бессловесной покорности, есть просто раб. Раб, осознавший свое рабство и примирившийся с ним, восторгающийся своей жизнью и своим добрым господином, есть холоп, хам. Но раб, осознавший свое положение и восставший против него, — это революционер.

Конечно, от осознания рабства и отказа примириться с ним цепи не исчезнут. Они станут даже еще тяжелее, еще невыносимее. Осознание неприемлемости, недостойности своего положения, когда практически невозможно его изменить, — величайшая трагедия, как в личном, так и в общественном плане. Но это трагическое мироощущение является симптомом назревших противоречий и залогом будущей борьбы за освобождение.

Подведем некоторые итоги. Понятие личности обозначает человеческого индивида как члена общества, обобщает интегрированные в нем

социально-значимые черты. Эти черты складываются и проявляются только в конкретном процессе социального взаимодействия, поэтому главным понятием для описания личности является понятие социальной роли. Интраиндивидуальным результатом и компонентом этого взаимодействия в серии последовательных и сосуществующих социальных ролей является система мотивов, установок и ориентаций, составляющая основу внутренней структуры личности. Как роли, так и мотивы, установки, ориентации социальны по своей природе и выражают потребности общественного организма. В этом смысле структура личности производна от социальной структуры. Однако личность вместе с тем представляет собой неповторимо индивидуальную тотальность. Сочетание биологических особенностей организма, специфических черт индивидуальной биографии и, наконец, противоречивость ролевой структуры делают каждого человека как личность уникальным. Эта уникальность и целостность личности, рассматриваемая с ее субъективной, внутренней стороны, отображается понятием Я.

3. Я И САМОСОЗНАНИЕ

*У каждого есть тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный
час.*

*Но это все неведомо для нас.
И если умирает человек,
с ним умирает первый его снег,
и первый поцелуй, и первый бой...
Все это забирает он с собой.*

Евгений Евтушенко

ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО Я

«Человек есть индивидуальность в силу наличия у него особенных, единичных, неповторимых свойств; человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему. Человек есть личность, поскольку у него свое лицо... Субъект в специфическом смысле слова (как «я») — это субъект сознательной, «произвольной» деятельности. Ядро его составляют осознанные побуждения — мотивы сознательных действий»²⁸, — писал С. Л. Рубинштейн.

Человек не только действует во имя определенных целей, но и осознает себя в качестве деятеля, отделяет себя как деятеля от продуктов своей деятельности и самого ее процесса. Свойство это чрезвычайно существенно. Энгельс писал, что история человеческого общества отличается от истории природы «только как процесс развития *самосознательных* организмов»²⁹. В следующих главах мы подробно, на фактическом материале, рассмотрим, как формируется

самосознание в процессе развития отдельного индивида (онтогенез) и в процессе исторического развития человеческого общества (филогенез). А сейчас попытаемся разобраться, что же вообще имеется в виду, когда говорят о человеческом Я, самосознании и т. п.

Вопрос этот исключительно сложен. Прежде всего, словом Я (в немецком и английском языках употребляется еще специфический термин «самость» — Selbst, Self; по-русски это как-то не звучит, поэтому придется обходиться одним термином, хотя его многозначность отрицательно сказывается на точности) обозначаются два различных, хотя и связанных друг с другом явления: 1) Я как субъект, как деятель, как процесс и 2) Я как объект самопознания. В первом значении Я — это динамическая целостность психических процессов, непосредственно переживаемых субъектом, независимо от степени их осознанности. Во втором значении Я — это индивид, каким он видит себя, каким он известен самому себе, каким он себя представляет. Совершенно ясно, что эти значения не совпадают.

Мы осознаем лишь сравнительно небольшую часть наших психических процессов и нашего поведения. Многие важные поступки совершаются импульсивно или автоматически, мы не отдаем себе отчета в их мотивах, поэтому такие процессы и действия называются бессознательными. Непосредственное переживание всегда богаче своего осознания и не может совпадать с ним. Когда я пробую наблюдать свое переживание, оно тем самым утрачивает свою непосредственность. Если я начинаю думать: «Как я

наслаждаюсь музыкой!», то процесс восприятия музыки при этом прерывается, и я наслаждаюсь уже не музыкой, а своей способностью ее воспринимать. Я как объект самосозерцания в какой-то степени перестает быть субъектом деятельности, поскольку мое внимание переключается с содержания деятельности, которая всегда есть активное взаимодействие с внешним миром, на мои внутренние переживания, порожденные этим процессом или связанные с ним. Такое периодическое отключение совершенно необходимо для выработки сознательной ориентации к деятельности, но человек, чрезмерно поглощенный своими внутренними переживаниями, для которого собственное Я стало единственным и главным объектом, оказывается практически недееспособным, он теряет контакты с внешним миром; в некоторых случаях это служит симптомом психического заболевания.

Таким образом, понятия Я как субъекта переживания и Я как объекта самопознания не совпадают по объему, первое значительно шире. Они не вполне совпадают и по содержанию. Индивид видит и представляет себя в разных аспектах по-разному, в зависимости от характера преобладающей роли и ситуации. Противоречивость его ролей преломляется в его самосознании как множественность Я, причем эти различные Я по-разному оцениваются его собственным моральным сознанием. Чем противоречивее положение личности, тем сложнее ее самосознание, ее представления о собственном Я. Вспоминается шуточное стихотворение Андрея Вознесенского:

Я — семья
во мне как в спектре живут семь «я»,
невыносимых, как семь зверей
а самый синий

свистит в свирель!

а весной
мне снится

что я —

восьмой.

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ ПО ФРЕЙДУ

В силу сложности этой проблемы различные психологические направления и социологические школы по-разному рисуют структуру личности и соотношение личности и Я. Так, по теории З. Фрейда, структура личности состоит из трех частей: Оно (Id), Я (Ego) и Сверх-Я (Super-Ego). Хотя они тесно взаимодействуют друг с другом, каждая из них имеет свои специфические функции. Оно (Id) представляет собой резервуар бессознательных иррациональных психических реакций и импульсов, биологических по своей природе; Оно является единственным источником психической энергии и руководствуется только принципом удовольствия. Но безоглядная тяга к наслаждению, не учитывающая реальных условий, привела бы человека к гибели. Поэтому в процессе онтогенеза у человека появляется Я как сознательное начало, действующее на основе принципа реальности и выполняющее функции посредника между иррациональными стремлениями Оно, необходимостью физического мира и требованиями общества. Наконец, Сверх-Я возникает на основе Я и воплощает в себе интернализированные индивидом «родительские образы», моральные запреты

и нормы, внушенные в детстве; это, так сказать, моральная цензура, ставшая неотъемлемым внутренним элементом личности.

Фрейд сравнивал отношения Я и Оно с отношениями между всадником и лошадью: всадник должен сдерживать и направлять лошадь, иначе он может погибнуть, но он движется только благодаря энергии лошади. Положение Я даже сложнее, чем положение всадника. Во-первых, Я должно учитывать требования и условия внешнего мира (принцип реальности). Во-вторых, Я испытывает постоянное давление со стороны Оно, которое всегда сильнее, чем Я; конфликт между требованиями внешнего мира и требованиями Оно порождает у Я внутреннюю тревогу, беспокойство. В-третьих, Я подвергается нажиму со стороны Сверх-Я, морального сознания, совести; нарушение требований Сверх-Я вызывает у человека чувство вины. Этот конфликт, по мнению Фрейда, является неразрешимым и именно в нем лежит ключ ко всем психологическим проблемам как личности, так и общества.

В нашу задачу не входит детальный разбор концепции Фрейда. Сейчас нас интересует только его представление о структуре личности. Как видно из изложенного, фрейдовское Я — только сознательное, точнее, самосознательное Я, тогда как основное содержание Я как деятеля выражается понятием Оно и, поскольку Оно является бессознательным, иррациональной оказывается и большая часть человеческой деятельности. Такая точка зрения вызывает возражения.

Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы отрицать вообще роль бессознательного в

психике и поведении человека. Но есть ли это особый элемент психики, какая-то самостоятельная сущность? Или бессознательные переживания — просто такие переживания, которых человек не осознает, в которых он не отдает себе отчета, мотивы которых ему неизвестны? Любое чувство, влечение, установка могут быть как осознанными, так и неосознанными. Например, первая любовь сначала выступает в виде бессознательного влечения: молодой человек любит, но сам еще не сознает этого, его чувство является бессознательным. Или другой пример. Я ненавижу некоего человека, потому что завидую ему; если я сознаю эту ненависть, но не сознаю лежащей в ее основе зависти, то можно сказать, что моя ненависть сознательна, а зависть бессознательна.

Бессознательное принципиально неустранимо в том смысле, что объем реальных переживаний человека всегда превышает возможности их осознания, мы всегда переживаем больше, чем осознаем; на этом основано и разграничение Я как субъекта деятельности и Я как объекта самосознания. В то же время любой конкретный бессознательный процесс *в принципе* может быть осознан, если только можно выразить его в соответствующей системе значений.

Фрейд как врач, как психиатр уловил это противоречие и положил его в основу своей терапевтической практики. Основной принцип психоанализа: «Где было Оно, должно быть Я». То есть нужно помочь человеку осознать тревожащие его переживания, и тогда он сможет приспособиться к своим условиям жизни и своей психической организации. Такая психотерапия

неврозов действительно во многих случаях дает положительные результаты: углубление самосознания личности облегчает ее приспособление к жизненным условиям.

Эту сторону психоанализа признавал и И. П. Павлов, который в целом относился к Фрейду резко отрицательно³⁰.

Справедливым было и другое наблюдение Фрейда, а именно что осознанию собственных переживаний личности часто мешает жесткая моральная цензура: инстинктивные стремления, осуществление которых несовместимо с требованиями общества и морали, воплощенными в Сверх-Я, вытесняются из сознания. Чаще всего это проявляется в сфере половых отношений, которые специально исследовал Фрейд; но это можно показать и на других примерах. Взять хотя бы тот же случай с завистью. Почему завистник, как правило, не осознает действительных причин своей ненависти? Да потому, что он с детства усвоил, что зависть — недостойное, низменное чувство. Признаться себе в подобном чувстве — значит существенно понизить свое самоуважение. Гораздо легче объяснить свою ненависть действительными и мнимыми пороками соперника. Таким образом, бессознательность многих наших чувств и переживаний объясняется не просто тем, что все сразу осознать нельзя, но и тем, что осознание некоторых переживаний невозможно без серьезного внутреннего конфликта, за которым в конечном итоге стоит конфликт социальный (в нашем примере этот конфликт состоит в том, что зависть морально осуждается и в то же время личный успех служит одним из показателей

общественной значимости человека. Связь этого конфликта с тысячелетним господством частной собственности и конкуренции между людьми можно, пожалуй, не объяснять).

Фрейд, таким образом, нащупал важное противоречие, но тут же абсолютизировал его и мистифицировал самое понятие бессознательного. Оно (Id) представляется ему вместилищем вечных, внеисторических по своей природе психических импульсов. Сначала в качестве всеобъемлющего инстинктивного влечения у Фрейда фигурировало либидо (половое влечение); позже, на основе опыта первой мировой войны, появились два главных инстинкта: Эрос, инстинкт жизни, и Танатос, инстинкт смерти. Однако уже ближайшие сотрудники Фрейда и особенно так называемые неофрейдисты (К. Хорни, Э. Фромм, Г. Салливэн и др.) вынуждены были отказаться как от фрейдовского пансексуализма (т. е. объяснения всего с помощью полового инстинкта), так и от идеи вечных, неизменных импульсов вообще.

Но корень ошибки лежит еще глубже. Как справедливо замечает Ф. В. Бассин, «одной из самых больших ошибок фрейдизма явилось грубое упрощение разнотипных и изменчивых отношений, существующих между неосознаваемой высшей нервной деятельностью и деятельностью сознания. Вся трудновоображаемая сложность этих отношений была Фрейдом и его последователями сведена к единственной динамической тенденции, к функциональному антагонизму сознания и бессознательного, нашедшему свое отражение в учении о вытеснении, этом краеугольном камне психоаналитической тео-

рии на всех этапах ее развития, и в учении о символике как средстве преодоления этого антагонизма»³¹. Проблема бессознательного сводится у Фрейда к проблеме неудовлетворенного аффективного стремления, которая казалась ему стержнем всей психической жизни. Для фрейдизма «бессознательно» то, что по своему содержанию неприемлемо для сознания. Однако, как показывают исследования Д. Н. Узнадзе и его школы, неосознаваемые установки (бессознательное) далеко не всегда противоречат сознанию. Их взаимодействие может идти «как по типу функционального антагонизма, взаимного торможения, так и по типу синергии. Эти последние взаимодействия преобладают в обычных условиях и способствуют адекватной организации самых различных форм поведения. В противоположность этому антагонистические взаимодействия обуславливают распад содружественной координации осознаваемых и неосознаваемых процессов высшей нервной деятельности и выступают наиболее отчетливо в условиях клинической патологии (а при особых условиях — аффективном напряжении, утомлении, мешающих воздействиях, при обстановке «стресса» (напряженности) и т. п. — и в норме)»³². Именно эти особые и явно патологические явления наблюдал Фрейд в своей клинической практике. Но хотя изучение патологии существенно проясняет норму, смешивать их, очевидно, не следует. Этого не учли Фрейд и его последователи, для которых переживания и конфликты больного-невротика стали моделью нормальной человеческой психики.

В структуру личности Фрейд включает со-

циальное по своим истокам и содержанию Сверх-Я. Но бессознательное Оно кажется ему совершенно асоциальным. По Фрейду, первичные импульсы, сосредоточенные в Оно, неизменны: меняются только внешний мир и социальные требования, воплощенные в Сверх-Я. Поэтому влияние общества на личность сводится практически к большей или меньшей степени подавления ее природенных импульсов и влечений. Но если бессознательное не есть изолированный погреб в человеческой психике, то осознание любых психических процессов и переживаний неизбежно имеет исторический характер и зависит не только от особенностей индивида, но и от совокупности социальных условий. Индивидуальное сознание не является чем-то герметическим, замкнутым в себе. Оно заимствует необходимую систему знаков, значений и символов из общественного сознания. Но общественное сознание, т. е. осознание людьми своих общественных отношений, никогда не охватывает полностью общественного бытия, приблизительным отражением которого оно является. Система понятий, значений, символов, существующая в каждом данном обществе, ориентирована на его практические потребности, она способствует осознанию одних переживаний в большей степени, чем других. Уже словарный состав любого языка и его грамматический строй выражают специфическую ориентацию соответствующего общества. Если в языке первобытного племени не было родового понятия «человек», а высшим обобщением было название данного племени, то индивид никак не мог осознать своей принадлежности, помимо

данного племени, к человечеству. В языке зафиксирована групповая установка враждебности к любому чужаку, и только изменение общественных условий могло изменить эту установку. До того, как это было осознано, соответствующие переживания могли быть только бессознательными.

Что «нормально», а что «постыдно» — зависит от принятых в обществе норм, которые в свою очередь определяются целым комплексом социальных условий. Фрейд-клинист совершенно правильно констатировал связь многих изученных им неврозов с внутренним конфликтом в сознании пациента между его сексуальными стремлениями и его моральными представлениями. Но Фрейд-социолог неправомерно распространил черты, наблюдаемые в одном определенном обществе, и притом у части населения, на все прошлое и будущее человечества. Между тем и формы сексуального поведения и половая мораль различны у разных народов, в зависимости от условий их жизни, форм семьи, религии и т. д. Разные системы морали рожают и разные психологические проблемы, и разные типы неврозов. Каждое общество имеет свой собственный типичный социальный характер, тип личности, наиболее соответствующий данной общественной системе, и только в соотношении с ним можно понять бесчисленные индивидуально-психологические вариации.

ТЕОРИЯ ЗЕРКАЛЬНОГО Я

Если теория Фрейда односторонне фиксирует внимание на внутреннем динамизме личности, абсолютизируя противоречия между со-

знательным Я и личностью как целостностью психических процессов, воплощенных в бессознательном Оно, то американский психолог У. Джемс, напротив, подчеркивает решающую роль взаимодействия индивидов. Джемс определяет Я, или «эмпирическое Еgo», как «общий итог того, что человек может назвать своим»³³. «Эмпирическое Я» Джемс расчленяет на три составных элемента: 1) материальное Я включает наше тело и собственность; 2) социальное Я «есть то, чем признают данного человека окружающие»; при этом каждый человек имеет столько разных «социальных Я», «сколько существует отдельных групп или кружков, о мнении которых он заботится»; 3) духовное Я обозначает совокупность психических способностей и склонностей. На основе этих элементов складывается эмоциональная жизнь человека, его чувства по отношению к себе (самочувствие) и его поступки, направленные на самоутверждение и самосохранение.

Джемсовское понятие «социального Я» получило дальнейшее развитие в работах американской социально-психологической школы. Так, по мнению Ч. Кули³⁴, личность — это сумма психических реакций человека на мнения о нем окружающих людей. Идея человека о самом себе состоит, по Кули, из трех компонентов: 1) представление о том, каким я кажусь другому лицу; 2) представление об оценке, которую другой дает этому моему образу; 3) своеобразное чувство Я, вроде гордости или унижения. Теорию «зеркального Я» развил и систематизировал известный американский психолог Дж. Мид³⁵. По Миду, самосознание индивида —

не что иное, как результат социального взаимодействия, в ходе которого индивид приучается смотреть на себя как на объект. При этом решающее значение имеет не мнение отдельных людей, а некий «обобщенный другой», коллективная установка организованного сообщества или социальной группы. Так, мое самосознание как футболиста определяется тем, как воспринимает меня команда в целом или, точнее, как я представляю себе это коллективное восприятие.

Теория «зеркального Я», тесно связанная с уже известной нам теорией ролей, правильно подчеркивает некоторые существенные черты процесса социализации и формирования индивидуального самосознания. Не только социальные роли индивида, но и его интимнейшие представления о самом себе складываются лишь в процессе взаимодействия с другими людьми и под влиянием этого взаимодействия. Маркс отмечал это обстоятельство задолго до Кули. «В некоторых отношениях,— писал Маркс в «Капитале»,— человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку»³⁶. Но Маркс, как мы уже видели, не сводит этот процесс к более или менее случайному «межиндивидуальному взаимодействию», он рассматривает его в контексте определенной социальной системы, определяющей дифференциацию социальных ролей и характер их взаимоотноше-

ний. Кроме того, в процесс формирования личности включается не только обмен мнениями, но и, что особенно важно, обмен деятельностью. «Обобщенный другой», чье мнение интернализует и усваивает индивид, превращая его в свое самосознание, оказывается при этом организованной социальной системой, а противоречия индивидуального самосознания становятся отражением противоречивости не случайных мнений, а самих общественных отношений. Наконец, к теории Мида относятся сделанные выше замечания о неправомерности сведения процесса социализации к непосредственному взаимодействию индивидов и недооценки более широкого комплекса общественных условий и культуры.

САМОСОЗНАНИЕ КАК УСТАНОВКА

Если понимать самосознание как простое описание черт собственной личности, то придется признать, что никакой определенной структурой оно не обладает. Индивид отмечает у себя те же черты, что и у других, и перечень их очень велик. Однако суть самосознания, выраженного в понятии Я, состоит не в перечне отдельных свойств, а в понимании себя как целостности, в определении собственной идентичности. Самосознание (образ Я) — не сумма частных характеристик, а целостный образ, единая, хотя и не лишенная внутренних противоречий, установка по отношению к самому себе. Как всякая установка, она включает в себя познавательный, понятийный элемент (представление о своих качествах и сущности), эмоцио-

нально-аффективный элемент (самолюбие и тому подобные чувства) и оценочно-волевой элемент (определенная самооценка и соответствующее отношение к собственной личности). Само собой понятно, что разграничить их можно только в абстракции, да и то весьма условно. Самосознание — это прежде всего осознание себя как некоей устойчивой, более или менее определенной единицы, которая сохраняется независимо от меняющихся ситуаций (сознание своей идентичности). Это, в свою очередь, предполагает фактическое единство, преемственность и последовательность установок и ценностных ориентаций, осознаваемых как личные интересы и склонности; их совокупность образует некоторое хотя бы весьма расплывчатое, мировоззрение, в свете которого рассматривается собственное Я и окружающий мир. Наконец, необходимым элементом Я является определенная самооценка и самоуважение.

Сознание собственной идентичности, разумеется, предполагает и включает в себя представление о единстве физиологических и психических процессов индивида. Далее, рассматривая процесс формирования личности ребенка, я еще вернусь к этому вопросу. Но решающее значение здесь имеет социальный момент, характеристика Я, складывающаяся в процессе социального взаимодействия с другими людьми. Личность воспринимает себя как объект в определенной системе символов, которая включает в себя не только непосредственные связи, но и элементы прошлого и будущего. Человек, начисто забывший свое прошлое (так называемая амнезия, одно из психических заболева-

ний), даже если он полностью сохраняет речь и все свои профессиональные знания, становится беспомощным и неполноценным как личность. Кстати, устойчивость личности не исчерпывается ее непосредственным индивидуальным опытом; так, человек, сознающий свою преемственность от предков, воспринимает оскорбительные замечания по адресу предков как личное оскорбление. Сознание своей идентичности для человека не просто знание себя, а динамическая установка, определенное отношение к себе.

Особенно важна при этом идентификация с той или иной социальной (возрастной, половой, этнической, экономической, профессиональной и т. д.) группой. Для понимания самосознания личности весьма существенно, какие именно роли и группы человек называет при самохарактеристике. Например, группе из 288 американских студентов было предложено написать 20 ответов на вопрос: «Кто я такой?» Ответы были разбиты на две категории: 1) определяющие групповую принадлежность индивида (например, девушка, студент, муж, дочь и т. п.) и 2) оценочные (например, счастливый, скучный, способный и т. д.). Выяснилось, что, когда количество ответов ограничено, люди склонны описывать себя сначала как членов каких-то групп и лишь затем — в оценочных терминах³⁷. Это подтверждает высказанную выше мысль о том, что морально-психологические характеристики, которыми мы пользуемся, подразумевают не вообще человека, а личность в определенной социальной роли. Правда, эти данные можно интерпретировать и иначе. Сама формулировка

вопроса «Кто я?» ориентирует на употребление в ответе имен существительных. Если бы вопрос стоял «Какой я?», оценочных характеристик, выраженных прилагательными, было бы, вероятно, больше. Тем не менее очевидно, что самосознание личности есть прежде всего отражение определенной системы интернализованных ролей, вне которой человеку трудно себя представить.

Образ своей собственной личности, сложившийся в ее самосознании, отличается большой устойчивостью. Психологические исследования показывают, что информация о себе, противоречащая сложившемуся у личности образу Я, усваивается гораздо хуже, чем информация, подкрепляющая данный образ, а иногда и вовсе не воспринимается. Это иллюстрирует следующий опыт³⁸. 30 студентов должны были описать себя при помощи списка из 100 прилагательных, хорошо им знакомых. Каждый из них оценивал каждое прилагательное по шкале от 1 («больше всего похоже на меня») до 6 («меньше всего похоже на меня»). Затем по той же шкале каждого студента оценили двое его товарищей. Пять дней спустя каждому дали лист, якобы представляющий сводный результат оценки его другими. В действительности же оценки были подделаны. Каждый получил лист, содержащий 50 прилагательных-оценок, не расходящихся с самооценкой субъекта, 25 расходящихся на один пункт и 25 расходящихся на два пункта. Например, субъект оценил прилагательное «спокойный» цифрой 6 («меньше всего похоже на меня»); теперь это его качество оценивается цифрой 5 (расхождение на

один пункт) или 4 (расхождение на два пункта). Через два дня людям предложили воспроизвести, как они запомнили эти итоговые оценки. Оказалось, что точность воспроизведения существенно уменьшалась по мере того, как росло расхождение между самооценкой и комбинированной оценкой, т. е. люди лучше запоминали те оценки своих качеств, которые совпадали с их собственной самооценкой.

Чем объясняется такой результат? Отчасти, вероятно, сказывается то, что более знакомый результат, к которому человек подготовлен, легче воспринимается и запоминается. Отчасти же здесь проявляется действие открытых Фрейдом так называемых «защитных механизмов».

Что такое «защитные механизмы»? Как уже говорилось, по мнению Фрейда, в человеческой психике происходит постоянный конфликт между сознанием и бессознательным. Чтобы избежать связанной с этим напряженности, человеческая психика выработала ряд защитных механизмов, которые совершенно бессознательно подавляют и вытесняют из сознания ту информацию, которая противоречит требованиям морального «цензора».

Вытеснение означает подавление, исключение из сознания импульса, возбуждающего напряжение и тревогу. Это надо отличать от сознательного подавления какого-то осознанного желания (я хочу закурить, сознаю это желание, но умышленно подавляю его). Вытеснение имеет дело с неосознанными импульсами. Например, человеку надо принять какое-то трудное, мучительное для него решение. Это наполняет его тревогой и беспокойством. Тогда вдруг

он «забывает» об этом деле. Точно так же он может забыть о совершенном им некрасивом поступке, который тревожит его самосознание, о трудно выполнимом обещании и т. п. Причем это не лицемерие. Человек «честно» забывает, не видит, не знает. Нежелательная информация просто вытеснена из его сознания. Что-то может его тревожить, но что — он не знает.

Образование противоположной реакции — изменение неприемлемой для сознания тенденции на противоположную. Например, у подростка неосознанное влечение к девочке часто принимает форму агрессивного преследования, дергания за косы и т. п. Внешним признаком этого механизма служит чрезмерная подчеркнутость чувства или поведения (человек «слишком сильно протестует»).

Проекция — бессознательная попытка избавиться от навязчивой тенденции, приписав ее другому лицу. Например, какой-либо старой деве, с ее подавленными, но отнюдь не уничтоженными, сексуальными влечениями, кажется, что все окружающие только и думают о сексе и ведут себя аморально. Механизм проекции отчасти объясняет такое явление, как ханжество (ханжа проецирует на других собственные стремления, противоречащие его моральному самосознанию). Он действует и в сфере национальных и расовых предубеждений: ненавидимой этнической группе приписываются собственные неосознанные отрицательные черты; таким путем эти стремления получают какой-то выход, а моральное самосознание остается незатронутым. Сопоставьте стандартные обвинения американскими расистами негров в «изна-

силовании белой женщины» и садистский характер большинства линчеваний³⁹.

Специфической формой проекции является *вымещение* — бессознательная переориентация импульса или чувства с одного объекта на другой, более доступный. Например, свои неприятности на работе человек вымещает на жене и детях. Этот механизм хорошо иллюстрируется одним из рисунков Х. Бидструпа: какой-то начальник делает выговор служащему; тот, не смея возражать начальству, вымещает злость, распекая подчиненного; этот, в свою очередь, дает затрещину мальчишке-рассыльному; мальчишка пинает ногой уличную собачонку; когда босс выходит из конторы, разъяренная собака вцепляется ему в ногу. Козлы отпущения часто используются и в общественном сознании.

Рационализация — самообман, бессознательная попытка рационально обосновать абсурдный импульс или идею. Человеку свойственно рационально объяснять свое поведение, даже если оно иррационально. Например, человеку, перед тем как вывести его из гипнотического состояния, внушили, что он должен взять и раскрыть зонтик. Когда его спрашивают, почему он это делает, он отвечает: «Потому что идет дождь», хотя на самом деле сухо. Иначе собственное поведение ему непонятно. Рационализация часто встречается в повседневной жизни. Например, человек, совершивший беспринципный поступок, не вступившийся за несправедливо обвиненного товарища, о невиновности которого он отлично знал, спасает свое самоуважение, ссылаясь на свою «недостаточную осведомленность», «общее мнение» и даже на «ин-

тересы дела», которые якобы требовали на ком-то (все равно на ком!) показать суровый пример. Люди, предубежденные против той или иной национальности, «обосновывают» свою враждебность ссылками на отрицательные черты представителей этой национальности, хотя среди любого народа есть разные люди, и только иррациональное по своей природе предубеждение побуждает фиксировать внимание на одних чертах и не замечать других.

Сублимация — превращение социально неприемлемого импульса в социально приемлемый, переадресовка энергии из одного канала в другой.

Учение Фрейда о защитных механизмах связано с его теорией бессознательного, о недостатках которой уже говорилось. Однако это учение можно рассматривать и вне его общей теории мотивации. Объектами вытеснения, проекции, рационализации и других защитных механизмов могут быть не только психобиологические импульсы вроде полового инстинкта, но любые социально-культурные стремления и черты, противоречащие самосознанию личности и потому не находящие удовлетворительной символизации. Защитные механизмы призваны поддерживать известную целостность, устойчивость, идентичность индивидуального самосознания в условиях, когда конфликт различных установок ставит его под угрозу. Что это действительно важно, свидетельствует психиатрия: разорванное самосознание, отсутствие последовательной идеи о самом себе, неустойчивость самооценок — типичные симптомы многих психических и нервных заболеваний.

Учение Фрейда о защитных механизмах принимают, как уже говорилось, и многие психологи, в целом отвергающие психоанализ. Но интересующий нас факт устойчивости индивидуального самосознания можно объяснить и иначе, с других теоретических позиций. Так, согласно американским социальным психологам П. Секорду и К. Бакману⁴⁰, устойчивость самосознания (образа Я) личности предполагает согласованность трех компонентов: 1) некоего аспекта Я, 2) интерпретации субъектом своего поведения в этом аспекте и 3) его представлений о том, как другое лицо ведет себя по отношению к нему и воспринимает его в этом аспекте. Иначе говоря, 2 и 3 должны согласовываться с 1, с образом Я. Чтобы увеличить эту согласованность, индивид использует ряд механизмов. 1) Социальное окружение включается в самосознание личности лишь в той мере и таким образом, каким оно воспринимается субъектом. Если действительные ожидания других расходятся с самосознанием или самооценкой личности, она часто искажает их. Целый ряд исследований показывает, что соответствие между представлением индивида о самом себе и тем, как, по его мнению, представляют его другие, точнее, чем действительное соответствие между его самооценкой и оценкой его окружающими. 2) Индивид предпочитает общаться с теми людьми, чье отношение к нему наиболее близко к его самосознанию. Так, если он придает большое значение своему интеллекту, он часто общается с теми, кто признает в нем это качество или дает возможность проявлять его. При выборе друзей мы особенно ценим понимание с их

стороны; фактически это означает, что друг воспринимает нас максимально близко к нашему самовосприятию. 3) Оценка индивидом других людей часто зависит от того, как они оценивают его собственное поведение. 4) Собственные качества также оцениваются избирательно, в зависимости от того, насколько они важны для общей согласованности самосознания. 5) Намеренно или ненамеренно, индивид может вести себя таким образом, чтобы вызывать у окружающих отклик, соответствующий его самосознанию. Это достигается путем самоконтроля и т. п.

Будучи направлено на собственное Я, самосознание в то же время органически связано с другими ценностными ориентациями личности. Образ Я, существующий в нашем сознании, не однозначен. Уже Джемс разграничивал «эмпирическое Я», то, каким субъект представляет свою сегодняшнюю реальность, и «идеальное Я» — каким он хотел бы себя видеть или каким он должен быть в свете усвоенных им идеалов, моральных норм и т. п. (вспомним фрейдовское Сверх-Я). Но это понятие «идеального Я» весьма расплывчато. Одно дело — моральное должение, другое — эгоистическое стремление. Одно дело — абстрактное желание быть одновременно великим ученым, гениальным художником и всесторонне развитым спортсменом, другое дело — целенаправленная самореализация в определенном направлении: кем я хочу стать и готов ради этого на любые усилия и жертвы. Все это подсказывает более детальную типологию образов, какие имеет индивид о самом себе⁴¹: настоящее Я (каким я кажусь себе

в действительности в данный момент); динамическое Я (тип личности, каким я поставил себе целью стать); фантастическое Я (каким я хотел бы быть, если бы все было возможно); идеальное Я (тип личности, каким я чувствую, я должен быть, исходя из усвоенных моральных норм и образцов); будущее или возможное Я (тип лица, каким, мне кажется, я могу стать; это не обязательно положительный образ — человек может в идеале стремиться быть героем, и в то же время чувствовать, что превращается в обывателя); идеализированное Я (каким мне приятно видеть себя; этот образ может включать в себя компоненты и настоящего Я, и идеального Я, и будущего Я); наконец, целый ряд «представляемых Я» — образов и масок, которые индивид выставляет напоказ, чтобы скрыть за ними какие-то отрицательные, болезненные или просто интимные черты и слабости своего реального Я.

Все эти образы многочисленными нитями связаны с социальным опытом человека и его реальным взаимодействием с другими людьми. Так, «идеальное Я» зависит от тех норм и образцов, которые были внушены человеку в детстве: желательное (с точки зрения общества, семьи или какой-то другой социальной группы) стало желаемым (с точки зрения морального сознания индивида, который не мыслит себе иного поведения; всякое отклонение от образца вызывает у него муки совести и снижение самооценки). Динамическое Я обусловлено социальным положением лица: человек ставит перед собой цели, сообразуясь с объективными условиями, взвешивая возможную степень успеха,

и его самооценка обычно учитывает эти возможности. «Представляемые» маски обычно симулируют качества, которые ассоциируются с выполнением данной роли и которыми соответствующий индивид, по его мнению, не обладает.

САМООЦЕНКА И САМОУВАЖЕНИЕ

Образы Я, присущие нашему самосознанию, трудно исследовать объективными способами, да и самим индивидом они обычно осознаются не вполне отчетливо. Из всех элементов самосознания наиболее определенным является самооценка. Разумеется, самооценка тоже достаточно сложное явление, которое включает в себя целый ряд компонентов (оценка своих способностей, социального положения, успеха, морального облика, привлекательности и т. п.). Каждый из этих компонентов имеет свои специфические способы измерения и зависит от многих конкретных условий, в частности от характера социальной роли (человек со средними математическими способностями может успешно применить их в социологии, и это обеспечит ему высокую самооценку; те же способности в среде талантливых математиков будут выглядеть ничтожными, вызывая у личности ощущение своей бездарности и профессиональной неполноценности). Поэтому мы оцениваем себя (как и других) большей частью не в целом, а через определенные проявления и качества. Отсюда — неизбежные противоречия и расхождения в самооценках.

Для изучения представлений личности о са-

мой себе психологи широко применяют следующую методику. Испытуемому дается пачка карточек с напечатанными на них суждениями и предлагается рассортировать их на несколько групп, от наиболее точно описывающих облик и переживания субъекта до наименее характерных для него. Количество карточек в каждой группе должно быть одинаковым для всех участников данного эксперимента. Это позволяет статистически обобщить результаты опыта. Такая самохарактеристика через определенное количество стандартизированных черт может касаться не только того, каким человек видит себя сегодня, но и того, каким он хотел бы быть, или каким он был в 15 лет, или каким его считает мать, и т. д. Те же карточки могут быть использованы для характеристики субъекта другими участниками эксперимента. Это дает широкое поле для различных сопоставлений.

Многослойность самосознания и связанная с нею неоднозначность самооценки личности отражает, с одной стороны, неравномерность развития человека, и с другой — расчлененность и противоречивость ролевой структуры. Как длительная социальная изоляция порождает ложное, извращенное самосознание (поскольку человеку не с чем сопоставить, не на чем проверить свои мысленные образы), так и конфликт, вытекающий из противоречивых ролевых ожиданий, мешает личности воспринять себя как целое, и оценки отдельных качеств и ролей не складываются в обобщенный образ. Но, как уже отмечалось, различные роли и качества отнюдь не равноценны для личности.

Человек может очень дорожить одними и быть весьма равнодушен к другим. Единство Я состоит именно в наличии осознанной ролевой и ценностной доминанты, которая объединяет вокруг себя остальные роли и ценности личности. Чем определеннее эта доминанта, тем более цельной является личность. Выяснить эту доминанту можно путем сочетания объективного наблюдения (какой род деятельности наиболее типичен для данного человека) со специальным психологическим исследованием, позволяющим составить своеобразную иерархию личных ценностей. Например, человек может считать себя эстетически неразвитым, но это качество не влияет на его самоуважение, так как он не придает ему большого значения. Или человек считает себя талантливым физиком, но его самоуважение тем не менее крайне низко, так как основывается не на профессиональных, а на моральных чертах.

Самооценка показывает, как индивид оценивает себя по отношению к некоей специфической ценности («очень красив», «красив», «безобразен»); самоуважение же выражает обобщенную самооценку, степень «принятия» или «непринятия» себя как целого. В частных самооценках каждый индивид видит себя в одних отношениях выше, в других — ниже остальных. Самоуважение является своего рода итогом этих противоречивых самооценок. Высокое самоуважение, замечает Розенберг, не означает, что личность ставит себя выше всех остальных, не видит своих недостатков и считает себя пределом совершенства; но оно означает, что человек уважает себя, не считает себя хуже или

ниже других, положительно относится к себе как к личности. Низкое самоуважение, напротив, предполагает неудовлетворенность, презрение, неуважение к себе, отрицательную оценку собственной личности. Самоуважение — исключительно важная черта личности, во многом определяющая ее судьбу.

От чего зависит степень самоуважения? Еще У. Джемс⁴² предложил простую формулу:

$$\text{Самоуважение} = \frac{\text{Успех}}{\text{Притязания}}.$$

Формула эта хорошо охватывает индивидуально-психологическую сторону вопроса. Чем выше притязания, тем больше должны быть достижения, чтобы человек чувствовал себя удовлетворенным. Постоянная неудовлетворенность гения, столь непреложно зафиксированная в истории искусства и науки, является именно следствием величия и грандиозности замыслов, по сравнению с которыми даже самые большие достижения кажутся ничтожными и неудовлетворительными. Но творческая неудовлетворенность собой и своим трудом не имеет ничего общего с низким самоуважением невротика. Сама грандиозность деятельных притязаний (не фантастического Я невротика!) предполагает глубокую внутреннюю убежденность в своих возможностях, веру в себя, которая способна протпвостоять и длительным неудачам, и отсутствию признания.

Но самоуважение определяется не только соотношением притязаний и успеха. Оно, как и частные самооценки, во многом отражает непосредственные взаимоотношения с другими

людьми и их мнения. Человек оценивает себя согласно критериям, принятым в его обществе, и в соответствии с тем, как оценивают его окружающие люди. Это заключение подтверждается не только повседневным опытом, но и специальными исследованиями, установившими связь между представлением индивида о себе, с одной стороны, и его оценкой другими членами группы и его собственным представлением об этой групповой оценке, с другой.

Можно сослаться на следующий опыт⁴³. Членам девяти маленьких производственных групп (5—7 человек в каждой) было предложено заполнить такую анкету:

«А. Оцените людей из вашей группы по следующему признаку: кто самый лучший руководитель? Кто лучше всего способен руководить людьми и справляться с новыми ситуациями? Обязательно оцените себя и включите свое собственное имя. Первый названный вами человек должен иметь высшие организаторские качества, вторым должен быть следующий после него, и так далее, пока вы не перечислите всех членов вашей группы, не упустив никого.

В. Как вы думаете, на какое место по этой шкале поставит вас большинство ваших коллег? Ответьте, подчеркнув соответствующий номер».

Вторым вопросом было: «Кто самый лучший работник? С кем лучше всего работать вместе?»

На основе этих данных были выделены три показателя: 1) самооценка (СО); 2) объективная групповая оценка (ОГО), полученная путем обобщения оценок, данных индивиду каждым из его товарищей по работе; 3) предпола-

гаемая групповая оценка (ПГО), основанная на ответе человека на пункт В каждого вопроса. При этом были выдвинуты две гипотезы: 1) люди с высокой самооценкой по данной черте будут иметь более высокую групповую оценку (ОГО) и более высокую предполагаемую групповую оценку, чем люди с низкой самооценкой, причем люди с высшей ПГО получают высшую групповую оценку (ОГО), чем люди с низкой ПГО; 2) самооценка лица имеет тенденцию соответствовать ПГО и ОГО, т. е., если человек оценивает себя высшим баллом, он ожидает, что и группа оценит его так же, и действительно должен получить соответствующую ОГО.

Первая часть первой гипотезы была легко подтверждена, т. е. люди с высокой самооценкой получили и более высокую среднюю групповую оценку, чем люди с низкой самооценкой. Подтвердилась и зависимость между ПГО и ОГО. Но это само по себе ничего не говорит о причинах соответствующей корреляции. Между тем проверка второй гипотезы, призванной уточнить этот вопрос, не дала столь определенных данных. Совпадение между самооценкой и предполагаемой групповой оценкой оказалось весьма высоким (соответственно 84, 80 и 92,9% для лиц с высокой, средней и низкой самооценкой); это доказывает, что самооценка личности действительно связана с тем, как, по ее мнению, оценивают ее окружающие. Но объективная групповая оценка существенно отличалась от этих предположений. Так, по шкале «руководства» низкую групповую оценку получили 100% людей с низкой самооценкой, но из лиц

с высокой СО высокую ОГО получили лишь 40%, а из лиц со средней СО лишь 26% получили среднюю ОГО. Аналогичные результаты получились и по шкале рабочих качеств, где больше половины лиц с высокой самооценкой получили низкую групповую оценку.

Чем объясняется такое расхождение? На чем основывается высокая самооценка личности, столь явно расходящаяся с мнением группы? Во-первых, самооценка субъекта не обязательно основывается на системе ценностей данной рабочей группы, он может отправляться от других ролей, связанных с принадлежностью к другой референтной группе. Дополнительное исследование показало, что лица, чья самооценка расходится с объективной групповой оценкой, действительно имеют большее число референтных групп (например, человек более старшего возраста основывает свою профессиональную самооценку не только на данной работе, но и на предшествующем опыте, чего не может новичок; начальник оценивает свои организаторские способности не только по реакции подчиненных, но и по отношению своего начальства, и т. д.). Во-вторых (эта сторона дела не учитывалась американскими исследователями), многое зависит от внутриколлективных взаимоотношений. Коллектив — не просто совокупность индивидов, но определенная система взаимоотношений, которая накладывает свой отпечаток и на все виды самооценок. Советские социологи не ограничиваются в подобных случаях сопоставлением индивидуальной самооценки и коллективной оценки индивида, но включают также такой важный момент, как

мнение индивида о коллективе в целом, которое основывается на более общей системе социальных и личных ценностей⁴⁴.

Таким образом, и самооценка человека, и его самоуважение основываются не только на его личных достижениях, но зависят от отношения к нему окружающих. В свою очередь, субъективный внутренний мир человека оказывает огромное влияние на все его поведение.

Даже восприятие внешнего облика одного человека другим (или восприятие собственного портрета) зависит от установки (большей частью неосознанной) к этому другому и к самому себе. Например, в психологических экспериментах К. Готтшальдта⁴⁵ испытуемым предъявлялись специально изготовленные фотографии, в которых силуэты заснятых на них людей были искажены — несколько расширены или сужены. При этом выяснилось, что, хотя взрослые испытуемые, глядя на себя в зеркало, имели возможность в серии предложенных им собственных фотографий выбрать фотографии с нулевым искажением (т. е. правильные), они тем не менее обнаружили, отыскивая наиболее «похожую фотографию», стойкую тенденцию к выбору более расширенного или суженного изображения. По мнению Готтшальдта, в этом выборе проявляется определенная самооценка личности. Затем подобные опыты были поставлены в подростковых классах школы. Оказалось, что положение ученика в классе сказывается на восприятии им как собственных фотографий, так и фотографий одноклассников. При признании превосходства соученика выявляется тенденция при выборе его «точной» фотогра-

фии предпочитать «широкое фото», при пренебрежительном отношении к нему — «узкое фото». Далее опыт состоял в том, что 10- и 16-летние мальчики и девочки должны были выбрать «самые похожие» фотографии не только себя, но и родителей, учителей, нейтральных взрослых и сверстников. Выяснилось, что 10-летние ребята рассматривали собственное изображение «наивно» и выбирали фото с нулевым искажением. Зато фотографии матери и отца выбирались, как правило, в «расширенном» варианте, фото с нулевым искажением большей частью подчеркнуто отвергались. Иначе выполняли то же задание 16-летние. В 80% случаев образ матери или отца выбирался ими из ряда фотографий, где искажение было равно нулю, зато для собственной личности устойчиво предпочитались, особенно мальчиками, более «широкие» образы. Так изменение отношений и самосознания человека, незаметно для него самого, сказывается на его восприятии другого человека и самого себя. Очень интересные данные на этот счет приводит ленинградский психолог А. А. Бодалев в своей книге «Восприятие человека человеком».

Весьма убедительны данные М. Розенберга⁴⁶ о влиянии на личность человека и его поведение степени его самоуважения. Пониженное самоуважение делает самосознание человека болезненным и неустойчивым. Для обследованных Розенбергом людей с низким самоуважением характерна неустойчивость образов и мнений о собственном Я. Среди студентов с высоким самоуважением людей, имеющих очень устойчивый образ собственной личности, ока-

залось в 3,5 раза больше, чем среди студентов с низким самоуважением; очень неустойчивый образ распространен среди последних, в 4 раза больше, чем среди первых.

Люди с пониженным самоуважением имеют тенденцию чаще закрываться от окружающих, представляя им какое-то «ложное лицо» («представляемое Я»). Это делается для того, чтобы скрыть свои подразумеваемые слабости. Но необходимость играть роль усиливает внутреннюю напряженность, не говоря уже о постоянном страхе, как бы не сделать ложного шага, не выйти «из роли».

Люди с низким самоуважением особенно ранимы и чувствительны ко всему, что так или иначе затрагивает их самооценку. Они гораздо сильнее реагируют на критику, смех, порицание. Их больше беспокоит плохое мнение о них окружающих. Они много глубже реагируют, если у них что-то не получается в работе или если они обнаруживают какой-то недостаток в самих себе. Как следствие всего этого, им свойственна склонность к психической изоляции, к уходу от действительности в мир мечты, причем они болезненно переживают это одиночество. Чем ниже уровень самоуважения человека, тем более вероятно, что он страдает от одиночества. Только 35% людей с самым низким самоуважением сказали, что они «не одиноки», по сравнению с 86% тех, кто обладает наивысшим уровнем самоуважения.

Все это способствует развитию болезненных невротических симптомов.

Пониженная самооценка и ограниченные личные контакты снижают социальную актив-

ность личности. Люди с низким самоуважением принимают значительно меньшее участие в различных клубах и других добровольных организациях, они реже оказываются на выборных должностях, меньше интересуются общественными делами, в том числе политикой, и, даже проявляя интерес, реже участвуют в публичных митингах, дискуссиях и т. п. из опасения, что их не поймут, что они не смогут выразить свою мысль, и т. д. При выборе профессии они избегают специальностей, включающих в себя момент соревнования. Даже поставив перед собой определенную цель, они не особенно надеются на успех, считая, что у них нет для этого необходимых данных.

Все это показывает, каким важным фактором в жизни личности является самоуважение. Конечно, приводимые Розенбергом корреляции показывают лишь взаимозависимость, а не причинную связь. Самоуважение можно представить не как постоянную, а как переменную величину, зависящую от других факторов. «Истинность» самооценки может быть установлена лишь путем ее сопоставления с деятельностью человека, но сама эта деятельность предполагает определенные мотивы и установки, в число которых входит самооценка.

Я — самое глубокое, самое тонкое и труднодоступное измерение личности. Социальные роли, ценности, установки — все это имеет общий характер, дается индивиду обществом и передается от одного лица другому. Внутренний мир личности, ее *Я* присущ только ей одной, он возникает, развивается и погибает вместе с индивидуумом. Человек объективирует себя в своих

деяниях, в продуктах своей деятельности. И все-таки это не все...

Да, остаются книги и мосты,
машины и художников холсты.
Да, многому остаться суждено,
но что-то ведь уходит все равно!
Таков закон безжалостной игры:
не люди умирают, а миры...
Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить,
и каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать.

Е. Евтушенко

Когда проблема личности воспринимается сквозь призму субъективного *Я*, подход к ней в терминах теории ролей кажется почти что святотатством. И все-таки этот подход правомерен. Ведь самосознание — только осознание (частичное, неполное) деятельности индивида, которая всегда и везде есть взаимодействие его с другими людьми. Это взаимодействие, эта деятельность были бы невозможны, если бы они не были организованы в определенные структурные формы. Социальная роль — не что иное, как абстракция от структуры этой общественной деятельности, участником которой является данный индивид. Эта деятельность может быть для него настолько естественной и органичной, что не воспринимается им как роль, а переживается как неотъемлемая, имманентная характеристика собственного *Я*. Но она может восприниматься и как нечто внешнее, чуждое его индивидуальности.

Различие *Я* и не-*Я* существует везде, где есть индивидуальное самосознание. Человек не может выразить себя иначе, как через «опред-

мечение»; он познает себя только благодаря результатам своей — совместной с другими людьми — деятельности. Самосознание, не основанное на реальной деятельности, исключаящее ее как «внешнюю», неизбежно заходит в тупик, становится «пустым» понятием. Отсюда — старый принцип оценивать людей по их поступкам, «по плодам их узнаете их». Но индивиду никогда не удастся «опредметить», объективировать все свои стремления. Идеальный момент человеческой деятельности (цели, стремления, побуждения) лишь частично реализуется в ее результатах. В человеке всегда есть нечто незавершенное, невысказанное, непроявленное, именно потому, что он — не пассивная вещь, а деятель, творец, самореализация.

Соотношение Я и не-Я как потенциальных возможностей личности и объективной действительности является поэтому условным и историческим.

За индивидуально-психологическими особенностями лица стоят социальные проблемы (например, совпадение или несовпадение ценностных ориентаций, доминировавших в воспитании личности, и ее реальной ролевой структуры). Социологический анализ легко прослеживает связь между степенью самоуважения личности и ее социальным статусом или общественным престижем соответствующей профессии. Цельность личности, выступающая на интрапсихологическом уровне как единство ролевой структуры и самосознания, в социальном плане оказывается производной от степени гармонии или дисгармонии социального целого, от того, насколько согласованы друг с другом различные

общественные механизмы социализации, культурные и идеологические ценности. Отсюда и социально типичные неврозы, характерные для разных социальных групп, изучением которых занимается социальная психиатрия. Конфликт между социальной ролью личности и ее Я служит симптомом такого положения, когда часть жизнедеятельности индивида отделена от целого. Чем шире сфера этого отчуждения личности от своей деятельности, тем труднее оказывается для нее очертить контуры собственного Я, теряющегося в ряду более или менее случайных внешних характеристик. Но это положение само является следствием определенных социальных условий, о которых пойдет речь дальше.

4. ЛИЧНОСТЬ КАК ПРОДУКТ И СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Заурядный человек всегда приспосабливается к господствующему мнению и господствующей моде, он считает современное состояние вещей единственно возможным и относится ко всему пассивно. Ему не приходит в голову, что все — от формы мебели до тончайшей гипотезы — решается в великом совете человечества, членом которого он является... Великий же гений всегда задает вопрос: а может быть, это неправильно?..

К. Г. Лихтенберг

В любом своем аспекте — как организм, как целостность психических процессов и как член общества — индивид детерминирован определенными объективными, от его воли не завися-

щими, условиями. Зная тип нервной системы человека, можно предсказать вероятный характер его психических реакций. Зная ценностные ориентации личности, можно предсказать ее вероятное поведение в той или иной ситуации. Зная социальное положение лица, можно предсказать его типичные ценностные ориентации. Все это весьма существенно. Но — и это нужно особо подчеркнуть — все эти возможные предсказания имеют статистический характер, они касаются психики и поведения некоего среднего индивида, с данным типом нервной системы или с данным самосознанием или с данным социальным положением. Но из них невозможно вывести конкретные особенности и поступки данной конкретной личности. Ибо все эти закономерные связи (генотип — фенотип; биография — индивидуальность; социальная система — конкретная социальная роль) идут в разных плоскостях, и их пересечение в данном индивиде является случайным по отношению к каждой из них в отдельности. Конкретный, своеобразный, уникальный результат, возникающий именно из их пересечения, невозможно предсказать заранее. Слабость нервного типа сама по себе не предопределяет невроза — это зависит от характера воспитания и общественных отношений. Один и тот же жизненный опыт дает разный результат в сочетании с разными психофизиологическими особенностями и социальными условиями. Объективная система социальных ролей не предопределяет их специфическую личностную интеграцию.

Эта неисчерпаемость количества вариаций, несводимость и многообразие человеческих ин-

дивидуальностей составляют необходимое условие свободы личности, возможности ее сознательного, целенаправленного влияния на ход событий. Необходимое, но недостаточное. Свобода личности не сводится к тому, что каждый человек, хочет он того или нет, неповторимо своеобразен. Речь идет о гораздо большем: может ли личность, будучи продуктом общественных отношений, в то же время свободно, т. е. сознательно, выбирать свой жизненный путь? В какой мере правомерно говорить о самореализации личности, о личности как творческом начале, как субъекте общественных отношений? И если да, то от чего зависит степень этой свободы?

Конкретное содержание лозунга свободы личности исторически изменчиво. Но свобода всегда имеет два измерения. Отрицательное измерение — «свобода от» — фиксирует, от каких ограничений, тягот, преследований свобода или жаждет освободиться индивид. Положительное измерение — «свобода для» — показывает, где именно, в каких сферах, в каком направлении может развернуться его деятельность. Первое указывает, против чего бороться, второе — во имя чего. Одно невозможно без другого. Но осознание их может и не быть одновременным. Когда существующие социальные условия перестают отвечать назревшим потребностям общественного развития, они прежде всего воспринимаются с отрицательной стороны, переживаются как несвобода, бесчеловечность и т. д., и лишь постепенно из безотчетной неудовлетворенности действительностью вырастает конкретная цель борьбы. Так научный социа-

лизм в свое время пришел на смену социализму утопическому. Степень осознания целей борьбы, свободы от иллюзий — один из важнейших показателей зрелости как социального движения, так и отдельной личности.

Буржуазные авторы, рассуждая о свободе личности, часто имеют при этом в виду свободу индивида от общества, некий абсолютный и ничем не ограниченный индивидуальный произвол. При такой постановке вопроса свобода личности принципиально невозможна, независимо ни от каких конкретных социальных условий. Человек — общественное существо, он не может существовать вне общества и независимо от него. Как писал В. И. Ленин, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Во-первых, социальные условия формируют личность и ее самосознание (процесс социализации). Во-вторых, любое общество имеет какие-то формы социального контроля, общественную дисциплину, которая регулирует проявление уже сложившихся индивидуальных черт, поощряя одни и блокируя другие в интересах общественной целесообразности (в антагонистическом обществе — в основном в интересах господствующего класса). Причем этот контроль не сводится к системе «внешних» норм и запретов: социальные нормы и потребность согласовывать свои действия с другими настолько прочно укореняются в психике самого индивида, что он даже не сознает общественной природы своих поступков и степень своей зависимости от окружающих. Это хорошо иллюстрируют социально-психологические исследования конформизма.

Слово «конформизм» в обыденной речи означает приспособленчество. Более точно, конформность — это соответствие некоему признанному или требуемому стандарту; конформное поведение имеет место там, где в случае расхождения во мнениях между индивидом и группой индивид поддается, уступает групповому нажиму. Противоположным понятием является независимость, самостоятельность человека, который сам вырабатывает определенное мнение и отстаивает его перед другими.

Конформность как социально-психологическое явление необходимо отличать от некоторых других, внешне похожих явлений⁴⁷. Так, единообразие общественных верований, ценностей и привычек может объясняться разными причинами и вовсе не обязательно связано с социальным давлением. Точно так же выполнение различных условностей (например, правил вежливости) вовсе не говорит о «податливости» человека; общественные условности — своеобразный социальный механизм, облегчающий взаимодействие людей, соблюдение их ничего не говорит о характере человека. Человек может одеваться по моде (т. е. следовать определенным условностям) и быть вполне независимым в своих суждениях и поведении, и, наоборот, вызывающие манеры нередко прикрывают отсутствие подлинной внутренней самостоятельности. Понятие конформизма применимо только к определенному способу разрешения конфликта между индивидом и группой, мерой конформность является степень подчинения индивида групповым стан-

дартам и требованиям. Это подчинение может быть только внешним: индивид не меняет своих взглядов, но не высказывает своих разногласий вслух, делая вид, что принимает позицию группы (лицемерие). В этом случае, как только давление прекращается или как только индивид выходит из-под контроля соответствующей группы, он снова действует в соответствии со своей личной установкой. Гораздо сложнее и глубже «внутренняя» конформность, когда человек под давлением группы меняет свое первоначальное мнение, усваивая мнение большинства. Причем не в силу убедительности аргументов (их может вообще не быть), а просто из боязни оказаться в изоляции.

Еще одно необходимое уточнение касается понятия независимости, независимого субъекта. Не всякий, кто в том или другом случае не поддается групповому давлению, может быть назван независимым. И в обыденной жизни, и в психологических экспериментах мы часто сталкиваемся с явлением негативизма, т. е. отрицательной, враждебной реакцией по отношению к поведению или ценностям определенной группы. Стремление действовать и говорить «наоборот» может объясняться враждебным отношением индивида к группе и его желанием подчеркнуть свою независимость от нее. Чаще всего за этим скрывается тот факт, что наиболее авторитетной референтной группой для данного индивида является какая-то другая группа, с другими нормами и ценностями. Так, например, общеизвестный негативизм подростков по отношению к родителям и вообще старшим, будучи одним из способов утверждения своей самостоятельности,

часто сочетается с весьма жестким конформизмом внутри коллектива сверстников. Как бы то ни было, зная ценности группы, можно легко предсказать поведение негативиста (он будет утверждать или делать противоположное), тогда как мнение независимого субъекта из групповой позиции вообще не вытекает, его решение является автономным.

Явление конформизма как таковое известно давно. Вероятно, никто не описал его ярче, чем Андерсен в сказке о голом короле. Проблемой влияния коллектива на личность специально занимался В. М. Бехтерев⁴⁸. С 1950-х годов началось его систематическое экспериментальное исследование. Американский психолог С. Аш поставил следующий опыт⁴⁹. Группа студентов, состоящая из 7—9 человек, получала следующую инструкцию: «Перед вами два белых листа. На левом — одна черта, на правом — три черты разной длины. Они имеют порядковые номера 1, 2 и 3. Одна из этих линий равняется контрольной линии слева. Вы должны сказать, какая это линия, назвав соответствующий номер. Будет 12 таких сравнений. Отвечает каждый по очереди, справа налево. Ваши ответы я буду регистрировать по специальной форме. Будьте как можно внимательнее». Разница в длине предъявлявшихся отрезков была настолько значительна, что при контрольных опытах, где испытуемые отвечали поодиночке, никто не ошибался. Но секрет эксперимента состоял в том, что вся группа, за исключением одного человека, была в сговоре с экспериментатором и единодушно давала заранее согласованные неправильные ответы. Как же поступит

испытуемый «наивный субъект», которому приходится отвечать последним или предпоследним и на которого давит неправильное, но единодушное мнение группы? Поверит он собственным глазам или мнению большинства? Ведь речь идет о простом пространственном восприятии, где расхождение с группой не затрагивает никаких социальных или идеологических ценностей, да и сама группа является искусственной.

В первой серии опытов Аша 123 «наивных субъекта» высказали по 12 суждений каждый. Из общего числа ответов 37% были неправильными, т. е. соответствовали мнению большинства. При этом обнаружились сильные индивидуальные вариации: от полной независимости одних индивидов до полного подчинения во всех 12 тестах других.

После каждого опыта Аш интервьюировал испытуемых, выясняя их реакцию на происшедшее. Все они говорили, что мнение большинства было для них чрезвычайно важно. Обнаружив расхождение своего мнения с мнением остальных, они подвергали сомнению собственное восприятие, а не восприятие большинства. Даже «независимые» субъекты, не поддавшиеся давлению, признавали, что чувствовали себя крайне неприятно. Как сказал один из них, «несмотря ни на что, у меня был какой-то тайный страх, что я чего-то не понял и могу ошибиться, страх обнаружить какую-то свою неполноценность. Гораздо приятнее, когда ты согласен с другими».

Опыты Аша были повторены, с некоторыми изменениями методики, дипломантом философского факультета ЛГУ А. П. Сопиковым на не-

скольких группах детей и подростков (550 человек), причем были получены аналогичные результаты. Выяснилось также, что конформность в младших возрастах выше, чем в старших; она постепенно уменьшается с возрастом до 15—16 лет, после чего заметных сдвигов уже не наблюдается. У девочек конформность в среднем на 10% выше, чем у мальчиков тех же возрастов (7—18 лет). Конформные реакции весьма устойчивы, от них нельзя освободиться по желанию: группе школьников, которые уже раз прошли эксперимент и знали, в чем его суть, было предложено «провериться» еще раз, но и на сей раз процент неверных ответов остался прежним или даже возрос, так как испытуемые пытались угадать, правильно ли подсказывает группа. Конформность возрастает по мере усложнения поставленной задачи (это естественно, так как, чем сложнее задача, тем меньше уверенность индивида в правильности своего решения).

Высокая эффективность группового давления на индивида подтверждается и многочисленными экспериментами, проведенными по другой методике, предложенной Р. Кратчфилдом⁵⁰. Людей, показавших самую высокую степень конформности, затем проверяли дополнительно, причем они легко выражали согласие с заведомо нелепыми суждениями (вроде того, что 60—70% населения США составляют люди старше 65 лет, причем почти все они — женщины, так как средняя продолжительность жизни мужчин только 25 лет), которые преподносились им как единодушное мнение большинства. Правда, стоит только изменить условия опыта, чтобы еще хотя бы один человек высказал несогласие

с большинством, как вся картина меняется и способность людей к формированию и отстаиванию собственных суждений увеличивается.

Как осмысливают и переживают люди это расхождение собственного восприятия и мнения большинства? Есть несколько типичных решений.

1) Индивид винит себя, объясняя свое расхождение с остальными своей некомпетентностью или другими личными недостатками («у меня плохое зрение», «я не понял задачи»). Эта реакция прямо ведет к конформизму. Вот где сказывается низкая самооценка и недоверие к себе! Впрочем, это можно объяснить и иначе: действительной причиной конформизма является боязнь расхождения с группой, а то, что в дальнейшем выдается за мотив, фактически является запоздалой «рационализацией» поступка (вспомним сказанное выше о «защитных механизмах»).

2) Индивид винит группу, объясняя свое расхождение с ней тем, что другие «не поняли задачи», «поспешили» и т. д. Такое решение конфликта, естественно, помогает сопротивляться давлению группы.

3) Индивид пытается примирить несовпадающие мнения, ссылаясь на объективные условия. Например: «Вероятно, с разных точек зрения объект виден по-разному, поэтому я вижу его так, а другие иначе». Любопытно, что несмотря на то, что такое объяснение в принципе допускает возможность нескольких правильных ответов, многие люди тем не менее отказываются от личного мнения в пользу точки зрения большинства.

4) Некоторые объясняют несовпадение взглядов индивидуальными различиями, особенно когда речь идет о вопросах, предполагающих какую-то личную, субъективную реакцию («что поделаешь, такова жизнь, люди устроены по-разному»).

5) Отдельные люди пытаются просто «не замечать» факта расхождения мнений. Так, в опытах Кратчфилда, где мнение группы выражалось световыми сигналами (зажигались лампочки разного цвета), некоторые испытуемые закрывали глаза, чтобы не видеть этих сигналов и таким путем сохранить независимость своих суждений, «изолировавшись» от группы. Другие, наоборот, старались не смотреть на доску и следили только за сигналами. Не чувствуя себя в силах разрешить противоречие, они пытались отключиться от него, отрицать его как факт. Такое часто бывает и в обыденной жизни; например, человек, догматически усвоивший какую-то одну точку зрения, не желает вникать в аргументы противоположной стороны, так как боится запутаться. Само собой понятно, что такой стиль мышления прямо противоположен научному подходу.

Чем определяется степень конформности и какую социальную функцию она выполняет? Прежде всего, степень конформности зависит от характера соответствующей ситуации, как объективной, так и субъективной (т. е. переживаемой субъектом). Люди не делятся на конформистов и независимых по природе, и реакция каждого человека на групповое давление будет различной в зависимости от конкретных условий. Так, имеют значение состав и структура

группы, значимость (авторитетность) группы для индивида и его собственное положение в группе, значимость обсуждаемых вопросов, насколько они затрагивают непосредственные интересы испытуемого и насколько он к ним подготовлен, степень авторитетности участников взаимоотношения и т. д. Как указывали критики опытов Аша, эти опыты, строго говоря, проверяют не столько влияние на мнение индивида групповых норм, сколько его отношение к группе как к источнику информации⁵¹. Кроме того, лабораторные опыты не воспроизводят всей сложности реальной социальной ситуации. Есть разница между случайной группой, составленной для эксперимента, между членами которой отсутствуют устойчивые личные и функциональные взаимоотношения, и органическим коллективом, имеющим свою структуру, и т. п. Давление группы будет ощущаться тем сильнее, чем важнее для индивида принадлежность к данной группе, чем строже групповая дисциплина и чем больше данное расхождение затрагивает основные групповые ценности. Одно дело — разойтись со случайными людьми в оценке сравнительной длины отрезков, другое дело — разойтись с товарищами по работе в решении принципиального вопроса. Расхождение с авторитетным коллективом, принадлежность к которому существенна для ролевой структуры личности, неизбежно затрагивает и ее ценностные ориентации, и ее самоуважение. Человек не может ежесекундно проверять и взвешивать все свои слова и жесты, очень многие его мысли и действия являются автоматическими; делая то, что принято в его кругу, он считает это само собой ра-

зумеющимся. Но как быть, если вдруг возникает расхождение?

Тут-то и говорится, что личность не есть простая функция частной социальной роли или ситуации, что в каждом нашем поступке аккумулярован весь наш осознанный и даже неосознанный жизненный опыт. Человек, воспитанный преимущественно в духе беспрекословного подчинения дисциплине, обнаружит меньшую склонность к независимости, чем тот, в ком с детства воспитывали привычку к инициативе и самостоятельности. И дисциплина, и самостоятельность — это социальные ценности, и их соотношение в том или ином обществе зависит не столько от личных качеств индивидов, сколько от типа общественных отношений. Отдельные факты конформного поведения, уступки групповому нажиму в лабораторных или реальных условиях еще не дают оснований считать склонность к конформизму личностной чертой индивида. Помимо многообразия конкретных ситуаций нужно учитывать сложность ролевой структуры личности. Человек может обнаруживать высокую степень конформности в одной роли и достаточную степень независимости — в другой. Например, чиновник, воспитанный в духе формального соблюдения любых циркуляров и положивший этот принцип в основу собственного понимания своей служебной роли, не осмелится возражать даже против явно ошибочного распоряжения, хотя в другой сфере деятельности (например, в семье) он может руководствоваться другими установками.

Однако, когда склонность к конформизму обнаруживается устойчиво, и не в одной, а в не-

скольких различных ролях, ее можно рассматривать и как некоторую личностную черту. С какими же другими чертами чаще всего сочетается эта склонность? Выявив с помощью специальной техники лиц с наибольшей склонностью к конформизму, Кратчфилд затем исследовал (с помощью различных тестов и т. п.) прочие черты, наиболее типичные для таких людей. При этом выяснилось следующее:

1) В сфере познавательных функций конформисты обнаруживают менее развитый интеллект, чем независимые; для них характерна негибкость мыслительных процессов и бедность идей.

2) В сфере мотивации и эмоциональных функций конформисты обнаруживают меньшую силу характера, меньшую способность владеть собой в напряженных условиях; для них характерна большая эмоциональная скованность, подавленные импульсы, склонность к беспокойству.

3) В сфере самосознания конформисты склонны к явно выраженным чувствам личной неполноценности и неудачи. Им не хватает веры в себя. Их представление о самих себе более поверхностно и менее реалистично, чем у независимых.

4) В сфере межличных отношений для конформистов типична повышенная озабоченность мнением о них других людей. В своих отношениях с людьми они обнаруживают большую пассивность, внушаемость, зависимость от других. В то же время их отношения к другим людям характеризуются недоверчивостью и настороженностью, а способность правильно су-

дить другого человека ниже, чем у независимого субъекта.

5) Личные установки и ценности конформиста характеризуются большей обыденностью, тяготением к морализированию, нетерпимостью ко всему, что кажется ему «отклонением от нормы».

Таким образом, высокая степень конформизма оказывается связанной с общим догматизмом, авторитарностью, стереотипностью мышления.

Однако, подчеркнем это еще раз, ни догматизм мышления, ни склонность к конформизму не являются прирожденными свойствами личности. Они формируются в процессе воспитания и социального общения. Но является ли конформизм обязательным следствием социализации?

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В рамках «атомистического» понимания общества личность и коллектив — противоположности. Принадлежность индивида к группе, предполагающая усвоение каких-то групповых норм и подчинение групповой дисциплине, воспринимается при этом как отказ от собственной индивидуальности. В свою очередь, индивидуальность, свобода воспринимаются прежде всего в негативном плане — как право сказать «нет», способность противостоять групповому нажиму и т. п. Споры нет, этот аспект существенен, и именно его фиксируют изложенные выше опыты. Но это только одна сторона дела.

«Общественная деятельность и обществен-

ное пользование существуют отнюдь не только в форме непосредственно коллективной деятельности и непосредственно коллективного пользования»⁵², — писал Маркс. Отсюда — проблема автономии личности в коллективе.

Индивидуальность — не предпосылка социализации, а ее результат. Она создается только в процессе общения индивида с другими людьми, через усвоение определенной системы социальных ролей и культурных ценностей. В процессе этого усвоения положительную роль играют и такие механизмы, как простое подражание другим, безусловное подчинение мнению большинства и т. д. Овладение любым простейшим трудовым навыком начинается, как правило, с простого подражания учителю и воспроизведения его действий и указаний. Только овладев соответствующей операцией, добившись в ней определенного автоматизма, человек получает возможность ее видоизменения, усовершенствования, т. е. становится творцом. То же самое происходит и в сфере познания: чтобы открыть что-то новое, нужно предварительно усвоить сделанное ранее. Не составляет исключения и сфера общественных отношений — самостоятельность, инициатива складываются лишь в процессе живого общения и овладения нормами общественной жизни.

Но не остановится ли личность на первой стадии, стадии усвоения и подражания? Чем объясняется то, что индивидуальная жизнь «бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни»⁵³? Этот вопрос можно рассматривать на двух уровнях — социологическом и психологическом.

Социологически вопрос сводится к структуре общества. Рассматриваемая статически, она выступает как нечто данное, как внешняя рамка, к которой человек должен приспособливаться. Так и трактуют этот вопрос многие американские социологи, согласно которым социализация выглядит как процесс производства некоего стандартного индивида, с готовой системой мотивов, навыков и ролей, отвечающих «потребностям общества». В рамках такого представления любое отклонение индивида от среднего уровня объясняется его «недостаточной социализированностью», а тяготение к стандарту выглядит естественной потребностью личности⁵⁴.

«Подчинение воплощенным в учреждениях нормам, разумеется, «нормально», — пишет Г. Джонсон. — Человек, усвоивший нормы, чувствует нечто вроде потребности соответствовать им. Его совесть будет тревожить его, если он этого не сделает»⁵⁵. Верно, что отдельный индивид, сознательно или бессознательно, приспосабливается к существующим общественным отношениям. Но верно и другое: эволюция общественных учреждений, норм, ценностей и т. п., в свою очередь, отражает и закрепляет изменения, совершающиеся в личности. Неудовлетворенность существующими условиями, протест против них так же «нормален», как и приспособление. Иначе непонятны будут не только социальные революции, но и вообще всякое новшество. Образ человека, его потребностей и стремлений, варьирующий от одного общества к другому, отражает не только то, чего требует *существующая* социальная струк-

тура, но и *динамику*, тенденции ее развития. Это ясно видно при историческом и классовом подходе.

«Различие между индивидом как личностью и случайным индивидом — не просто логическое различие, а исторический факт»⁵⁶, — подчеркивал Маркс. Чем сложнее общественная деятельность, чем многообразнее ее аспекты и функции, тем богаче и жизненный мир отдельной личности. Специализация, позволяющая стандартизировать более простые, низшие функции, расширяет возможности выбора на высших уровнях. Чем примитивней общество, чем меньше развито в нем разделение труда, тем единообразнее составляющие его индивиды, тем меньше у них вариативных возможностей, тем выше уровень конформизма. Это подтверждается не только исторически (роль традиции и мелочная регламентация поведения людей в первобытном обществе), но и экспериментальными исследованиями в малых группах, которые показывают, что, чем более замкнутой является группа, чем беднее, следовательно, ролевая структура ее членов, тем больше единообразие в их поведении. Напротив, разрушение иерархической системы, выводящее личность за рамки *особенной* группы, вовлекающее ее в систему *опосредствованных* отношений с большим числом индивидов, делает ее индивидуальное существование все более и более всеобщим. Субъективной стороной этого усложнения ролевой структуры является расширение мировоззренческих горизонтов и ценностных ориентаций личности.

Эту взаимозависимость творческой индиви-

дуальности человека и широты его общественных связей видим мы и на психолого-педагогическом уровне анализа. Здесь тоже «внутренние» свойства личности выступают как результат ее практических межличных отношений. Отсюда — решающая роль коллектива, которую подчеркивал А. С. Макаренко, говоря, что «влияние отдельной личности на отдельную личность есть фактор узкий и ограниченный», что главным объектом воспитания должен быть коллектив как целое и что «самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию, добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность. *Коллектив является воспитателем личности...*»⁵⁷

Но не всякий коллектив обеспечивает воспитание творческой личности. Коллектив может быть и средством обезличивания, нивелирования людей. Макаренко не даром подчеркивал противоположность дисциплины преодоления, дисциплины борьбы и движения вперед дисциплине торможения, акцентирующей на системе запретов — не делай того, не делай другого! Без запретов как таковых не обходится ни одно общество, ни один коллектив. Но дисциплина торможения не способствует воспитанию активного, самостоятельного члена общества. Она воспитывает у одних покорность и конформизм, а у других — тотальный индивидуалистический протест, не только против иррациональности принудительных норм, но и против коллективности как таковой. Только индивид, для

которого принадлежность к коллективу является добровольной, развертывает в нем свои творческие потенции. И только коллектив, состоящий из свободных индивидов, обладает творческой силой, превосходящей возможности каждого из своих членов в отдельности.

Никакая частная группа, никакой конкретный коллектив не исчерпывает всего богатства общественных отношений и ценностей. Одной из важнейших предпосылок творчества и самореализации является способность личности выходить за рамки своего непосредственного окружения. Способность интегрировать в себе наибольшее количество социально значимых ценностей — вот что определяет меру богатства личности и степень ее творческой индивидуальности.

Ценность и цельность личности как субъекта истории находится в прямой зависимости от ее мировоззрения. Жизнь часто ставит людей в условия, недостойные имени человека, одевает на них уродливые маски, в которых личность не узнает своего мыслящего и чувствующего Я. Эту ситуацию философски обобщает Грэм Грин в своем романе «Комедианты». Его герои — добрые, милые люди, но в окружающем их жестоком мире они обречены играть шутовские роли. Один, Смит, пытается побороть несовершенство мира проповедью вегетарианства. Другой, Джонс, в мечтах видит себя героем, а фактически ему удается (и он сам знает это) только роль шута, веселящего других. Третий, Браун, еще в юности потерял веру во что бы то ни было, и болезненный скепсис подрывает все его жизненные связи. И только

один человек, доктор Мажю, выступает как настоящий герой, потому что именно он воплощает в себе человеческое начало в бесчеловечном мире диктатора Дювалье. Он становится героем потому, что не принимает ни «заданной» пьесы, где можно быть либо жертвой, либо палачом, ни позиции стороннего наблюдателя. Он борется, и сам факт этой борьбы ставит под вопрос «обреченность» остальных героев книги. Ибо в число факторов, детерминирующих поведение личности, входит и ее собственное мировоззрение, которое либо оправдывает приспособленчество, либо зовет на борьбу с ним.

Чем значительнее жизненная перспектива личности, чем богаче ее внутренний мир и ее культура, тем меньше ее зависимость от непосредственного окружения, тем больше ее духовная свобода. И тем нужнее она окружающим.

Перспектива в прошлое, которую дают история и культурное наследие, позволяет человеку шире, с более высокой точки, обозреть социальные и культурные ценности своего собственного века, отличить в них закономерное и устойчивое от случайного, временного, провинциального. Перспектива в будущее, которую дает активное участие в борьбе передовых общественных сил, позволяет подняться над уровнем обыденности и повседневности, в которых великое порой неотличимо от ничтожного. Такой человек не нуждается в повседневной опеке и мелочном руководстве. Устойчивость и ясность цели позволяет ему выдерживать такое давление, которое не под сплю обывателю. Чувствуя свое родство и общность с предшественниками и продолжателями своего дела, он легче пере-

носит физическое одиночество (революционеры, борцы с фашизмом даже в одиночных камерах чувствовали свою связь с народом, и это давало им силы в борьбе). Свою субъективность, своеобразие своего видения мира он воспринимает не как проклятие, а как нечто вполне естественное.

Субъект истории — тот же самый человек, который является ее продуктом. Индивидуальность, понимаемая не просто как совокупность единичных черт лица, а как интегрирующее, творческое начало, позволяющее ему не приспособливаться к условиям, а создавать нечто новое, не имеет ничего общего с эксцентричностью. Большая или меньшая степень индивидуальности отражает масштаб интегрированных в личности социально значительных черт. Как писал Маркс, «если человек есть некоторый *особенный* индивид и именно его особенность делает из него индивида и действительное *индивидуальное* общественное существо, то он в такой же мере есть также и *тотальность*, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества, подобно тому как и в действительности он существует, с одной стороны, как созерцание общественного бытия и действительное пользование им, а с другой стороны — как тотальность человеческого проявления жизни»⁵⁸.

Глава II

Как человек становится личностью?

1. СТАДИИ РАЗВИТИЯ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

*Мы знаем: время растяжимо,
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.*

С. Маршак

До сих пор мы рассматривали проблему соотношения личности и общества в самой общей теоретической форме. Теперь нам предстоит изучить, как конкретно совершается процесс становления личности.

Новорожденный не обладает еще никаким социальным опытом, он — только потенция человеческой личности. Как же происходит процесс социализации, т. е. усвоения индивидом определенной системы социальных ролей и культуры, какие стадии он проходит и какие социальные механизмы имеют решающее значение на каждой из этих стадий? Нашим главным источником информации в этой части будет возрастная психология, изучающая особенности возрастных стадий развития и закономерности перехода личности из одной стадии в другую. Но и сами эти стадии, и их соотно-

шение связаны с самым широким кругом социальных явлений.

Данные, которыми располагает современная психология, показывают, с одной стороны, устойчивость и преемственность характерологических особенностей и черт личности, а с другой — их изменение и развитие на всех возрастных стадиях и в зависимости от конкретных условий¹. Однако интерпретация этих данных чрезвычайно затруднительна, так как часто невозможно установить, что в этой преемственности и изменчивости обусловлено психофизиологическими особенностями индивида, а что влиянием его среды и воспитания. Это касается не только детей, но и взрослых.

ВОЗРАСТ И СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ

Неоспоримо, например, что с возрастом человек переживает необратимые психофизиологические сдвиги, которые сказываются и на его личностных качествах (например, уменьшение подвижности нервных процессов делает старческое мышление менее гибким, мешает восприятию нового, которое невольно подводится под старые стандарты, и т. п.). Но этот процесс не только чрезвычайно варьирует у разных людей, но и зависит от суммы конкретных условий. Сам по себе возраст еще не определяет характерные черты личности. Важно не только то, что человеку 45 лет, а то, что ему 45 лет *и* он одинок, или ему 45 лет *и* он женат и имеет маленьких или взрослых детей. Не так важно, что человеку 70 лет, как то, что ему 70 лет *и* он находится на пенсии или еще рабо-

тает, ему 70 лет *и* он женат или одинок². Разумеется, вероятность быть вдовцом в 70 лет выше, чем в 45, поэтому возраст и здесь играет роль. Но этот фактор тоже является относительным. Дело не только в различии особых условий, но и в общих социальных факторах. Понятие «старость» неотделимо от такого демографического показателя, как средняя продолжительность жизни, которая различна в разных обществах и варьирует у разных классов одного и того же общества. Положение и самосознание старика зависит от его социальной роли, материальной обеспеченности, общественных функций и т. д. Все это — не индивидуально-психологические, а социально-экономические параметры.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, социальные моменты включаются уже в самое определение основных человеческих возрастов: детства, юности, зрелости, старости. Говоря об этих явлениях, мы чаще всего оперируем привычными понятиями абсолютного, хронологического возраста: от рождения до года — младенчество, с 2 до 12 лет — детство, с 12 до 15 — отрочество, подростковый возраст, с 15 — ранняя юность и т. д. Но стоит только задуматься, на чем основывается это деление, как выясняется его условность и даже противоречивость. За простыми обозначениями абсолютного возраста стоят сложные стадии биологического, психологического и социального развития человека, причем эти стадии далеко не всегда и далеко не полностью совпадают друг с другом. Биологический возраст фиксирует определенные стадии развития организма и определяется по

соответствующим соматическим признакам: например, половое созревание наглядно обнаруживается в появлении вторичных половых признаков и т. д. Психологический возраст фиксирует стадии психического развития индивида; мы говорим о нормальном, чрезмерном или недостаточном развитии ребенка в зависимости от того, насколько он овладел моторными, речевыми, трудовыми и тому подобными навыками, статистически типичными для данного абсолютного возраста. Хотя они тесно связаны друг с другом, процессы физического и психического развития часто не совпадают (физически развитый, а психически отсталый ребенок, или наоборот). Но есть еще третье, социальное измерение, фиксирующее то, какое место в данном обществе занимает данная возрастная группа, когда в этом обществе наступает так называемая социальная зрелость, позволяющая индивиду выполнять «взрослые» роли и нести вытекающую из них ответственность.

Любой возраст имеет свои особенности. Но понять эти особенности можно только в сопоставлении с другими возрастами. Будем ли мы рассматривать переход из одной возрастной группы в другую как плавный постепенный процесс или как серию скачков, острых кризисов и перерывов постепенности, все равно каждый возраст можно понять только в сравнении с другими. С одной стороны, мальчик — прообраз взрослого мужчины, с другой стороны, чтобы стать взрослым, он должен усвоить новые правила поведения, резко отличающиеся и даже противоположные тем, которыми он руководствовался в детстве. Но и то и другое понятно

лишь в сравнении. Особенности каждого возраста проявляются лишь во взаимоотношении разных возрастных групп, причем характер этих взаимоотношений всецело зависит от социальных условий и сам влияет на многие социальные процессы.

Легче всего это можно показать на примере юности. Социологически юность обычно определяется как период перехода от зависимого детства к самостоятельной жизни взрослого человека.

В первобытных обществах, с их сравнительно простой социальной структурой, индивид довольно легко усваивает социальные роли и навыки, необходимые взрослому человеку. Кроме того, низкая продолжительность жизни и высокая детская смертность не позволяют обществу особенно затягивать «подготовительный период», ребенок обучается в процессе повседневного взаимодействия со взрослыми. По свидетельству Л. Я. Штернберга, «гиляцкий подросток 10—12 лет обыкновенно уже accomplished gentleman. Он не только усвоил всю технику обиходных работ, он не только ловкий стрелок, рыболов, гребец и т. д., он уже физический работник, такой, как все. Мало того, он в значительной мере обладает уже всей суммой духовного знания: он знает уже из практики все родовые обычаи, все родственные названия, знает легенды, сказки и песни своего племени, и в довершение всего — то знание людей, которое дает постоянное пребывание в обществе взрослых: в путешествиях, на охоте, рыбной ловле, празднествах и т. д. Отсюда — его чувство собственного достоинства, и солидность в речи, и

умение держаться в обществе»³. Это раннее (по нашим представлениям) повзросление, приобщение к взрослой жизни в первобытных обществах отмечают и многие другие исследователи и наблюдатели.

Обряды, фиксирующие в большинстве первобытных обществ факт наступления половой зрелости, одновременно символизируют наступление социальной зрелости, «посвящение» подростка во взрослое состояние. Это «посвящение» включает в себя: 1) ритуалы, посредством которых подростки символически освобождаются от особенностей юности и наделяются чертами взрослости; часто этот ритуал, имеющий большое эмоциональное значение, содержит в себе суровые испытания, требующие физического мужества, стойкости (нужно без стона вытерпеть обрезание или сложную татуировку), и сопровождается принятием нового имени, т. е. символическим перерождением; 2) полное символическое отделение мальчиков-подростков от мира их детства, особенно от материнской заботы и влияния; 3) драматизацию встречи нескольких поколений, часто в форме борьбы или соревнования, подчеркивающую взаимосвязь различных возрастных групп и одновременно — различие между жизнью подростка и жизнью взрослого; 4) передачу племенной традиции и соответствующих правил поведения как путем специального обучения, так и в виде ритуала; это сочетается с 5) ослаблением конкретного контроля взрослых над вчерашними подростками и заменой его самоконтролем и взрослой ответственностью⁴.

Следы этого обряда «инициации» сохраняют-

ся еще в некоторых религиозных ритуалах (например, конфирмации) и народных праздниках. Этой цели торжественной фиксации совершеннолетия служат и некоторые светские обряды (например, торжественное вручение паспорта или собрание молодых избирателей, впервые участвующих в выборах). Однако в целом грани перехода к зрелости в современном обществе размыты, неопределенны. Это видно даже из законодательства. Паспорт человек получает в 16 лет, избирательное право в 18, брачный возраст в РСФСР тоже установлен в 18 лет. Еще менее определены эти грани в общественном мнении, которое зачастую и двадцатилетнего человека не считает за взрослого.

И дело здесь вовсе не в том, что кто-то чего-то не додумал и требуется издать соответствующую инструкцию. Правовая и моральная неопределенность юности отражает сдвиги в реальном положении вещей и прежде всего — удлинение самого периода юности за счет, с одной стороны, более раннего полового, а с другой стороны — более позднего социального созревания.

Как показывают медико-статистические исследования, половое созревание подростков в большинстве развитых стран происходит сейчас значительно раньше, чем в прошлом столетии, в среднем на 2—3 года. В Норвегии, например, первые менструации у девочек в 1850 г. наблюдались в 17 лет, а теперь — в 13,5 лет⁵. Половое созревание девочек Саратова в 1959 г. происходило на 0,5—1,5 года раньше, чем в 1929 г. (в сравниваемых возрастах)⁶. В Ленинграде половое созревание в 1959 г. по сравнению с

1927—1930 гг. ускорилось на 1 год 3 месяца у девочек и на 1,5 года у мальчиков⁷. При этом, в городе половое созревание является более ранним, чем в деревне. На темпах полового созревания сказывается общее ускорение (акцелерация) физического развития детей. В 1958 г. 17-летние юноши в г. Горьком достигли в показателе роста (165,88 см) уровня 22-летних юношей, обследованных там же в 1934—1935 гг., а по весу и окружности груди юноши 18—19 лет достигли показателей 20-летних⁸. Кроме того, здесь влияют и социально-психологические факторы: более быстрый темп городской жизни ускоряет развитие нервной системы, включая и сексуальные реакции. Интерес к этим вопросам стимулируется художественной литературой, искусством и т. д. В то же время социальная зрелость, личная самостоятельность наступают в большинстве случаев позже (больше времени требуется для получения необходимого образования и т. п.).

Неопределенность возрастных границ отражается и в языке. Нам трудно провести четкую границу не только между юношей и взрослым, но и между юношей и подростком. Нередко подростками называют молодежь до 18 лет. В английском языке слово «adolescent» обозначает одновременно и подростка, и юношу. Понятие «teenager» охватывает молодежь от 13 до 19 лет (само слово происходит от окончания «на-дцать» — teen, которое в английском языке, в отличие от русского, характерно для числительных начиная с 13). Но между 13- и 19-летними существует большая разница, поэтому 17—18-летние юноши не любят, когда их называют

тинейджерами, смешивая тем самым с подростками. Не вполне определено и понятие молодежи. Одни авторы зачисляют сюда людей от 14 до 25 лет, другие — от 17 до 25.

ПОКОЛЕНИЯ И ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ

Дело не столько в терминах и в удлинении периода юношества самом по себе, сколько в известной неопределенности социальных ролей, свойственных юности и обусловленной не возрастом, так таковым, а соотношением разных возрастных групп в обществе. Понятие возрастной группы, объединяющее людей одного и того же возраста, нередко отождествляется с понятием поколения. Однако такое словопользование неточно. Понятие поколения имеет несколько значений. Во-первых, поколение обозначает современников — людей, родившихся приблизительно в одно и то же время, в этом смысле мы говорим о поколениях отцов, дедов и т. д. Во-вторых, антропологи и юристы называют поколением ступень в происхождении от общего предка; например, можно сказать, что внук отдален от деда на два поколения. В-третьих, историки и социологи обозначают этим термином отрезок времени от рождения родителей до рождения их детей, считая его статистически равным 30 годам, или трем поколениям в столетие. Наконец, в-четвертых, понятие поколения употребляется в символическом смысле, подчеркивая не столько хронологическую общность современников, сколько общность их жизненного опыта, их переживаний.

Эта символическая общность не имеет четких хронологических границ. Чем значительнее историческое событие, тем длительнее его историческое воздействие, тем шире хронологические рамки его влияния. Поколение Октябрьской революции — это не только те, кому в октябре 1917 г. было от 17 до 25 лет (возраст окончательного формирования сознательной деятельности), но и те, кому было уже за 40, но чья жизнь получила теперь новое направление, и те, кому было 10, но чье формирование проходило под знаком Октября. Поколение Великой Отечественной войны — это не только десятиклассники, прямо с выпускного вечера шедшие в бой, но все те, кто вынес на своих плечах тяготы войны, для кого она явилась решающим и неизгладимым переживанием. Поколение в этом смысле не столько количественная, сколько качественная определенность, и продолжительность разных поколений может быть различной. Поэтому, когда мы говорим о взаимоотношениях, преемственности или конфликте поколений, нужно всегда уточнять, о чем именно идет речь. Преемственность поколений в смысле преемственности революционной традиции вовсе не означает, что отцы и дети должны иметь одни и те же эстетические вкусы и следовать тем же самым модам.

Понятие поколения в своем последнем значении имеет преимущественно динамический оттенок, акцентирует изменение обычаев, нравов, поведения. Напротив, близкое к нему по значению понятие возрастной группы имеет преимущественно структурно-функциональный характер: оно фиксирует место и функции воз-

растной общности людей в исторически данной системе общественных отношений.

Каждое общество, наряду с делением людей по производственному, имущественному, половому и другим признакам, делится и на определенные возрастные группы, формальные или неформальные. Эти группы можно сравнивать по трем главным показателям: 1) критерий членства в возрастной группе; 2) ее внутренняя структура; 3) ее место в социальной системе. Каждый из этих показателей, в свою очередь, подразделяется на ряд элементов.

В первобытном обществе, где разделение труда и социальных функций основывается еще на естественно-биологических признаках (разделение труда между мужчиной и женщиной, возрастное деление), социальные границы возрастных групп обычно четко очерчены, а их взаимоотношения раз и навсегда определены традицией. Системы эти весьма различны⁹.

Например, в деревнях племени Нупе в Нигерии существует следующая система возрастных групп. Имеется три возрастных степени: 1) *ена дзакенгизи*, «общество детей» (10—15 лет); 2) *ена гбаруфузи*, «общество молодых людей» (15—20 лет); 3) *ена нузази*, «общество старых» (20—30 лет, большинство уже женатых). Мальчики моложе 10 лет называются *вавагизи* — малыши и могут организовывать свои собственные группы, которые, однако, всерьез не принимаются и рассматриваются лишь как игровые. Мужчины, «перерастающие» старшую группу, перестают участвовать в ее деятельности, но на всю жизнь сохраняют чувство солидарности со сверстниками, оказывают взаимопомощь.

мощь друг другу и т. д. Внутри каждой возрастной группы существует специфическая иерархия званий, которые каждый получает от сверстников в зависимости от своих успехов и популярности. Каждая группа имеет двух вождей: один, так называемый *етсу* — «король», принадлежит к соответствующей возрастной группе и избирается сверстниками; второй, *ндакотсу* — «дед короля», принадлежит к ближайшей старшей группе, в которой он должен иметь высокий ранг. Ндакотсу третьей, старшей группы — мужчина, который уже вышел из возрастных групп. Каждый ндакотсу действует определенный срок, а затем назначает себе преемника из той группы, лидером которой он был. Лидеры организуют всю деятельность возрастной группы и поддерживают внутреннюю дисциплину. Вмешательство родителей в деятельность возрастных групп не допускается. Переход из одной группы в другую является коллективным, но никакой публичной церемонии, оформляющей эту процедуру, не существует. В целом же последовательное членство в возрастных группах обеспечивает усвоение каждым членом общины тех социальных норм и иерархии, которые существуют во «взрослом» обществе. Поскольку взаимоотношения этих возрастных групп воспроизводятся из поколения в поколение и освящены традицией, каждый «знает свое место» и никаких конфликтов, как правило, не возникает.

Специфическая организация возрастных групп существовала и в античной Греции. Так, в Спарте возрастные группы, включавшие всех мужчин с 6 до 30 лет, были формально органи-

зованы государством и контролировались старшими. С 6 до 18 лет эти группы выполняли прежде всего воспитательные функции, с 18 до 30 лет — военные. Большую часть этого времени молодые спартанцы жили отдельно от семьи, под наблюдением и руководством специальных наставников. После 30 лет спартаец получал полное гражданство и возможность жить дома. В 60 лет он становился членом старейшей возрастной группы, из которой выбирались члены герусии, сената.

Иная, не столь жесткая, система существовала в Афинах. Единственная жесткая возрастная группа, эфебы, охватывала молодежь от 18 до 20 лет и служила больше всего целям военной подготовки. Что же касается школ для детей от 14 до 18 лет, то они были организованы по-разному и государство этим мало интересовалось.

В республиканском Риме основным механизмом воспитания детей, во всяком случае у верхушки общества, была семья. Сначала ребенка воспитывала мать, затем отец, часто с помощью специальных воспитателей из числа рабов. Позже, когда подросток начинал участвовать в общественной жизни, им обычно руководил личный друг или патрон семьи. Римский обряд инициации — вручение мужской одежды (*toga virilis*) — также являлся в большой мере семейным делом. Такая система способствовала воспитанию индивидуализма и ориентировала молодого человека прежде всего на собственную семью.

Семья была основной ячейкой социализации и в средние века. Различного типа школы лишь

дополняли, но не заменяли ее. Специфические юношеские группы не играли там самостоятельной роли.

Положение, однако, заметно изменилось в новое время¹⁰. Усложнение процесса социализации (в связи с усложнением самой общественной жизни) сделало семейные рамки недостаточными. Развитие общественного разделения труда ставит индивида в прямые и косвенные отношения с все более широким кругом людей. Это требует длительной специальной подготовки, не ограничивающейся рамками семьи. На первый план все больше выходит школа и другие общественные учреждения. Сосредоточение молодежи в специальных учреждениях уже само по себе делает неизбежным возникновение специфических юношеских групп с присущим им групповым самосознанием. Общность возрастных переживаний, связанных, допустим, с половым созреванием, теперь дополняется общностью условий быта и социального положения (разумеется, только в пределах данного класса), превращает молодежь в самосознательную «мы-группу», принадлежность к которой, хотя и неформальная, становится необходимым звеном перехода от первоначальной зависимой роли в семейном коллективе к полноправному членству в обществе взрослых. Чем продолжительнее период юности, тем важнее становится общественная роль этих молодежных групп, распространяющих свое влияние на самые различные сферы жизни молодежи (труд, досуг, общественная деятельность, моральные установки и т. п.). Причем в отличие от первобытного общества, где существуют возрастные

группы для разных возрастов, теперь этой «привилегией» пользуется только молодежь. И общество признает эту автономию: говорят о специфических «молодежных проблемах», создаются специальные молодежные организации, как политические, так и культурно-просветительные, изучаются особенности поведения, мышления и быта молодежи.

Социологи не без основания говорят о существовании особой «юношеской подкультуры», имея в виду специфический стиль жизни, эстетические вкусы, манеру поведения и т. д. Разумеется, эта «подкультура», как и культура общества в целом, не является чем-то единым, не отменяет классовых различий. Нелепо говорить об одинаковом образе жизни буржуазной «золотой молодежи», беснующейся от скуки, и пролетарской молодежи, вынужденной вести повседневную борьбу за хлеб насущный. «Единая молодежь» в классовом обществе — не более чем пропагандистский миф; сообщество парней «на углу улицы» качественно отличается от «братства» студентов привилегированного университета или колледжа.

И все-таки в каждом классе, в каждом социальном слое молодежь образует специфическую, более или менее автономную группу, со своим специфическим образом жизни и системой ценностей.

Отсюда — проблема отцов и детей. Суть ее вовсе не в том, что между отцами и детьми существует якобы непримиримый идеологический конфликт, как утверждают некоторые буржуазные «советологи». Идеологический конфликт по самой природе своей не может быть конфликтом

возрастным. Размежевание основных общественных сил в классовом обществе идет не по возрастному, а по классовому признаку. В каждом поколении были и свои революционеры, и свои реакционеры. Одна часть молодежи продолжает революционные традиции, другая — реакционные, но и те и другие имеют своих «духовных отцов», черпают идеи и образцы поведения у старших.

Действительная проблема взаимоотношения отцов и детей состоит в другом. В современном обществе, мы имеем в виду прежде всего социализм, молодежь пользуется гораздо большей степенью автономии от старших, чем когда бы то ни было раньше. Общественное положение и престиж уже не являются функцией возраста. В принципе более опытный и сейчас руководит менее опытным. Но право на руководство определяется не только и даже не столько числом прожитых лет, сколько образованием, знаниями, способностями. Молодой инженер может оказаться на работе начальником собственного отца и его сверстников. В науке талантливый ученик часто перегоняет в достижениях, а как следствие этого — в званиях и общественном престиже — собственного учителя. В быту, в семейных отношениях молодежь также обретает все большую степень независимости, свободы от родительской опеки. Даже дети, находящиеся в полной материальной зависимости от родителей, живущие на их иждивении, требуют уважения к своей индивидуальности. И сама современная педагогика учит родителей и всех вообще воспитателей, даже когда речь идет о маленьких детях, не опираться просто на свой

авторитет («я так сказал, значит так и должно быть»), а обосновывать его логически, доказывать правильность своих решений. То есть отношения отцов и детей стали гораздо более равноправными, чем когда-либо раньше.

В то же время вследствие ускорения темпов общественного развития возрастные группы стали сильнее отличаться друг от друга. При медленном темпе жизни разница между отцами и детьми мало заметна, они живут в одной и той же социально-культурной среде. В современном обществе эта разница очень велика. Десятки лет в XX в. значат больше, чем сотни лет в начале эры. Меняются художественные вкусы, моды, обычаи. Ни одежда, ни танцы, ни специфический жаргон современной молодежи не похожи на те, что были перед войной, не говоря уже о 20-х годах. Эти, по-своему существенные, выражающие какие-то социальные сдвиги, различия вовсе не отменяют преемственности и общности коренных проблем и традиций нескольких поколений. Но сама эта преемственность реализуется именно через многообразие и различия. В. И. Ленин подчеркивал, что молодежь «по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы*»¹¹. Передача революционных традиций предполагает их дальнейшее *творческое* развитие, применительно к новым историческим условиям и задачам.

Каждый возраст имеет свои собственные предрассудки. Дети вообще, в силу особенностей возраста, склонны преувеличивать оригинальность собственного опыта (для них все и вправду является новым, и им кажется, что

никто до них не умел ни так любить, ни так страдать, ни так понимать поэзию).

А отцы, находясь во власти вкусов и привычек собственной молодости, склонны порой абсолютизировать эти привычки и вкусы, отказывая своим детям в том самом праве на самостоятельное творчество, которого они в свое время требовали у собственных родителей. Так возникает разнообразие взглядов, и в ранг «идеологических проблем» возводится вопрос о ширине брюк или манере танца. А ведь люди, обрушивающиеся на «развратный» твист, в свое время отстаивали фокстрот и танго, которые их родителям, воспитанным на вальсе, тоже казались глубоко безнравственными...

Но проблема состоит не только в том, что отношения отцов и детей стали равноправнее, а различия между ними — заметнее. Само сосуществование поколений становится все более длительным. Как известно, средняя продолжительность жизни в нашей стране увеличилась с 32 лет в 1913 г. до 70 лет в настоящее время. Вряд ли надо доказывать прогрессивность этого процесса. Но, как и всякий иной социальный процесс, это ставит перед обществом и некоторые вопросы. Во-первых, необходимость продлить не только жизнь, но и работоспособность человека. Во-вторых, необходимость гармонически сочетать людей старшего возраста и молодежь.

Известный французский демограф Альфред Сови приводит следующие данные¹². В конце XVIII в. средний возраст детей в момент смерти одного из родителей был 16 лет, средний возраст их в момент смерти второго из родителей

был 32 года, средний возраст ребенка, когда умирал его отец, равнялся 20 годам. Сегодня у 20-летнего молодого человека чаще всего живы оба родителя, а часто и деды. Над ним, так сказать, имеются два поколения, которые играют решающую роль в общественной жизни. Это серьезный вопрос. Человек становится зрелым только тогда, когда он становится ответственным за собственную жизнь. Искусственное затягивание детства чревато опасными последствиями. У молодых людей, не участвующих в серьезной общественной деятельности, не вырабатывается присущее взрослому человеку чувство ответственности. Их активность может направляться по антиобщественным каналам, выливаясь в пьянство, хулиганство, всевозможные формы преступности. С другой стороны, привычка к постоянной опеке воспитывает внутреннюю потребность в ней, нерешительность, инфантильность, неспособность к самостоятельным решениям. Обе эти тенденции заметны у некоторой части современной молодежи.

Конфликт поколений при капитализме — выражение других, более глубоких социальных противоречий. Когда на Западе старый рабочий не может найти себе работу, ему может казаться, что причина этого в том, что слишком много на очереди более молодых и сильных. Когда юноша не находит себе достойного применения (кстати, процент безработных среди молодежи, как правило, выше, чем среди старших возрастов), он может думать, будто беда в том, что лучшие места заняты «стариками». На самом же деле эта конкуренция между поколениями — только внешнее выражение законов капитали-

зма, от которых равно страдают и молодые, и старые. Уничтожьте безработицу — и конкуренция исчезнет.

Конечно, сдвиги в характере производства и в системе общественных отношений и при социализме сказываются на взаимоотношении возрастных групп, предопределяя специфическое распределение социальных ролей. В годы революции и гражданской войны в СССР 20-летние люди иногда командовали дивизиями, а позже становились командирами индустрии. Это было время, когда от революционеров требовались прежде всего смелость, решительность, цельность характера, готовность на жертвы, т. е. те качества, которыми в полной мере обладает молодежь. Но и тогда рядом с молодыми командирами и комиссарами нередко стояли более опытные в специальной стороне дела военные и технические специалисты. А чтобы стать специалистом, нужны не только способности, но и время.

Сегодня задачи по руководству хозяйством и страной в целом чрезвычайно усложнились. Решать их можно только на основе науки, один энтузиазм тут не поможет. С другой стороны, мы имеем достаточно подготовленные и зрелые кадры. Отсюда — естественное повышение среднего возраста руководящих работников в большинстве сфер хозяйственной и политической деятельности. Сейчас трудно представить себе 20-летнего генерала или начальника главка. Значит ли это, что молодежь вытесняется на вспомогательные роли? Нет, не значит. Быстрый темп общественного развития вызывает к жизни все новые сферы деятельности и отрасли

труда, которые по самому своему характеру больше всего подходят для молодежи. Молодежь играет главную роль на всех новостройках, в освоении новых земель и т. п. Молодежь занимает ведущие места в новейших, наиболее быстро развивающихся отраслях науки и техники (известно, что выдающиеся открытия в точных науках делают, как правило, совсем молодые люди, до 25—30 лет). В настоящее время половина научных работников СССР — люди не старше 30 лет¹³. Социалистическое общество может предоставить молодежи достаточно интересную и богатую деятельность. Вопрос лишь в том, чтобы полностью реализовать эти возможности.

Таким образом, хотя известные возрастные стадии развития личности универсальны и существуют во всяком обществе, их конкретное содержание, а также сами механизмы социализации (семья, специальные учреждения общественного воспитания — ясли, детские сады, школы и т. п., формальные и неформальные возрастные группы и организации) являются историческими, их значение и удельный вес варьируют в зависимости от социально-экономического строя общества.

2. ФОРМИРОВАНИЕ Я У РЕБЕНКА

*Когда обидят двухлетнего Элю,
он говорит угрожающе: — Сейчас
темно сделаю! — И закрывает глаза,
убежденный, что благодаря этому
весь мир погрузился во тьму.*

К. Чуковский

Процесс формирования человеческой личности в онтогенезе может быть рассмотрен с двух сторон: 1) как постепенное самораскрытие каких-то заложенных в индивиду качества, 2) как результат внешнего воздействия, направленного и ненаправленного воспитания. Многочисленные педагогические и психологические исследования убедительно свидетельствуют в пользу второго подхода. Однако в нем заложена опасность механицизма, понимания процесса воспитания как внешнего, механического наложения на индивида социальной формы. Как хорошо сказал Г. С. Батищев, «человека нельзя «сделать», «произвести», «вылепить» как вещь, как продукт, как пассивный результат воздействия извне, — но можно только обусловить его включение в деятельность, вызвать его собственную активность и исключительно через механизм этой его собственной — совместной с другими людьми — деятельности он сформируется в то, чем делает его эта (общественная в своей сущности, коллективная) деятельность (труд и т. д.)»¹⁴. Эта идея лежит в основе советской психологической концепции развития и воспитания ребенка, ее разделяют и крупнейшие зарубежные ученые (Ж. Пиаже, А. Валлон).

Чтобы понять формирование личности ребенка как целостный процесс, необходимо синтезировать социальные условия и деятельность индивида в единую теоретическую систему. Основными элементами этой системы должны быть: 1) содержание деятельности ребенка, 2) круг его общения, выраженный в структуре его социальных ролей, 3) содержание и структура его самосознания. Все эти три момента зависят от целого комплекса социальных условий, как общих, так и специфических. Но значение разных элементов социальной среды (социально-экономических условий, культурного окружения, семьи, школы, группы сверстников и т. п.) не одинаково на различных стадиях процесса социализации. Усложнение и обогащение деятельности ребенка означает расширение круга его общения; социально-экономические условия и культура, которые вначале влияют лишь опосредствованно, через ближайшее окружение ребенка, теперь становятся непосредственно влияющими факторами. Увеличение числа механизмов социализации порождает усложнение ролевой структуры личности, а это, в свою очередь, фиксируется ее самосознанием и выражается в ценностных ориентациях. Не переставая быть *объектом* многообразных социальных воздействий, индивид постепенно расширяет свои возможности как *субъекта* сознательной, творческой деятельности.

К сожалению, цельная история этого процесса еще не написана ни психологами, ни социологами. Особенно слабо освещен в советской литературе социологический аспект проблемы: воспитание как направленный социальный

процесс. Иностранная литература не может восполнить этот пробел, так как, во-первых, ее недостаточно и, во-вторых, социальные условия в СССР и капиталистических странах совершенно различны. Учитывая эти обстоятельства, а также то, что эта тема далека от главных научных интересов автора, он должен заранее извиниться за фрагментарность и неполноту этого раздела книги.

Процесс социализации ребенка начинается буквально с первых же минут его жизни. В первые месяцы и годы жизни ребенок особенно интенсивно осваивает окружающий мир, его психика наиболее пластична, поэтому потеря этих лет практически невозполнима. Это доказываются историей детей, которые были лишены человеческого общества и воспитывались среди животных. Киплингский Маугли в конце концов вернулся к людям. Реальные истории этого рода гораздо трагичнее. Известна, например, судьба двух индийских девочек, Камалы и Амалы, которые были найдены миссионером в волчьем логове, когда первой было восемь лет, а второй — полтора года. В 1920 г., когда их нашли, девочки имели физический облик человеческих существ, но поведение их было типично волчьим. Амала вскоре умерла, а Камала прожила до 1929 г. Она научилась понимать простые команды, освоила свыше 30 слов и пыталась в некоторых случаях подражать другим, нормальным детям. Однако ни нормального психического развития, ни удовлетворительного приспособления к условиям человеческого общежития добиться так и не удалось.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СЕМЬЕ

Первичной ячейкой социализации ребенка является семья. Уже физический уход за младенцем (туго ли его пеленают, кормят ли его строго по расписанию или как только он начинает кричать, сколько времени продолжается кормление грудью и каким образом ребенка от нее отнимают, как приучают регулировать свои физические отправления и т. п.) оказывает известное влияние на его психику. Группа фрейдистски настроенных антропологов даже усматривала в специфических методах ухода за ребенком ключ к пониманию не только его индивидуального характера, но и характера данного общества, культуры как целого. Эти ученые, создавшие специальное направление исследований «культуры и личности», которое сейчас называют также психологической антропологией, собрали большой сравнительный материал о положении детей и методах ухода за ними в различных обществах. Однако доказать свой исходный тезис они, естественно, не смогли, а некоторые их концепции выглядят буквально как пародии (например, попытка Д. Горера «объяснить» особенности русского национального характера распространенным в русских семьях обычаем туго пеленать младенцев). Этот «пеленочный детерминизм» подвергся резкой критике, и в настоящее время, говоря о факторах социализации младенца, внимание фиксируют не столько на методах ухода за ребенком, сколько на общей эмоциональной атмосфере, в которой он растет: как относятся к ребенку родители, чувствует ли он себя любимым, окруженным заботой, или же, наоборот, заброшен-

ным¹⁵. Обобщая результаты многих специальных исследований, Б. Берельсон и Г. А. Стейнер¹⁶ считают установленным, что, чем меньше ласки, заботы и тепла получает ребенок, тем медленнее он созревает как личность, тем больше он склонен к пассивности и апатичности, тем больше у него шансов иметь слабый характер. Поскольку проявления родительской любви вызывают у ребенка ощущение ценности собственного Я, отсутствие такой заботы снижает эмоциональную самооценку ребенка, что сказывается и в старшем возрасте. Если требования, предъявляемые к ребенку, начиная с младенчества, неопределенны или противоречивы, это тормозит формирование его самосознания, делает его слабым и неустойчивым. Слишком суровые, властные родители подавляют инициативу ребенка, в дальнейшем это отрицательно сказывается и на его отношениях со сверстниками.

На формирование личностных качеств ребенка влияют не только сознательные воспитательные воздействия родителей, но и общий тонус семейной жизни. Если родители живут большими общественными интересами, это способствует расширению кругозора и у детей, которые из услышанных разговоров взрослых извлекают нередко больше уроков, чем из специальных бесед. И наоборот, если отец не считает зазорным принести с производства казенное имущество, дети тоже начинают считать это нормальным и естественным.

Значение семьи как первичной ячейки общества и важнейшего фактора социализации ребенка трудно преувеличить. Разговоры об

«отмирании» семьи, которые идут среди некоторых зарубежных социологов, не учитывают трех важнейших обстоятельств.

Во-первых, только непосредственная родительская ласка и забота могут обеспечить то эмоциональное тепло, в котором так нуждается ребенок, особенно в первые годы жизни.

Во-вторых, семья представляет собой первичную группу, в которой осуществляется интимный контакт не только детей и родителей, но и детей различных возрастов между собой. В семье дети постепенно приобщаются к сложному миру взрослых. Это весьма существенно. Имеются данные о том, что воспитанники даже самых хороших дошкольных детдомов в некоторых аспектах своего развития отстают от детей того же возраста, воспитывающихся в семье. Причина проста: они практически изолированы от откровенных разговоров взрослых, и это замедляет их ознакомление с некоторыми сторонами социальной жизни (отношения между взрослыми на работе, цена денег и т. п.). Не случайно развитие системы общественного воспитания (школы-интернаты и т. п.) сочетается у нас с попытками имитировать семейную жизнь для детей, лишенных родителей (усыновление, или когда ребенок воскресенье проводит в семье товарища и т. п.).

В-третьих, родительские чувства и забота о детях — естественные человеческие чувства, обогащающие индивида как личность. Как ребенок нуждается в том, чтобы о нем заботились, и это дает ему ощущение надежности и прочности мира, так взрослый человек испытывает потребность заботиться о другом, быть опорой для

слабого, ощущая таким образом собственную силу и значительность. Полнее всего это проявляется именно в родительских чувствах. Как пишет американский социолог Д. Боссард, «семейные отношения включают в себя не только то, что родители передают своим детям и дети друг другу, но и то, что дети передают своим родителям. Эти «дары» детей заключаются: 1) в обогащении внутрисемейных связей; 2) в расширении круга интересов семьи; 3) в эмоциональном удовлетворении, продолжающемся всю жизнь; 4) в возможности возвращения к пройденным этапам жизни; 5) в контроле за развитием новой человеческой личности; 6) в более глубоком понимании жизни и «истинного смысла жизни»»¹⁷. Конечно, значение и соотношение этих чувств и моментов может изменяться, но нет оснований думать, что человечество вообще от них откажется.

Но если «отмирание» семьи представляется ложной идеей, то никак нельзя закрывать глаза на происходящие в семье (и с ней) серьезные социальные изменения. Современная семья является продуктом длительного исторического развития. Ее не было в первобытном обществе, где социализация детей осуществлялась непосредственно в масштабах всей родовой общины. Затем долгое время семья была едва ли не главной социально-экономической ячейкой общества, выполняя, помимо регулирования половых отношений и воспитания детей, еще целый ряд социальных функций. Семья была первичной производственной ячейкой (вспомним крестьянское хозяйство); эту функцию она постепенно утратила. Семья была первичной имущест-

венной и потребительской ячейкой; эту функцию она частично сохраняет, но развитие системы общественного обслуживания, питания и т. д. делает ее все менее существенной. Наконец, семья была не только важнейшей, но и почти единственной (за исключением церкви) ячейкой по воспитанию детей; эту функцию она сохраняет, но в суженном масштабе. Уже появление всеобщего школьного образования до известной степени эмансипирует детей от семьи, ослабляет ее влияние. Чем раньше начинается общественное обучение и воспитание, тем меньше, соответственно, удельный вес семьи. Общность черт, формируемая в процессе коллективного общения и под влиянием средств массовой коммуникации (печать, радио, телевидение, кино и т. д.), все больше перевешивает влияние особенных условий, свойственных той или иной семье. Нравится нам это или нет, этот процесс закономерен и неотвратим.

Наконец, существенные сдвиги наблюдаются в структуре самой семьи. Из «большой семьи», включавшей в себя многочисленных родственников, она превращается в нуклеарную семью, состоящую только из мужа, жены и их потомства. Взрослые дети, как правило, предпочитают, если имеют к тому возможность (особенно влияют жилищные условия и проблема ухода за ребенком в отсутствие родителей), жить отдельно от родителей. Изменяется и соотношение мужских и женских ролей в семье. Традиционная моногамная семья базировалась на экономическом и моральном господстве мужчины, который был не только кормильцем и собственником, но и главным дисциплинирующим

фактором для детей. Теперь положение изменилось. Прежде всего, растет процент работающих женщин. В 1965 г. женщины составляли 49% общей численности рабочих и служащих СССР¹⁸. Это меняет и распределение семейных функций. С одной стороны, работающая мать уделяет меньше времени семье, но, с другой стороны, ее престиж повышается. Женщина все чаще становится фактически главой семьи. Традиционные черты «мужского» характера во многом связаны с подражанием мальчика отцу. Усиление женского влияния в семье плюс преобладание женского персонала на любой педагогической работе (в 1965 г. женщины составляли 71% всех работников просвещения¹⁹) создают реальную перспективу изменения «мужского» характера, его, так сказать, феминизации, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Об этом пишут некоторые зарубежные психологи. Можно только пожалеть, что эта проблема, как и остальные вопросы, связанные с половыми различиями, не привлекает внимания советской педагогики.

Не только родители влияют на формирование личности ребенка. И в семье и вне ее (ясли, детский сад и т. п.) ребенок сталкивается также с другими взрослыми. И если верно, что человеческое Я формируется в процессе взаимодействия с другими людьми, логично предположить, что расширение этого взаимодействия уже в раннем возрасте скажется на свойствах личности. Психолог Т. Сарбин²⁰ предложил 90 студентам (30 мужчинам, 60 женщинам) описать себя, выбрав из 200 слов-характеристик наиболее подходящие, а также сообщить о себе неко-

торые сведения, в частности, какое количество людей участвовало в их воспитании и заботилось о них в течение первых пяти лет жизни. В отношении числа «родительских образов» испытуемые распределились так: 1—2 родительских образа — у 54 человек (12 мужчин, 42 женщины), 3 или более образа — у 36 человек (18 мужчин, 18 женщин). Статистическое обобщение самохарактеристик показало, что хотя люди с 3 или более «родительскими образами» подчеркивают не большее число прилагательных, чем другие, у них чаще повторяются одни и те же прилагательные; т. е. люди, которые в детстве общались с большим количеством авторитетных «других», обнаруживают большее сходство в представлениях о самих себе. Есть разница и в качестве самооценок. Мужчины и женщины первой группы (1—2 родительских образа) чаще описывают себя как заторможенных и необщительных, члены второй группы, наоборот, считают себя общительными, логичными, эмоциональными и т. д.

Эти выводы, разумеется, требуют дальнейшей проверки: группа слишком мала и полученные корреляции могут объясняться другими, неучтенными условиями. Но они все-таки приводят к мысли о том, что самосознание лиц, в воспитании которых участвовало большее количество взрослых, является более широким и общественным, а также более однородным, чем у тех, кто имел дело только с родителями. Не меньшую роль играет и коллектив сверстников, который способствует выработке у ребенка необходимых привычек и навыков поведения в коллективе, самоконтроля, моральных оценок и т. д.

Как же конкретно происходит становление личности как субъекта познания, общения и труда? Решающим фактором этого процесса являются постепенно усложняющиеся формы деятельности и общения с другими людьми, а результаты его фиксируются в соответствующих стадиях развития индивидуального самосознания. Именно это и хотелось бы проследить на основе имеющихся психологических исследований²¹.

Изучение самосознания ребенка — дело исключительно трудное, и психологи часто расходятся друг с другом в интерпретации одних и тех же фактов. Одни считают, что ребенок обладает какой-то формой самосознания уже с первых месяцев жизни, что уже в узнавании своего изображения (например, в зеркале) проявляется формирующееся самосознание, причем основным механизмом его образования является развитие произвольных движений, ходьба и овладение языком. Другие, напротив, полагают, что предпосылкой самосознания является лишь более или менее самостоятельная деятельность, какой не может быть у младенца. На мой взгляд, наиболее плодотворна точка зрения Б. Г. Ананьева²², который ставит формирование детского самосознания в зависимость от конкретных форм предметной деятельности ребенка, включая и его общение с другими людьми.

Согласно этой точке зрения, младенец еще не обладает никаким самосознанием, даже представлением о своем физическом Я. Произвольные движения, вроде игры с собственными

ножками, еще не говорят о том, что ребенок относит свои ножки к себе. Младенец играет ножками как любым другим внешним предметом. Как только он начинает ходить, превращая таким образом ножки из предмета игры в орган деятельности, он утрачивает к ним интерес. Непосредственно переживая свою деятельность и ее органы, ребенок еще не сознает их отличия от прочих предметов. Первой стадией формирования самосознания является переход от случайных действий к предметным, целенаправленным поступкам. Это совершается лишь при помощи взрослого, который не только «подставляет» вещи для детской игры, но и приучает ребенка к игре, формируя у ребенка соответствующее отношение к данным предметам.

Следующим этапом является отделение себя как деятеля от своих действий и самого процесса деятельности. Сначала ребенок непосредственно реагирует на каждое внешнее раздражение. Постепенно его реакции становятся все более избирательными, ребенок начинает осознавать собственные желания и выбирать специфические средства для их достижения (например, плач не просто как реакция на боль, а как средство заставить мать выполнить его желание). Дифференциация и многообразие действий ребенка позволяют ему как бы стать выше каждого из них в отдельности. Это прекрасно показал еще И. М. Сеченов:

«Ребенок множество раз получает от своего тела сумму самоощущений во время стояния, сидения, беганья и пр. В этих суммах, рядом с однородными членами, есть и различные, специально характеризующие стояние, ходьбу

и пр. Так как эти состояния очень перемежаются друг с другом, то существует тьма условий для их соизмерения в сознании. Продукты последнего и выражаются мыслями: «Петя сидит или ходит». Здесь Петя обозначает, конечно, не отвлечение из суммы самоощущений постоянных членов от изменчивых... но мысли все-таки соответствует ясное уже и в уме ребенка отделение своего тела от своих действий. Затем, а может быть и одновременно с этим, ребенок начинает отделять в сознании от прочего те ощущения, которые составляют позыв на действия; ребенок говорит: «Петя хочет есть, хочет гулять». В первых мыслях выражается безразличное состояние своего тела как цельное самоощущение; здесь же сознана раздельность уже двух самоощущений... Так как эти состояния могут происходить при сиденье, при ходьбе и пр., то должно происходить соизмерение их друг с другом в сознании. В результате выходит, что Петя то чувствует пищевой голод, то гуляльный; то ходит, то бегаёт: во всех случаях Петя является тем общим источником, внутри которого рождаются ощущения и из которого выходят действия»²³.

Это отделение себя от собственных действий закрепляется в усвоении ребенком собственного имени. Двухлетний ребенок активно утверждает свою самостоятельность и автономию; именно в этот период развития ребенка возникает классическая формула: «Я сам», а также типичный детский негативизм. Но самосознание ребенка еще весьма примитивно и неустойчиво. Воспроизводя слышанное от взрослых, ребенок то и дело говорит о себе в разных

лицах: «Не шуми», «Петя ушибся», «Нет, я не ушибся». Лишь к трем годам, а то и позже ребенок овладевает местоимением «я», начинает говорить о себе в первом лице. Однако младший дошкольник еще не умеет отделить свои личные качества от предметных и внешних признаков. Он еще не разграничивает «я» и «мое», и свое сходство и различие с другими детьми он часто определяет по наличию или отсутствию каких-то предметов, игрушек, вещей («А у меня есть то-то!», «А зато у меня есть вот это!»).

Следующий этап формирования самосознания — переход от осознания своих действий к осознанию своих личных качеств (и, следовательно, потенциальных действий). Он предполагает значительное усложнение реального взаимодействия ребенка с другими людьми, как взрослыми, так и сверстниками. Д. Мид²⁴ выделяет три главные стадии в этом процессе: 1. Простое подражание, когда ребенок имитирует действия взрослых, не понимая их смысла (например, «читает» газету). 2. Игра, в ходе которой ребенок последовательно принимает на себя различные роли (папы, мамы, собаки, доктора и т. п.). Это разыгрывание чужих ролей расширяет жизненный опыт ребенка, который в процессе игры как бы смотрит на себя со стороны, глазами других. Но эти часто сменяющиеся роли не интегрированы в определенную систему. В каждый данный момент ребенок воображает себя кем-то другим, отсюда внешняя непоследовательность его действий, которые можно понять, только зная, кем он себя в данный момент воображает и как он определяет

эту роль, отсутствие устойчивой идентификации. Много примеров такого рода приводит К. Чуковский в книге «От двух до пяти». Мальчик, играющий в трубочиста, восклицает: «Не трогай меня, мама, ты запачкаешься!»²⁵ У ребенка много Я, но они разные, и он сам не знает, какие из них «настоящие». 3. Наконец, организованная коллективная игра, в ходе которой ребенок научается смотреть на себя глазами уже не отдельного «другого», а целой группы, так сказать «обобщенного другого», усваивая таким образом определенную систему поведения и связанное с ней самосознание.

Эта концепция подтверждается психологическими исследованиями детских игр. В процессе игры ребенок как бы создает модельные ситуации, овладевая действительностью с помощью игрового эксперимента. А. Н. Леонтьев справедливо подчеркивает в этой связи значение так называемых «ролевых игр»²⁶, в которых ребенок принимает на себя и осуществляет в своих действиях ту или иную социальную функцию. Через правила игры, сначала скрытые, а затем все более определенные, ребенок постепенно усваивает определенные социальные нормы и оценки (например, представление о справедливости, как соответствии правилу).

Ценным источником данных о развитии самосознания является изучение эволюции оценок детьми других людей и самооценок²⁷. Здесь наглядно проявляется рост самостоятельности ребенка и изменение его референтных групп. Оценка себя и своих поступков ребенком-дошкольником, как правило, просто воспроизводит соответствующую оценку его родите-

лями или воспитателем. Четырехлетний ребенок на вопрос, хороший ли он мальчик, отвечает: «Да, я ведь послушный». Это касается и норм коллективного поведения.

С возрастом оценки и самооценки личных качеств становятся более дифференцированными, а представление о собственном Я расширяется за счет того, что ребенок осознает свою принадлежность к большему количеству групп, что дает ему дополнительные критерии описаний и оценок. Самохарактеристика ребенка в еще большей степени, чем у взрослого, связана с его групповой принадлежностью. По мере того как расширяется и обогащается чувство «мы» («мы — Ивановы», «мы — мальчики», «мы — старшая группа», «мы — русские» и т. д.), расширяется и приобретает большую определенность Я. Одно не существует без другого. В детском «мы» уже в очень раннем возрасте выражена и определенная социальная идентификация. Помните, у Чуковского: «Это кто нарисован? — Гном. — А он фашист или наш?»²⁸

Уже у дошкольника семейное воспитание сочетается с определенными формами общественного, коллективного воспитания (ясли, детский сад), расширяя тем самым сферу общения и деятельности ребенка. Однако на этой стадии развития основным механизмом социализации остается все-таки семья, другие общности, как правило, лишь дополняют или корректируют семейное влияние. Положение существенно меняется с поступлением ребенка в школу. Речь идет не просто о возрастной стадии, но о существенном изменении общественного положения

ребенка. Во-первых, у ребенка меняется ведущий вид деятельности — место игры постепенно занимает учеба. Во-вторых, авторитет родителей теперь должен сочетаться с авторитетом учителя (и в случае расхождения между ними страдает и тот и другой). В-третьих, у ребенка появляются новые и чрезвычайно важные референтные группы из числа сверстников, в виде классного коллектива и детских организаций (октябрята, пионерский отряд). Все это существенно усложняет характер и содержание индивидуального самосознания²⁹.

Дети трех-четырех лет оценивают своих товарищей по детскому саду исключительно эмоционально и ситуационно. Давая положительную оценку сверстнику и объясняя, почему этот товарищ «хороший», ребенок говорит: «Вова хороший, потому что угощал вафлей», «Витя хороший, потому что игрушки убрал». Отрицательные оценки тоже обычно связаны с каким-то конкретным поступком, чаще всего — с недавним личным конфликтом. Постепенно, однако, появляются и более обобщенные оценки (хороший, потому что со всеми играет; плохой, потому что со всеми дерется), свидетельствующие о росте нравственного сознания ребенка и формировании у него некоторых общих оценочных критериев. Однако у дошкольника эти критерии еще весьма неустойчивы и сами оценки постоянно колеблются; ребенок еще не может отвлечься от конкретной пережитой ситуации и обобщить ее. Его оценка сверстника, как правило, связана с какой-то одной стороной деятельности сверстника, не подымаясь до понимания целостности личности.

Обогащение сферы деятельности и углубление понимания других людей сопровождается и углублением самооценок. В принципе самооценка — гораздо более сложный процесс, чем оценка другого человека, и развивается с известным запозданием. По имеющимся данным, в любых возрастных группах люди обнаруживают большую способность объективно оценивать других, нежели самих себя. Однако здесь тоже наблюдается прогресс. Первоначально, ребенок не в состоянии сколько-нибудь реалистически оценить свои собственные качества. В исследовании И. Н. Бронникова 67% самооценок двух-трехлетних детей сводятся к высказыванию: «Я лучше всех!»³⁰ Очевидно, что это не столько самооценка, сколько специфическая форма самоутверждения. Первоначальное представление о самом себе ребенок не вырабатывает сам, а усваивает более или менее готовым из отношения к себе и прямых высказываний старших — родителей, воспитателей.

Однако следует помнить, что не существует изолированного отношения «взрослый — ребенок», это отношение всегда сопряжено с какой-то конкретной социальной ситуацией. Важнейшим элементом этой ситуации, значение которого неуклонно увеличивается с возрастом, является детский коллектив и система взаимоотношений в нем. Распределение ролей и соответствующие отношения в детском коллективе далеко не всегда подконтрольны взрослым и могут зависеть от разных случайных обстоятельств. Например, незначительный физический недостаток, который ребенок еще не сумел скомпенсировать, может сделать его менее авторитет-

ным у сверстников, что вызывает пониженную самооценку и притязания, и это может перерасти в личностные черты взрослого человека. И наоборот, ребенок, опередивший в развитии сверстников из своего ближайшего окружения, легко становится вожаком группы, и это формирует у него соответствующие притязания и качества. Это влияние не фатально, но весьма существенно. Не случайно не только детские психологи, но и психиатры, имеющие дело со взрослыми пациентами, обычно интересуются их детскими прозвищами, позволяющими судить об их положении в группе сверстников и, косвенно, об их тогдашнем самосознании.

По мере развития личности ребенка внешнее регулирование его поведения все больше уступает место внутреннему. Если вначале ребенок ориентируется главным образом на оценку его другими людьми, то с возрастом решающую роль приобретает самооценка. По данным экспериментального исследования Е. И. Савонько, ориентация на самооценку неуклонно увеличивается от III к IX классу, тогда как ориентация на «внешнюю» оценку уменьшается³¹.

Процесс формирования личности ребенка является изначально социальным. В играх, в общении со старшими ребенок усваивает целую систему ценностей и идеалов, типичных для данного общества и его специфической социальной среды. В современных условиях, когда в быт прочно вошли радио и телевидение, интенсивность внесемейного воспитания стала значительно большей. Даже не научившись читать, ребенок уже получает массу разнообразной информации, которая практически неподконтроль-

на семье. Средства массовой коммуникации — один из факторов, подрывающих традиционную «авторитарную» систему воспитания: чем больше источников информации имеет человек, тем больше его автономия от каждого из них в отдельности.

3. ЮНОСТЬ ИЩЕТ СЕБЯ

*Мыслю юность, как цирковую
арену,
Мыслю взрослость свою, как
арену борьбы.*

Михаил Светлов

ПОДРОСТОК

Ребенок редко задумывается о своих внутренних качествах, его внимание сосредоточено на внешнем мире и энергия проявляется преимущественно в деятельности. У подростка дело обстоит иначе. Быстрый физический рост и начало полового созревания производят заметные изменения в его внешнем и внутреннем облике, порождают острый интерес к самому себе. Усиленная деятельность щитовидной железы вызывает у подростка повышенную возбудимость и раздражительность. Резкая дисгармоничность физического и психического облика подростка проецируется и на окружающий мир, который воспринимается подростком как конфликтный и напряженный. И дело, конечно, не только в физиологических особенностях возраста.

По сравнению с ребенком подросток придает гораздо большую ценность собственному Я³².

Его отношения со старшими и сверстниками начинают строиться по типу отношений взрослых, он усваивает систему «взрослых» социальных норм, в отличие от норм, которые установлены взрослыми для детей. Эта ломка старой структуры отношений и становление новой часто порождает конфликтные моменты в отношениях между подростком и взрослыми³³. Кроме того, подросток гораздо чувствительнее ребенка реагирует на несоответствие собственных потребностей и социальных ожиданий группы³⁴. 10-летние дети в экспериментальной ситуации, в которой их собственные желания не совпадают с ожиданиями группы, обычно решают вопрос в свою пользу, не испытывая внутреннего конфликта. Напротив, у подростков (VI—VII классы) подобная ситуация вызывает серьезный конфликт, неприятное эмоциональное напряжение. Но в естественных условиях такие конфликты неизбежны, так как и потребности подростка и социальные ожидания на его счет довольно противоречивы (уже не ребенок, но еще и не взрослый).

Выросший уровень сознания и самосознания позволяет подростку заметить некоторые противоречия действительности, которых не замечает ребенок. Но разрешить и даже до конца понять эти противоречия подросток еще не в состоянии. Его стремление к самостоятельности не имеет ясного направления. Он уже не удовлетворен пассивной ролью опекаемого ребенка, но еще не созрел для ответственных ролей взрослого. Поэтому его тяга к самоутверждению часто принимает агрессивные и стихийные формы. В своем самоутверждении подросток жадно стремится

к какому-то образцу, идеалу, рвется к максимальному проявлению себя и своих качеств. Этот максимализм — нормальное и плодотворное явление.

Но подросток еще не понимает сложности и противоречивости отношения между идеалом и действительностью. Он легко идеализирует окружающих людей и отношения, но быстро в них разочаровывается, как только обнаруживает их неполное соответствие предвзятому и завышенному идеалу. Особенно «достаётся» от этого максимализма родителям. Для ребенка родители являются идеалом, и подросток подходит к ним с той же самой меркой. Когда же оказывается, что родители в чем-то, пусть даже в малом, не отвечают созданному им идеализированному образу, подросток переживает это крайне болезненно, воспринимая чуть ли не как обман.

С этим связан и знаменитый негативизм подростков, свойственный им дух противоречия. Негативизм, как специфическая форма самоутверждения через отрицание, проявляется прежде всего в отношениях со старшими, и особенно с родителями. Определенная переоценка родителей и перестройка отношений с ними в подростковом возрасте неизбежны: ребенок вырос, и это вносит нечто новое в его поведение. Мы уже приводили данные, как меняется с возрастом восприятие фотографий родителей (переход от «расширенного» образа к нормальному или «суженному»). Весьма показателен и следующий эксперимент.

Психолог Прадо отобрал 25 мальчиков от 8 до 11 лет и 25 подростков от 14 до 17 лет, которые последовательно называли наиболее лю-

бимым и уважаемым родителем своего отца. Последнее было нужно, чтобы избежать дополнительного эффекта негативизма, вызываемого возмущением подростка против чрезмерно властного отца. Затем были отобраны лучшие друзья этих мальчиков из числа сверстников. Приведя испытуемого вместе с отцом и лучшим другом в лабораторию, Прадо предлагал ему оценить по 24-балльной системе показатели отца и друга в определенном физическом упражнении, точного результата которого испытуемый не мог видеть, поэтому в его оценке невольно сказывалось известное предпочтение, кто, по его мнению, имеет лучшие шансы. Результаты оказались вполне определенными. 20 из 25 детей оценили достижения своих отцов выше, чем результаты сверстников. Напротив, по мнению 19 из 25 подростков, результаты отцов были ниже, чем результаты друзей. На самом же деле 17 из 25 отцов подростков показали такой же или лучший результат, чем сверстники их сыновей, и только 13 из 25 отцов детей сумели сравняться или обогнать друзей своих сыновей³⁵. Эти данные тем более интересны, что речь идет о подростках, имевших в целом вполне положительную установку к отцу. Однако за оценкой результатов сверстника стоит неосознанная самооценка; соревнование с отцом — проверка собственного возмужания; подростку очень хочется обогнать отца, поэтому он невольно недооценивает его и переоценивает друга.

Наличие негативистских тенденций у подростков демонстрируют и опыты П. М. Якобсона³⁶.

Ранняя юность (16—18 лет) существенно отличается от подросткового возраста и в то же время наследует некоторые его проблемы. С завершением первого этапа полового созревания замедляется процесс роста, прекращается усиленная деятельность щитовидной железы, снижается возбудимость, человек начинает лучше владеть собой. Тело приобретает нормальные пропорции (в отличие от дисгармонии и неуклюжести подростка). Переходный период как некоторый этап физиологического развития завершен. Но социальная зрелость еще не наступила.

Как уже было сказано, началом юности является половое созревание. Это чрезвычайно важный и сложный физиологический и психологический процесс, в ходе которого происходит серьезная перестройка всего организма, появляются новые стремления и новый источник энергии. Однако протекает он по-разному, в зависимости от характера культуры и общества. В обществах со сравнительно простой социальной структурой и отсутствием строгих сексуальных табу, половое созревание подростков протекает безболезненно, они легко и постепенно включаются в систему «взрослых» отношений, которые сами по себе достаточно несложны. Иное дело — современное общество с его сложной социальной структурой и не менее сложной половой моралью.

К сожалению, вопросы социологии и психологии сексуальности, чрезвычайно важные для

понимания развития человеческой личности вообще и юношеского возраста в особенности, совершенно не разработаны в советской литературе, и это заставляет меня, ценой некоторого отвлечения от главной темы, сделать небольшой экскурс в эту область³⁷.

Сексуальная жизнь человека — чрезвычайно сложная и тонкая область. Вероятно, ни в одной другой области мы не говорим так часто о «норме», «отклонениях», «излишествах» и т. п., как здесь. Но что, собственно, значат эти понятия? Во-первых, понятие нормы употребляется в моральном смысле, обозначая такое поведение, которое считается правильным в свете существующей системы нравственности. Во-вторых, мы говорим о норме в статистическом смысле: как в среднем ведут себя люди в данном обществе, когда в среднем начинается половая жизнь, с какой интенсивностью она развивается и т. п. В-третьих, мы говорим о норме в физиологическом смысле, имея в виду оптимальный режим для данного организма. Очевидно, что все эти три значения не совпадают друг с другом.

Моральные нормы соотносятся с определенной системой морали и существенно различаются в разных обществах. В одних обществах половая связь до брака сурово осуждается. В других она совершенно свободна. Даже сама техника брака существенно варьирует от одной культуры к другой. Нет ничего более наивного, чем представление о «естественных нормах» половой морали.

Не менее сложно соотношение статистической и индивидуально-физиологической нормы.

Статистическое среднее складывается из суммы множества отклонений. Например, по данным А. Кинси и его сотрудников, интенсивность половой жизни у большинства мужчин весьма различна³⁸. Индивидуальная же «норма» — связана с особенностями данного организма, регламентировать ее «по среднему» так же нелепо, как вводить одинаковый для всех режим и рацион питания. То, что физиологически нормально для одного человека, будет неприемлемо и вредно для другого. Статистические данные имеют большую научную ценность, показывая некоторые типичные тенденции (допустим, изменение половой активности с возрастом), но они не имеют и не могут иметь значение «обязательных» норм.

Тем более, отсутствует соответствие между статистической и моральной нормами³⁹. Само формирование здоровой сексуальности — сложный и противоречивый процесс; чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать «Исповедь» Руссо или юношеские дневники Чернышевского или Добролюбова — личностей, нравственная ценность которых ни у кого не вызывает сомнений.

Нас, однако, интересует не медико-биологическая, а социально-психологическая сторона дела. Большинство авторов, пишущих по этим вопросам, как за рубежом, так и у нас, констатируют, что в половой морали молодежи происходят определенные перемены. Однако как масштаб этих изменений, так и их значение оцениваются по-разному. Одни авторы считают, что налицо прогрессивный процесс освобождения человеческого сознания от религиозных

табу, открывающий путь к более свободным и разумным сексуальным отношениям. Другие, наоборот, говорят о катастрофическом падении нравов, исчезновении глубоких человеческих чувств, низведении человеческой сексуальности до уровня животных. И те и другие подкрепляют свои утверждения примерами, фактами, статистическими выкладками.

Чтобы избежать бесплодного морализирования, рассмотрим наиболее важные объективные социальные сдвиги, которые сделали традиционные моральные нормы сексуального поведения проблематичными.

Прежде всего, это уже отмеченное мною увеличение разрыва между половым и социальным созреванием.

Значение этого разрыва очень велико. В докапиталистическом обществе браки обычно заключались как только дети достигали половой зрелости (согласно иудейско-христианской традиции, этот возраст произвольно устанавливался в 12 лет для женщин и 13 или 14 лет для мужчин), а то и раньше (детские браки в Индии). Активная половая жизнь здесь начиналась (если не для всех, то для значительной части молодежи) непосредственно в браке. В новое время брачный возраст заметно повысился. Увеличился период, когда подростки или юноши уже имеют сексуальные потребности, но еще не могут — социально и юридически — вступить в брак. Это ставит как общество, так и личность перед целым рядом проблем.

По мнению некоторых сексологов, кульминация сексуальной активности у мужчин достигается уже в 17—19 лет⁴⁰ (у женщин половое

созревание происходит раньше, в среднем на 2 года, но кульминация сексуальной деятельности наступает много позже). Половая энергия ищет соответствующего выхода, рождает в юношеской психике внутреннюю напряженность. Дело не только и не столько в физиологических потребностях, сколько в том, что начало активной половой жизни является для юноши важнейшим доказательством вожденной «взрослости», существенным средством самоутверждения. Именно это, плюс вполне понятное любопытство, которое взрослые лицемерно называют нездоровым любопытством, стимулирует молодых людей к вступлению в добрачные связи. Этот трудный период можно было бы сократить в случае более раннего вступления молодежи в брак. Такая тенденция наблюдается во многих странах, например в США, где в последние годы около 40% девушек выходили замуж 20 лет или моложе, и почти половина из них имела детей, еще не достигнув 20 лет⁴¹. Средний возраст вступающих в брак с 1890 по 1959 г. здесь снизился с 26,1 до 22,3 лет для мужчин и с 22 до 20,2 для женщин⁴². Однако ранний брак затрудняется материальными соображениями и недостаточной общей зрелостью людей этого возраста. Брак, особенно когда появляется ребенок, существенно ограничивает свободу молодых людей, накладывает на них серьезную ответственность. Сильнее всего сказывается это на возможностях женщины, несущей львиную долю домашних обязанностей. Это заставляет молодых людей задумываться. В СССР, где женщина участвует в гораздо более широкой сфере общественных отношений,

получает более широкое образование и т. п., чем в США, тенденции брачного возраста гораздо менее определены. К тому же поспешные ранние браки часто оказываются неудачными.

Второй момент, способствующий изменению половой морали,— это ослабление влияния родительской семьи.

Родители не только не могут решать за выросших детей, но часто даже не в состоянии контролировать их поведение. Это касается и выбора друзей другого пола. Социологические данные показывают, что большинство знакомств, ведущих к браку, заключается вне родительской семьи. В условиях этой выросшей автономии молодежи все большее значение приобретают те нормы и установки в отношении брака и сексуальной жизни вообще, которые складываются в ее собственной среде, согласуются ли они с требованиями старших или нет.

Наконец, существенную роль в подрыве библейского морального кодекса играет эмансипация женщин. Как известно, старая семья была основана на полном подавлении и неравенстве женщин. Моральный кодекс христианства весьма снисходительно относился к «прегрешениям» мужчин и крайне сурово — женщинам. В частности, добрачные половые связи считались вполне естественными для мужчин (по данным анкеты М. А. Членова⁴³, среди студентов Московского университета в начале 1900-х годов 65,6% юношей имели добрачные связи в возрасте от 12 до 23 лет), но совершенно недопустимыми для женщин. Социальная эмансипация женщин не могла не затронуть и сферу половых отношений. Хотя моральные ус-

тановки в отношении сексуального поведения мужчин и женщин и сейчас не совпадают (к женщинам предъявляются большие требования), они заметно сближаются.

Каковы последствия всех этих социальных сдвигов? Действительно ли налицо «либерализация» половой морали и если да, то насколько она значительна и как ее оценивать?

Первое, что бросается в глаза при обобщении социологических данных, это несостоятельность представления о некоей «современной молодежи» вообще. Как и в других сферах жизни, ценностные установки и реальное сексуальное поведение молодых людей чрезвычайно сильно варьирует в зависимости от национальных традиций, социальной принадлежности, семейного воспитания и прочих условий. Более или менее универсальной тенденцией современного общества является растущая эмансипация молодежи из-под власти родителей и более свободное, рациональное, светское отношение к вопросам пола. Но как преломляется эта общая тенденция и порождает ли она болезненные явления, зависит от конкретных условий.

Социологические исследования показывают известную неопределенность норм сексуального поведения. Возьмем, например, проблему добрачных связей. Христианская мораль определенно осуждает подобную практику. Но это осуждение всегда содержало изрядную долю лицемерия, так как моногамия для мужчин была чисто формальной. Теперь положение изменилось. Факты свидетельствуют о более терпимом отношении к добрачным связям. Однако степень этой терпимости не одинакова.

По данным анкеты, проведенной нашим аспирантом С. И. Голодом (500 студентов ленинградских вузов), 52,4% мужчин оправдывают добрачные связи, 15,3% осуждают и 32,3% относятся безразлично. У женщин соответствующие цифры составляют 36,4, 27,6 и 36,0%.

В выборке С. И. Голода добрачные связи имели 88% мужчин и 46% женщин. Возраст начала активной половой жизни распределился так: мужчины до 16 лет — 9%, 16—18 лет — 45%, 19—21 год — 34%, 22—24 года — 11%, старше — 1%; женщины до 16 лет — нет, 16—18 лет — 27%, 19—21 год — 42%, 22—24 года — 30%, старше — 1%.

Эти цифры, несомненно, выражают некоторую статистическую тенденцию, которую нельзя не учитывать, обсуждая проблемы полового воспитания. Но значение их не следует преувеличивать. Во-первых, эти данные не репрезентативны. Половая мораль в большом городе значительно терпимее, чем в деревне. То, что верно в отношении ленинградских студентов, может быть совершенно неверно применительно к другим группам молодежи. Во-вторых, за средними цифрами скрываются важные качественные различия. Нужно быть безнадёжным ханжой, чтобы не видеть разницы между случайными связями с несколькими случайными партнерами и интимными отношениями любящей пары, предваряющими оформление брака. Статистически и то и другое подпадает под влияние добрачной связи, однако социальное и моральное содержание этих отношений разное.

Более раннее половое созревание и, соответственно, раннее начало половой жизни само

по себе не определяет характера этой жизни и ее общественных форм. Здесь многое зависит от системы общественных отношений, в которые включен человек, и его нравственно-психологического настроения. В. И. Ленин недаром, критикуя буржуазную теорию «свободы любви», требовал уточнить, о какой свободе идет речь. Одно дело — свобода от корыстного расчета, родительского запрета или обывательских пересудов. Другое дело — свобода от серьезности в любви, от ответственности за свое сексуальное поведение, от глубокого чувства вообще.

Буржуазные авторы, описывающие так называемую «сексуальную революцию XX в.», часто смешивают эти два аспекта, выдавая нравственную дезорганизацию капиталистического общества за нечто всеобщее, универсальное. Но для этого нет никаких оснований. Разрушение моногамии, основанной на частной собственности, и трудности, связанные с рождением новой половой морали, никоим образом не означают отказа от гуманистических принципов в отношениях между полами вообще. Наряду с фактами явной половой распущенности, обусловленной крушением старых моральных норм, социологические исследования на Западе показывают, что в сознании молодежи живет идеал яркой романтической любви, в свете которого низшие, лишенные индивидуальной окраски формы половой близости (случайные связи, связи с проститутками и т. п.) воспринимаются как неудовлетворительные. Тем более следует сказать это о советской молодежи, растущей в атмосфере гуманизма и уважения к человеку. Из 500 брачных пар, заполнивших анкету

А. Г. Харчева, 76,2% считали главным условием прочного и счастливого брака любовь или любовь вместе с общностью взглядов, доверием, искренностью, дружбой и т. д., 13,2% — равноправие и уважение, 4% — любовь и жилплощадь, 1,6% — любовь и материальные блага, 0,6% — наличие детей, 0,2% — «реальные взгляды на жизнь», остальные 4,2% не дали никакого ответа⁴⁴. Любовь представляет собой для большинства молодых людей высший критерий как брака, так и сексуальной жизни вообще.

Но может быть это — всего лишь пережиток патриархальных нравов, обреченный отмереть по мере дальнейшего роста цивилизации? Это не риторический вопрос. Его всерьез задают некоторые американские авторы. Тенденции развития современной половой морали невозможно оценить, не рассмотрев, хотя бы кратко, проблему соотношения человеческой сексуальности и романтической любви.

В обыденном сознании, да и в науке, разграничивают элементарное половое влечение (секс) и индивидуальную половую любовь (иначе ее называют романтической любовью). Разграничение это правомерно. Сексуальность как биологическое явление составляет необходимое, но далеко не достаточное условие индивидуальной любви. Однако в западной культурной традиции, начиная с христианства, любовь и секс не просто разграничиваются, но и противопоставляются друг другу. Существуют даже два различных термина для обозначения любви: греческое «эрос» выражает стремление к обладанию объектом, удовлетворению своей потребности в нем; библейское «агапе» выражает

стремление служить объекту, раствориться в нем, выйти за рамки собственного Я. Выросшее на базе христианства моральное сознание оторвало половую любовь от ее психофизиологической основы. В отличие от полнокровных, человеческих образов художественной литературы, «истинная любовь» в понимании моралистов предельно дематериализована, превращена в возвышенный, но крайне абстрактный идеал. У одних «истинная любовь» характеризуется прежде всего необычайной интенсивностью, у других — длительностью («вечная любовь»), у третьих — альтруизмом, у четвертых — тайнственностью. Все, что не подходит под данную модель, — а чувства людей неизбежно различны и по своей интенсивности, и по своей устойчивости, и по другим показателям, — пренебрежительно третируется, как «низменное», «ненастоящее» и т. п.

Романтический идеал любви глубоко пропитал общественное сознание, он и поныне остается главным критерием нравственных оценок в сфере сексуального поведения. Однако его социально-психологическое значение внутренне противоречиво. С одной стороны, идеал «высокой любви» стимулирует нравственное совершенствование личности, порождает у нее стремление к высшим формам подлинно человеческого общения. Маркс недаром писал, что развитие индивидуальной половой любви — мерило того, насколько «естественное поведение человека стало *человеческим*», «в какой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии, является вместе с тем общественным существом»⁴⁵. С другой стороны, абсолютизация черт «иде-

альной любви», при игнорировании многообразия ее реальных форм, порождает опасный разрыв идеала и действительности. Сопоставляя собственный опыт с ригористическим идеалом, индивид не всегда улавливает их внутреннюю связь. Отсюда болезненное разочарование в себе, ощущение собственной неполноценности (так как его чувства оказываются «не на уровне» идеала), либо не менее болезненное разочарование в идеале («никакой любви вообще не бывает, есть только физиологическое влечение»).

Многие буржуазные авторы прямо объясняют романтическую любовь наивной и вредной иллюзией, которая возникает вследствие социального торможения полового влечения и «сексуальной переоценки объекта». Практически это означает, что любые формы сексуальности должны быть признаны равноценными, а моральные нормы, регулирующие отношения полов, — произвольными.

Однако эта точка зрения несостоятельна. Как в истории человечества индивидуальная половая любовь явилась результатом длительного социального развития и примитивизация ее была бы шагом назад, так и у отдельного индивида она созревает наряду с другими его личностными качествами. «Любовь не может быть выращена просто из недр простого зоологического полового влечения. Силы «любовной» любви могут быть найдены только в опыте неполовой человеческой симпатии. Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой непо-

ловой любви, тем благороднее будет и любовь половая»⁴⁶, — писал А. С. Макаренко.

В процессе полового созревания у подростка появляются (и постепенно осознаются как таковые) определенные эротические потребности. Но чувства подростка как бы раздвоены. Его эротическая потребность и потребность в духовной близости с другим человеком еще не слиты в одно: первая направлена на существо другого пола, вторая фиксируется обычно на сверстнике собственного пола, с которым подростка сближают общие переживания (в том числе и сексуальные); недаром юношеская дружба отличается такой высокой степенью интенсивности и эмоциональности. Представления подростка о любви, предвосхищающие действительный опыт, тоже противоречивы. С одной стороны, он мечтает о возвышенной, чистой любви, с которой не ассоциируется ничто низменное, мелкое. С другой стороны, телесная, физическая сторона любви, секс, представления о которой почерпнуты большей частью из пошлых анекдотов и «подкреплены» опытом мастурбации, кажется хотя и заманчивой, но грязноватой. Недостаточно квалифицированные лекции и беседы на моральные темы, которые не показывают процесса очеловечения полового чувства, а ограничиваются констатацией того, что, «с одной стороны», есть половое влечение, а с другой стороны — романтическая любовь, только закрепляют этот дуализм, в свете которого любовь оказывается лишь красивой иллюзией, морально-психологической надстройкой над низменным по сути своей биологическим влечением. Эти рассуждения, в сущности, пред-

ставляют собой всего лишь вариацию на старую тему о «божественной любви» и «плотском грехе». Между тем суть (и основная трудность) сексуального созревания личности состоит именно в преодолении (психологическом и практическом) этого дуализма.

Психофизиологическая (а не только моральная!) реальность, посюсторонность индивидуальной любви, с ее напряженностью, яркостью и драматизмом, доказывается не морализирующими фразами, а строгим научным анализом самой физической стороны любви.

В этой области многое еще не ясно. Сексология как наука возникла только в XX в. и многие разделы ее пока что носят описательный характер. Велики и трудности теоретического порядка. Но одно представляется бесспорным: степень удовлетворенности, получаемой субъектом в процессе его сексуальной деятельности, находится в прямой зависимости от степени его эмоциональной вовлеченности, глубины и яркости его собственного чувства. «Любовь и секс не одно и то же, но вопреки утверждениям некоторых психологов ...не может быть секса без любви. Сексуальный контакт будет переживаться как приятный в той степени, в какой в нем присутствует любовь или нежные чувства»⁴⁷, — пишет А. Лоуен в «Энциклопедии сексуального поведения».

Половая любовь, пишет американский ученый Э. Эриксон, это «совместные поиски разделенной идентичности, совместной проверки себя путем обнаружения себя, растворившись в другом»⁴⁸. «Зрелая генитальность» включает в себя, по Эриксону, «1) совместность оргазма,

2) с любимым партнером, 3) другого пола, 4) с которым человек может и хочет делить взаимное доверие, 5) с которым он способен и хочет регулировать циклы: а) труда, б) продолжения рода, в) отдыха, 6) с тем, чтобы обеспечить потомству также все стадии благоприятного развития»⁴⁹.

Таким образом, не только социальная зрелость личности предполагает зрелость половую и соответствующую сексуальную адаптацию, но верно и обратное: зрелая сексуальность предполагает зрелость социально-психологическую, к которой человек приходит не сразу, а в итоге длительного развития и взаимодействия с другими людьми.

Разумеется, здесь нет полного соответствия. Развитие человеческой личности противоречиво и полно диспропорций. Эриксон не даром называет свою схему утопией, подчеркивая трудность ее реализации. Дело не только в том, что стадии сексуального и социального развития могут отставать друг от друга во времени. Нередко человек, искалеченный неправильным воспитанием, оказывается вообще неспособным к глубокой и всеобъемлющей любви, и эта сторона его жизни поневоле ограничивается менее совершенными формами, что, однако, не мешает ему быть полезным членом общества и добиваться выдающихся успехов в избранной сфере. Равным образом «талант любви» (не физиологическая потенция, а именно способность к большому и яркому чувству) иногда бывает единственным и исключительным даром, подчиняя себе все прочие свойства индивида. Мы ничего не знаем о широте общественно-политиче-

ских горизонтов Джульетты, но эта 14-летняя девочка символизирует для нас всю красоту романтической любви. Люди — разные, их нельзя равнять под один ранжир и травить за дисгармоничность, жертвами которой они сами, не сознавая того, являются. Но стремиться к гармонии необходимо, и это стремление старшие передают младшим.

ЮНОСТЬ И ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Юноша во многих отношениях уже является взрослым. Расширяется круг и изменяется характер его деятельности и выполняемых им ролей. Хотя ведущей деятельностью старшего школьника остается учеба, ее мотивы существенно меняются, приближаясь к мотивам трудовой деятельности взрослого. Так, по данным Л. И. Божович и ее сотрудников⁵⁰, первый этап школьного обучения (I—II классы) характеризуется стремлением школьника к учению как к социально-значимой деятельности, которая вводит его в мир новых отношений, само содержание учебы еще не осознается. На втором этапе (III—VII классы) учеба является для школьника прежде всего средством завоевать определенное место в коллективе сверстников, заслужить репутацию хорошего ученика.

Наконец, на третьем, завершающем этапе (старшие классы) ведущим мотивом учения становится ближайшее будущее, получение знаний для будущей профессии. Юноши уже серьезно задумываются о выборе специальности и жизненного пути. Все большее значение приобретают и непосредственно трудовые мотивы,

либо как дополнение учебной деятельности (производственное обучение в школе), либо как главный вид деятельности (у рабочей молодежи).

Быстро расширяется и круг общественно-политических ролей и обязанностей: в 14 лет подросток вступает в комсомол, в 16 — получает паспорт, в 18 — избирательное право. Расширяются мировоззренческие горизонты личности. 16—18-летние юноши уже не просто следят за текущими событиями, но рассматривают общественно-политические процессы, происходящие в мире, как часть своей собственной жизни. Их живо волнуют и успехи коммунистического строительства в нашей стране, и то, что происходит за рубежом. Они хотят быть не просто очевидцами, но активными участниками исторических событий. Юноша обнаруживает гораздо большую зрелость и самостоятельность в своих оценках и самооценках, нежели подросток. Он уже четко формулирует обобщенные критерии моральных и иных оценок, выясняя связь данного частного случая или поступка с общими чертами личности.

Это сказывается и на характере самосознания: в юношеских самохарактеристиках ясно прослеживается осознание себя как субъекта общественной деятельности в коллективе. При этом, как отмечает А. Л. Шнирман, «у старших школьников более общие формы самосознания развиваются не после более частных его форм, а одновременно с ними или даже опережая их»⁵¹. Воспитываясь в общей морально-политической атмосфере советского общества, юноша не только ставит свою честь как гражданина

выше интересов частного первичного коллектива, но и осознает одно независимо от другого. Это очень важный момент. Если ребенок осознает общее только через доступные ему единичные отношения, то юноша уже способен мыслить широкими общественными категориями.

Самосознание и жизненные цели молодежи четко отражают идеологию и ценностные ориентации окружающего общества. Известные американские социальные психологи М. и К. Шерифы пишут, резюмируя результаты большого исследования: «Ценности и стремления, свойственные молодежи во всех сферах, отражают образ индивидуального успеха в Америке, каким он вырисовывается в магическом мире телевидения, фильмов, газет, журналов и популярных книг. Ингредиентами этого образа являются удобные жилища, машины, красивые платья, свободные деньги, досуг и развлечения. Независимо от своих нынешних условий (среди обследованных были и бедняки.— *И. К.*), большинство молодежи более разборчиво и более точно, вплоть до мельчайших деталей, представляет сорт автомобилей, которые они хотят иметь сейчас и в будущем, нежели выбор своего жизненного дела»⁵². Эта установка, рожденная действительностью буржуазного общества и соответствующим стилем воспитания, резко контрастирует с духовным обликом советской молодежи.

Многочисленные социологические исследования и опросы, проводившиеся в последние годы, убедительно подтверждают факт высокой идейной целеустремленности советской моло-

дежи и ее уверенности в собственном будущем⁵³. И, что не менее важно, за исключением ничтожного меньшинства, цели, которые ставит перед собой молодежь, не являются узкоэгоистическими; смысл жизни усматривается в труде для людей, в решении неразрешенных задач, в создании новых, высших форм человеческих отношений.

Жизнерадостность, бодрость и оптимизм советской молодежи не означают, что жизнь ее бесконфликтна и противоречия ее развития — только идиллическая «борьба между хорошим и еще лучшим». У нее немало сложных проблем, в том числе и таких, которые далеко не покрываются привычной формулой о пережитках капитализма в сознании людей.

Ребенок более или менее пассивно усваивает даваемые ему роли. Положение юноши гораздо сложнее. Его сфера общения, познания и деятельности расширяется, он осознает свою принадлежность уже не только к семье и какому-то конкретному коллективу, но сталкивается с широким кругом общественных отношений. Юноша обнаруживает, что люди думают и ведут себя по-разному, что даже их идеалы далеко не одинаковы. Это побуждает его критически оценивать и переоценивать и себя самого и все окружающее. Юноша страстно жаждет «найти себя», «стать самим собой». Но что значит «найти себя»? В каком-то смысле человек всегда является самим собой и просто физически не может стать кем-то другим. Тем не менее, эти «поиски себя» не бессмысленны. Речь идет о раскрытии своих реальных, но до сих пор невыявленных возможностей. Найти себя — зна-

чит найти свое место в жизни, выбрать из громадного множества возможностей и форм деятельности те, которые максимально соответствовали бы твоей индивидуальности.

В современном обществе это довольно сложно. Сложно именно потому, что оно предоставляет гораздо бóльшую свободу выбора, чем общество, скажем, феодального типа. Там жизненный путь человека в своих основных чертах заранее предопределен существующей социальной структурой и традицией. В профессиональной сфере юноша, как правило, наследует занятия своих родителей. Его социальные стремления ограничены рамками сословной принадлежности. Невесту ему выбирают родители, часто задолго до его возмужания и совершенно независимо от его личных склонностей и симпатий. Вырваться из этой социальной скованности и даже осознать ее как таковую мог только человек выдающийся.

Современное общество несравненно более мобильно. Пределы, в которых индивид имеет возможность выбора, значительно расширились. Это касается и выбора профессии, и выбора жены, и выбора образа жизни. И, что не менее важно, психологические горизонты человека в век книгопечатания и массовых коммуникаций уже не ограничены рамками его непосредственного окружения. Его стремления, к добру ли, к худу ли для него, могут существенно выходить за пределы его фактических материальных и социальных возможностей.

Все это, несомненно, прогрессивно. Большая свобода выбора, меньшая социальная скованность способствуют формированию более гиб-

кого социального характера, обеспечивают большее разнообразие индивидуальных вариаций. Но оборотной стороной этого прогресса является психологическая трудность процесса идентификации. Очень велик выбор возможных путей, и решать должен сам человек. Но только практически, в ходе самой деятельности выяснится, подходит она человеку или нет. Если я никогда не пробовал рисовать, откуда узнаю я, есть ли у меня талант художника? А ведь все формы деятельности испробовать невозможно. У человека могут быть задатки многих способностей и дарований. Например, Р. Вагнер обладал одновременно музыкальным и литературным талантами, Пушкин и Шевченко, помимо поэтического дара, были незаурядными художниками, композитор Бородин был крупным химиком. Как же выбирать? Даже многие талантливые люди не сразу «находили себя». Так, из тысячи выдающихся американцев меняли свою профессию 16 %, в том числе 37 % — более одного раза, а 20 % — свыше двух раз⁵⁴.

К тому же самоопределение есть одновременно и самоограничение. Школьник в профессиональном отношении еще никто, «чистая потенция». Он может быть и слесарем, и врачом, и космонавтом. Выбор специальности делает человека чем-то определенным, он получает определенную сферу деятельности, в которой предметно реализуются его силы и способности. Но это означает вместе с тем отказ от многих других видов деятельности. И, хотя это совершенно в порядке вещей, сделать этот ответственный и самоограничивающий выбор отнюдь не просто.

Юность — это период своего рода «ролевого моратория», когда человек может «примерять» различные социальные роли, не выбирая еще окончательно. Юноша во всех сферах жизни стоит перед выбором. Он должен выбрать себе род трудовой деятельности. Он должен выбрать себе спутницу жизни. Он должен определить свой нравственный идеал, выработать определенный образ жизни и т. д. и т. п. Разумеется, все это он делает не один. Его реальный выбор, да и сами его стремления, сознает он это или нет, в огромной степени определяются предшествующим воспитанием и влиянием окружающих людей, социальной средой. И тем не менее, этот выбор труден, он неизбежно рождает раздумья, сомнения и колебания, столь характерные для юношеского возраста. Не случайно именно в этом возрасте с особой остротой ставится вопрос о смысле жизни. Юноша жадно ищет формулу, которая бы позволила ему разом осмыслить и собственное существование, и перспективы развития общества. Но где взять такую формулу?

В ПОИСКАХ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Марксистско-ленинская философия и этика формулируют объективный критерий оценки жизни и деятельности индивида с точки зрения общественных интересов. Социальная ценность человека определяется тем, насколько его деятельность способствует прогрессу всего общества. Поскольку человек — существо общественное, его личное счастье тоже зависит от этой деятельности. Чем больше человек дает людям, тем богаче он сам как личность. Этот общий

ответ очень важен, он дает, так сказать, общую мировоззренческую установку. Но из этого общего принципа нельзя логически вывести норму индивидуального поведения. Между тем, задавая вопрос о смысле жизни, человек думает не только о содержании общественного развития как такового, но и о конкретном содержании собственной жизни. Осмысливая собственную жизнь, человек ищет ответа не только на вопрос об объективном, общественном значении своей деятельности, но и о ее субъективном смысле, о том, что значит эта деятельность для него самого, насколько соответствует она его индивидуальности. Если взять сферу трудовой деятельности (которая, разумеется, далеко не исчерпывает человеческой жизни), то речь идет не столько о профессии, сколько о призвании.

Каково мое место в общей борьбе, в какой именно деятельности в наибольшей степени раскроются мои индивидуальные способности? На этот вопрос нет и не может быть общего ответа, его нужно выстрадать самому, к нему можно прийти только практическим путем, ибо общественно полезная деятельность многообразна, и заранее, не зная человека, нельзя сказать, где он принесет наибольшую пользу. Да и жизнь человека слишком многогранна, чтобы можно было исчерпать ее каким-то одним видом деятельности, как бы он ни был важен. Мало, чтобы деятельность была общественно полезна; нужно, чтобы она удовлетворяла самого человека, чтобы она соответствовала, пусть не полностью, но в главных чертах, его личному идеалу. Между тем вопрос о смысле жизни, в той мере, в какой он является рефлексией личности на

самое себя, есть психологический симптом определенной неудовлетворенности. Когда человек целиком поглощен каким-то делом, он обычно не спрашивает себя, имеет ли это дело смысл. Такой вопрос просто не возникает. Рефлексия, критическая переоценка ценностей, наиболее общим выражением которой и является вопрос о смысле жизни, психологически, как правило, связана с какой-то паузой, вакуумом в деятельности или в отношениях с другими людьми. И именно потому, что проблема эта по самой сути своей практическая, удовлетворительный ответ на нее может дать только деятельность.

Сказанное не означает, конечно, что рефлексия, самосознание — это какое-то «излишество» человеческой психики, функция конфликтной ситуации, от которой нужно, по возможности, избавляться. Отнюдь нет! Такая точка зрения при последовательном ее развитии привела бы к воспеванию животного по своей сути образа жизни: счастье в том, чтобы полностью раствориться в деятельности, не задумываясь о смысле самой деятельности. Способность отличать себя как деятеля от процесса и продуктов своей деятельности — одна из главных особенностей человека. Без этого нет ни свободы, ни человеческой индивидуальности. Критически оценивая свой жизненный путь и свои отношения с окружающим миром, личность возвышается над непосредственно данными условиями, осуществляет сознательный выбор социальных ролей. И выбор этот состоит не только (и даже не столько) в том, *кем* быть в рамках существующего разделения труда, сколько в

том, *каким* быть. Не случайно проблема идентификации осмысливается и переживается юношей прежде всего как моральная проблема.

Но юношеское отношение к миру еще весьма субъективно. Юноша не имеет таких глубоких и многочисленных корней, которые связывают с окружающим миром взрослого человека. Его сознательные связи с миром только налаживаются. Поэтому он часто не осознает своей зависимости от окружающих или воспринимает ее как некую досадную помеху собственной свободе; нередко он пытается «найти себя» не в практической трудовой деятельности, а путем углубленного самоанализа. В определенных дозах такого рода критический самоанализ необходим и полезен. Но возможности его весьма ограничены. Человек может объективно судить о себе только по результатам своей деятельности. Я преодолел определенные трудности, следовательно, у меня есть сила воли. Я проявил мужество в опасной ситуации — значит, я не трус. Практическая деятельность одновременно и проверяет качества личности и формирует их (подобно тому, как физические упражнения показывают сегодняшний предел ваших физических возможностей и одновременно расширяют их). Попытка же определить свои возможности помимо повседневной деятельности порождает совершенно иллюзорные представления, это удел слабых и неприспособленных людей.

Юноша, с его ограниченным жизненным опытом, фактически не знает сам себя. Его самоанализ чаще всего сводится к сопоставлению присущего ему идеала с какими-то чертами своего реального Я, как он их себе пред-

ставляет. Но его идеальное Я, возникшее на основе предшествующего воспитания, еще критически не выверено, а представления о реальном Я часто смутны и иллюзорны. Отсюда — крайняя неустойчивость юношеской самооценки и ее внутренняя противоречивость. Известно, как часто уживаются в этом возрасте внешняя самоуверенность и даже агрессивность с внутренней неуверенностью в себе и чувством своей неполноценности.

Эта противоречивость юношеского самосознания выражена в характерных стихах одного школьника:

В нас столько всякого напихано,
О нас такое понаписано,
В нас столько всякого наносного,
В нас столько всякого ненужного,
В нас столько всякого наружного,
В нас столько всякого нарочного,
В нас столько всякого хорошего...
А люди ходят и не верят нам...
Они большие и сухие,
Они гуляют, как по берегу,
Вокруг бушующей стихии,
В нас все неведомо и утренне,
И все уносит и приносит...
Весной бывают реки мутными,
Чтоб стать прозрачными под осень.

Для юношеской психологии больше всего характерен порыв, выраженный последовательно в моторных (двигательных) реакциях, аффективных состояниях и интеллектуальных стремлениях. Пожилые люди, говоря о времени, обычно выбирают метафоры, подчеркивающие скорость: бегущий вор, скачущий всадник и т. п. У юношей, напротив, преобладают статические образы: дорога, ведущая в гору, спокойный

океан, Гибралтарская скала⁵⁵. Это понятно: у молодых много времени впереди, как бы ни бежало оно, им кажется, что жизнь идет слишком медленно.

Как замечает автор лучшей советской книги по юношеской психологии В. Е. Смирнов⁵⁶, реальные объекты юношеского порыва изменяются. Сначала (у подростка) этот порыв носит характер смутного влечения, без ясно очерченной цели. Подросток испытывает безграничность желаний, смутную неудовлетворенность всем существующим миром, который он хотел бы изменить, но как именно и даже в каком направлении — он сам не знает. Эта «глобальная» неудовлетворенность действительностью («мировая скорбь») рождает своеобразный мир юношеской мечты. В сознании ребенка еще нет резкой грани между вымыслом и действительностью. У подростка, сталкивающегося с ограниченностью своих возможностей, эта грань появляется, и очень четко. Но реализовать свои стремления в деятельности он еще не умеет, да и сами стремления еще не выкристаллизовались. Отсюда — распространенное в 14—16 лет переживание действительности как препятствия, как границы собственного Я, которое сосредоточивается теперь прежде всего в мечте.

Именно в мечте осуществляется первая внутренняя дифференциация объекта юношеского порыва как стремления к любви, нравственному подвигу или общественной деятельности. Юношеская мечта — важнейший механизм формирования ценностных ориентаций личности. Она создает многочисленные «проективные ситуации», в которых человек вырабатывает свое

отношение к самым различным жизненным фактам и явлениям. Лишь на этой основе происходит дифференциация внешних объектов, т. е. возникает призвание к определенному виду труда, любовь к конкретной девушке (а не к образу женственности вообще), складывается определенный стиль жизни и поведения.

ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Романтизм и стремление к идеальному делает молодежь особенно отзывчивой на любые начинания, требующие напряжения сил, подвига, героизма. Это создает благоприятные возможности для воспитания высоких нравственных идеалов, непримиримости к злу, самоотверженности и смелости. Но эта медаль тоже имеет обратную сторону. Во-первых, стремление к необычному, яркому может пойти и по социально вредным каналам (озорство, хулиганство, как средство продемонстрировать свою «смелость» и «оригинальность»). Во-вторых, юношеский максимализм, завышенность оценок и притязаний часто мешает правильному, трезвому пониманию действительности. Юноша иногда долго не может освободиться от подростковой односторонности, нетерпимости, категоричности. В свете завышенного, нереалистического идеала любая действительность может казаться мрачной, и это не только не стимулирует деятельности, но даже подавляет ее, рождая настроение пессимизма, отчаяния, безысходности.

Это весьма серьезная проблема. Речь идет об отношении не только к отдельным людям, но и к жизни вообще.

Юноша, только вступающий в жизнь, еще не сознает себя хозяином общественных отношений, да, по правде, он и не является еще таковым. Чтобы стать подлинным хозяином жизни, нужно сначала научиться жить, работать, найти соответствующий вид деятельности, т. е., иначе говоря, стать взрослым. Поэтому его социальная активность нередко принимает прежде всего форму социальной критики: рассматривая общественные отношения как бы со стороны и забывая, что сам он тоже продукт этого общества, юноша склонен фиксировать внимание главным образом на том, что его не удовлетворяет, что не соответствует его идеалу.

Сама по себе эта неудовлетворенность действительностью вполне естественна и исторически оправданна, она является предпосылкой творческой преобразовательной деятельности. Если бы какое-то поколение вдруг оказалось полностью удовлетворенным унаследованными условиями жизни, это означало бы конец развития, конец прогресса. Но беда в том, что эта юношеская неудовлетворенность жизнью очень часто имеет, во всяком случае, на первых порах, весьма абстрактный и субъективный характер, здесь нередко проявляется тот же негативизм, что и в личных отношениях со старшими, с родителями. Максимализм в требованиях и оценках мешает трезвому пониманию социальных проблем.

Юноша рассматривает жизнь с точки зрения сложившегося у него общественно-политического и нравственного идеала, и когда он обнаруживает несоответствие идеала и действительности, ему кажется, что как его идеал, так и его

собственная личность не признаны миром. Но любые человеческие идеалы сами являются продуктом общественного развития. Идеалы передовых общественных классов выражают прогрессивную тенденцию развития общества, и именно поэтому они играют такую большую историческую роль. Но за реализацию таких идеалов нужно бороться, работать, действовать совместно с другими людьми, а не предаваться маниловским мечтам или романтическим настроениям «мировой скорби». Т. е. эта проблема, как и проблема индивидуального самопознания, решается не созерцанием, а деятельностью.

Пока человек не нашел себя в практической деятельности, она может казаться ему мелкой и незначительной. Это психологическое состояние формирующейся личности очень хорошо описал Гегель: «До сих пор занятый только общими предметами и работая только для себя, юноша, превращающийся теперь в мужа, должен, вступая в практическую жизнь, стать деятельным для других и заняться мелочами. И хотя это совершенно в порядке вещей, — ибо, если необходимо действовать, то неизбежно перейти и к *частностям*, — однако для человека начало занятия этими частностями может быть все-таки весьма тягостным, и невозможность непосредственного осуществления его идеалов может ввергнуть его в ипохондрию. Этой ипохондрии, сколь бы незначительной ни была она у многих, едва ли кому-либо удавалось избежать. Чем позднее она овладевает человеком, тем тяжелее бывают ее симптомы. У слабых натур она может тянуться всю жизнь. В этом болезненном состоянии человек не хочет отказаться от своей субъ-

ективности, не может преодолеть своего отворачивания к действительности и именно потому находится в состоянии относительной неспособности, которая легко может превратиться в действительную неспособность»⁵⁷.

Разрешение этого противоречия идеала и действительности очень важно, именно здесь раскрывается подлинная суть человеческого характера. Один человек, убедившись, что жизнь сложнее газетной передовой, что наряду с хорошими людьми в ней подчас преуспевают жулики, карьеристы, мерзавцы, спешит отказаться от прежних идеалов. Это типичное поведение приспособленца. Другой, напротив, внутренне верен своему идеалу, но не находит средств для его реализации; по-детски отвергая «мир в целом», он не видит способов его улучшения, пытается замкнуться в одиночестве собственного Я. Как ни различны эти установки психологически, их практический результат один и тот же — отказ от борьбы, капитуляция. Но жизнь нельзя ни «отвергать», ни «принимать» целиком. Ибо она противоречива, в ней всегда идет борьба старого и нового, и каждый, хочет он того или нет, участвует в этой борьбе. Сильный человек не уклоняется от борьбы, и трезвое отношение к действительности не означает приспособленчества. Идеалы, освобожденные от элементов плюзорности, свойственной созерцательной юности, становятся у него ориентиром в практической деятельности. «Что в этих идеалах есть *истинного*, сохраняется в практической деятельности; только от неистинного, от пустых абстракций должен отделаться человек»⁵⁸.

Усиленный интерес к собственному Я, своеобразный эгоцентризм, вызывающий у очень многих молодых людей чувство одиночества и непонятости, вовсе не означает в подавляющем большинстве случаев действительной самоизоляции. Напротив, ни на каком другом этапе человеческой жизни роль коллектива сверстников не бывает так велика, как в юности. И это вполне понятно. Юноша впервые обретает известную автономию от семьи и родителей и ревниво охраняет эту свою «свободу». Но внутренне он еще слаб и несамостоятелен. Только в обществе сверстников он чувствует себя свободно, только в общении с ними он может осознать собственную индивидуальность.

Прежде всего чрезвычайно возрастает значение и расширяются функции дружбы. В IV классе некоторые ребята еще не различают понятий «товарищ» и «друг»; в VI и VII классах такого смещения уже нет; подростки лучше осознают свои отношения друг к другу, чувство дружбы связывается у них с близостью, глубокой общностью значимых переживаний⁵⁹. Еще больше значение дружбы в юности. Друг становится в буквальном смысле alter ego (другим Я), а потребность в дружбе в ранней юности переживается даже сильнее, чем потребность в любви (которую она отчасти включает в себя). В откровенных беседах с друзьями формируется мировоззрение и нравственные убеждения, проясняются личные жизненные перспективы (самоопределение), осознаются ранее смутные особенности собственной личности (самопознание), совершенствуется самоконтроль (самовоспитание)⁶⁰. Между друзьями не может быть никаких

тайн, их связывает не только понимание, но и чувство.

Мнение друзей становится часто более важным и авторитетным, чем мнение родителей или воспитателей. Так, в одном психологическом исследовании на вопрос: «Чувствовали ли вы когда-нибудь, что вам легче обсуждать вопросы с друзьями, чем с родителями?» «да» ответили 61% мальчиков 11—13 лет, 90% подростков 15—18 лет и 76% мужчин 20—24 лет. У женщин соответствующие цифры составляли — 55, 93 и 72. На вопрос: «Чувствовали ли вы когда-нибудь, что ваши родители понимают вас не так хорошо, как ваши друзья?» положительные ответы составили по трем возрастным группам соответственно: у мужчин — 59, 88 и 77%, у женщин — 54, 89 и 74%⁶¹. Таким образом, именно в 15—18 лет близость с друзьями-сверстниками оказывается наибольшей, а с родителями — наименьшей. Отчасти здесь сказывается тяга к самостоятельности, отчасти — неумение родителей (к сожалению, типичное) отойти от авторитарных методов воспитания, вызывающих у подростка чувство протеста (недаром у взрослых детей степень взаимопонимания с родителями снова увеличивается). Но как бы то ни было, сама тенденция сомнений не вызывает.

Формирующаяся личность ищет опору не только в дружбе, но и в слиянии с более широким коллективом товарищей-сверстников. Эта потребность в постоянном общении с другими появляется уже у подростка. Но подросток в большинстве случаев не осознает этого стремления, он просто деятельно «коллективен». Юноша, напротив, выделяет себя из коллектива

и в то же время стремится как можно полнее слиться с ним. «Когда сближаешься с коллективом, тебе все дорого в нем: и хорошее, и плохое. Ты себя чувствуешь как молекула в теле: и сам двигаешься, и вместе с этим телом двигаешься» (из сочинения ученика IX класса). В оценке личности сверстника старшеклассником на первый план выступает его отношение к коллективу. С другой стороны, в оценке коллектива решающее значение придается его сплоченности. Причем уровень требований в этом отношении исключительно высокий.

Юношеский коллективизм создает благоприятную психологическую базу для деятельности комсомола и других молодежных организаций, призванных воспитывать и сплачивать молодежь под руководством партии. Но это далеко не автоматический процесс. Свойственная юности тяга к коллективности не предопределяет сама по себе идейную направленность этой коллективности. Коллективность, товарищество часто выступают в глазах молодежи как некая самоцель, а подчеркнутая «независимость» от старших сочетается с жестким конформизмом внутри самих юношеских групп, где действует принцип: «Быть таким, как все». Очень часто не только для подростка, но и для юноши фраза: «Все ребята (девушки) так поступают» — не только оправдывает и обосновывает тот или иной поступок, но и перевешивает любые аргументы морального или логического порядка. Нередко это распространяется не только на моды, где действительно поведение большинства является главным эталоном, но и на более сложные сферы жизни, требующие самостоятельных

решений. Быть популярным среди сверстников, заслужить их одобрение — один из важнейших мотивов юношеского поведения. Советские старшеклассники в принципе правильно оценивают «ранг» тех или иных социальных ролей и ставят свои гражданские обязанности, вытекающие из принадлежности к народу, обществу, выше, чем обязанности, связанные с принадлежностью к конкретному коллективу (класс, школа). Однако это осознание иногда остается абстрактным, и в практическом поведении, особенно конфликтном, групповые интересы нередко довлеют над общими.

Мы нередко сталкиваемся с фактами так называемого «ложного товарищества», когда основным, а то и единственным критерием оценки коллектива становится безоговорочная поддержка товарищей, независимо от характера их деятельности. Вероятно, такая безоговорочная идентификация с коллективом и полное подчинение ему естественны как определенная стадия социализации, необходимая для выработки соответствующей дисциплины и т. п. Но тем опаснее, если этот первичный коллектив основывается на ложных принципах. Тогда динамизм юности становится опасной разрушительной силой. Тяга к принципиальности превращается в крайнюю нетерпимость, даже жестокость, а стремление к подвигу вырождается в культ «сверхчеловека». «Чуткость — это свойство слабых и слабовольных людей. А серьезный, деловой и мужественный человек должен быть не чутким, а прямым, холодным, грубоватым и резким!», «Вежливость, приветливость, мягкость? Это угодники и подхалимы так себя

ведут!»⁶². Эти высказывания взяты из сочинений советских старшеклассников, которых никто этому, разумеется, не учил. В них выражается превратно истолкованное стремление к мужественности и силе. Это стремление может стать основой для создания четкой системы дисциплины и ответственности, для выработки здорового коллективного ритма. Прекрасные образцы такого ритма создал у себя в колонии А. С. Макаренко. Но то же самое стремление, если не дать ему правильного направления, может вылиться в организации антиобщественного толка; на этих особенностях юношеского мировосприятия не без успеха играли и играют на Западе фашистские организации, облачающие в «романтические» оболочки свою человеконенавистническую программу.

Отсюда — сложность задачи воспитателя юношества. С одной стороны, воспитатель должен избегать чрезмерной и мелочной опеки, которая лишь вызывает негативизм либо снижает юношескую инициативу, с другой стороны, он не может пустить дело на самотек. Кстати, это касается не только школы, но и молодежных организаций. В. И. Ленин подчеркивал, что «за организационную самостоятельность союза молодежи мы должны стоять безусловно и не только вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм *вперед*»⁶³. И одновременно Ленин говорил о необходимости постоянного партийного руководства молодежью, принци-

пиальной критики ее ошибок, «стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно *убеждения*, а не борьбы»; «льстить молодежи мы не должны»⁶⁴.

Воспитатель должен ясно понимать, что основным механизмом формирования личности подростка и юноши является первичный коллектив сверстников, и обеспечить надлежащий «коллективистский» настрой личности, и одновременно учить самостоятельности и критическому отношению к коллективу, в свете более общих социальных и нравственных критериев.

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ?

Юность — последний этап подготовки к жизни и одновременно начало самостоятельной сознательной жизни. Переход от нее к зрелости обычно постепенен и незаметен. Меняется основной вид деятельности — им постепенно становится труд, подчиняющий себе учение. Чувство принадлежности, ранее связанное преимущественно с группой сверстников, расширяется до полной гражданской зрелости, включающей в себя целую систему социальных ролей. На основе накопленного жизненного опыта более реалистической становится самооценка и более устойчивым и емким — самосознание в целом.

Зрелая личность — это личность, которая активно владеет своим окружением, обладает устойчивым единством личностных черт и ценностных ориентаций и способна правильно воспринимать мир и себя⁶⁵.

Это определение приблизительно верно схватывает суть дела. Но оно требует и некоторых уточнений. Я уже говорил, что образы юноши и взрослого имеют смысл только в соотношении друг с другом. Личность всегда представляет собой некую устойчивую структуру и в то же время текучий, незавершенный процесс. Но в анализе акцентируется либо одно, либо другое. Когда мы говорим о юности, мы акцентируем в ней порыв, стремление, незавершенность. Зрелость же ассоциируется с ясностью, спокойствием, определенностью. Такое противопоставление, несомненно, имеет под собой реальную почву. Но нередко, особенно в обыденном сознании, оно абсолютизируется. Если юность мыслится как порыв, то зрелость выступает скорее как состояние. «Стать взрослым» — значит укорениться в жизни, обрести устойчивое положение, приспособиться к окружающей среде и т. п. Педагогический образ взрослого как человека, лишённого противоречий и сомнений, имеющего готовые ответы на все вопросы, невольно приобретает черты самодовольства, застойности, неподвижности. Тем самым он становится портретом скучного обывателя, духовная жизнь которого значительно беднее юношеской жизни с ее драматизмом, пусть даже несущим в себе неизбежность разочарований, и подражать ему не хочется.

Но насколько правомерно такое противопоставление? Конечно, имеется немало людей, у которых юношеские порывы с возрастом увядают, заплывают жирком и стремления не выходят из рамок обыденности. Но это далеко не всеобщее правило. Субъективно возрастные раз-

личия наиболее ярко выявляются в типе временной перспективы. Юноша живет будущим, для него настоящее — только подготовка к другой, «подлинной» жизни, которая придет позже. Эта особенность юношеского сознания облегчает переживание неприятностей (а, все еще впереди, все можно исправить!), но с нею же связано и недостаточное чувство ответственности. Зрелость наступает тогда, когда человек осознает иллюзорность такой ориентации, понимает, что жизнь не знает черновиков, что будущее — это то, что ты сам создаешь своей сегодняшней деятельностью. Эта перестройка перспективы иногда бывает весьма драматической. Индивид обнаруживает, что и его возможности и его способности ограничены, что наивно ждать от будущего чуда, что мир невозможно переделать по прихоти собственной фантазии. Но именно это разочарование, снятие чар, которые мешали видеть мир в его действительности, побуждает зрелого человека к деятельности. Будущее перестает быть чудом, которое само принесет желаемое, оно становится потенцией сегодняшней действительности, сегодняшних усилий. Вопрос, однако, заключается в том, что один человек *приспосабливается* к действительности, а другой пытается ее *видоизменить*. Обыватель живет в «данном» ему мире, творец же, революционер, создает свой собственный мир. Очень хорошо сказал В. Э. Мейерхольд: «У одних вид пропасти вызывает мысль о бездне, у других — о мосте. Я принадлежу ко вторым».

Внутренний мир взрослого человека сложнее и суровее, чем мир юноши; у него меньше иллюзий, его взгляд на мир строже, а выражение

чувств сдержаннее. Но он отнюдь не беден и не статичен. Самоопределение личности не заканчивается с юностью, оно продолжается всю жизнь. В каждый момент человек принимает решение, выбирая тот или иной образ действий, и сознание того, что этот выбор нельзя «переиграть» и что он затрагивает не только тебя, но и других, придает ему, пожалуй, даже больший драматизм, чем тот, который типичен для юноши с его незрелым негативизмом или не менее незрелой стадностью. Зрелость выступает как некая определенность только по отношению к «неоформленности» юношеского порыва. Взятая в другом ракурсе, она тоже динамический процесс, со своими трудностями и противоречиями. Личность, как и история, всегда остается незаконченной, незавершенной, она есть проекция, творчество, поиск.

Глава III

Личность в истории общества

1. ЛИЧНОСТЬ В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЯХ

*К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай — деспот меж людей.*

А. С. Пушкин

Как уже говорилось, человеческая личность является продуктом истории в двух отношениях: во-первых, каждый из нас интегрирует в себе определенные социально-культурные ценности, является своеобразным микрокосмосом; во-вторых, само выделение личности, ее обособление из общества есть продукт исторического развития. Первый аспект мы отчасти проследили, теперь переходим ко второму.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Как писал Маркс, человек — «не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться»¹. Обособление индивида и возникновение автономной личности — это продукт и показатель исторического развития. «Чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей сте-

пери индивидуум, а следовательно и производящий индивидуум, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому»².

Становление личности в истории общества связано прежде всего с развитием трудовой деятельности. Какой бы сложной ни была деятельность животного, его отношение к природе остается непосредственным. «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*»³. Напротив, отношение человека к природе опосредствуется орудиями труда. Создавая в процессе труда объекты, которых не дает в готовом виде природа, человек как бы удваивается, объективирует себя в созданных им вещах и тем самым получает возможность различать себя как деятеля от продуктов и результатов собственной деятельности. Мотив деятельности (удовлетворение некоторой потребности) и непосредственный предмет деятельности разделяются; непосредственная деятельность (например, изготовление коноя) служит лишь средством подготовки к охоте, целью которой является добыча пищи. Но производство — процесс изначально общественный. Чтобы производить, люди должны определенным образом взаимодействовать друг с другом. Первоначально единый процесс деятельности разделяется между отдельными участниками (например, распределение функций во время охоты: одни спугивают дичь, другие загоняют ее, третьи колют и т. д.). Вначале эта специализация имела всецело случайный характер, затем она оформляется в виде примитивного технического разделения труда.

Общественный характер трудового процесса имеет важные психологические последствия, удивительно ясно и четко прослеживаемые А. Н. Леонтьевым: «Вспугивание дичи загонщиком приводит к удовлетворению его потребности в ней вовсе не в силу того, что таковы естественные соотношения данной вещной ситуации; скорее наоборот, в нормальных случаях эти естественные соотношения таковы, что вспугивание дичи уничтожает возможность овладеть ею. Что же в таком случае соединяет непосредственный результат этой деятельности с конечным ее результатом? Очевидно, не что иное, как то отношение данного индивида к другим членам коллектива, в силу которого он и получает из их рук свою часть добычи — часть продукта совместной трудовой деятельности. Это отношение, эта связь осуществляется благодаря деятельности других людей. Значит, именно деятельность других людей составляет объективную основу специфического строения деятельности человеческого индивида; значит, исторически, т. е. по способу своего возникновения, связь мотива с предметом действия отражает не естественные, но объективно-общественные связи и отношения»⁴.

Чем сложнее общественная деятельность, тем выше степень структурной и функциональной дифференциации соответствующего общества. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁵. Одна и та же структура выполняет в первобытном обществе несколько различных функций. Род

является одновременно хозяйственной, религиозной, семейной, моральной единицей. Производственные отношения здесь совпадают с кровнородственными, а место, занимаемое индивидом в социальной системе, определяется его природными характеристиками (возраст, пол и т. п.). Усложнение общественной деятельности означает дифференциацию отдельных функций и соответствующую структурную дифференциацию, появление специализированных учреждений, обособленных структур. Производство, политика, мораль, религия, семья и т. д. обособляются в автономные сферы общественной жизни. В результате этого каждая функция может выполняться более эффективно.

Некоторые исследователи склонны идеализировать условия первобытной жизни, где человек еще не стал «рабом разделения труда», где нет ни социального гнета, ни имущественного неравенства. Первобытнообщинный строй, пишет, например, А. Ф. Анисимов, не означает «какой-то нивелировки личности; индивидуальность в этом обществе, крепко спаянная с коллективом, обретает высокую степень цельности потому, что коллективизм — важнейшая черта образа жизни людей первобытного общества, а коллективные формы трудовой деятельности и общежития — лучшая школа воспитания высоких духовных качеств и оригинальной силы развития личности»⁶. Читая подобные рассуждения, а эта фраза выражает самую суть взглядов А. Ф. Анисимова, невольно думаешь, что коммунизм, к которому мы стремимся, только возврат к первобытной «цельности». Как далеко это от марксовой концепции!

По Марксу (и это подтверждается этнографическим материалом), в первобытном обществе социальные связи еще не дифференцированы, поэтому «отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине»⁷. Родовое самосознание остается исключительно групповым самосознанием; человек, который мог существовать только в непосредственном взаимодействии с сородичами, и мысленно не выделял себя из родового целого. Родовой строй не знает ни личных прав, ни личных обязанностей. Не было ни индивидуальной семьи, ни прав отцовства. Преступление, совершенное любым членом рода, ложилось и на всех остальных (вспомним хотя бы обычай родовой мести). «Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности»⁸.

Это не значит, разумеется, что все люди в первобытном обществе одинаковы. Они различаются и по своей физической силе, и по своим способностям. Но это именно то, что Маркс называл различиями между «случайными индивидами» и что не следует смешивать с различиями личностными, которые здесь только зарождаются. «Мы» первобытного человека — это только родоплеменная общность. Он не знает ни родового понятия «человек» (человек — только соплеменник, все остальные — «чужие», «нелюди», «колдуны»), ни индивидуального Я. Оценки и самооценки этих людей чрезвычайно бедны, как бедна и их общественная жизнь. В языке юкагиров, например, «омоча шоромах» — хороший промышленник, синоним понятия «хороший

человек», а «непромышленный» человек — значит плохой⁹. А. Ф. Анисимов справедливо видит в этом указание на роль труда. Но это указывает также на неспособность разграничить многообразие человеческих качеств, оценка индивида сводится к оценке его производственных успехов. Если это цельность, то цельность, обусловленная бедностью специфического содержания. Противопоставлять такую цельность сложной и противоречивой индивидуальности последующих периодов истории не более научно, чем ставить цельность одноклеточного организма в пример сложной биологической системе.

Лишь постепенно, по мере усложнения общественных отношений, роста индивидуальных производительных сил и общественного разделения труда, индивид начинает осознавать себя как личность, выделяясь из первоначального коллектива. Выполнение специфических функций, отличных от функций других членов общины, дает индивиду определенную социальную роль, в свете которой он оценивается другими и на которой основывается его личное самосознание. Сначала эта индивидуализация касается лишь вождей и других носителей наиболее важных почетных функций, а затем постепенно распространяется и на остальных людей. Этот процесс дифференциации и индивидуализации прослеживается, например, в эпосе. Как отмечает А. Ф. Анисимов, если в ранних сказаниях, например в Нивских настуздах, «герои как бы безлики, слиты с общей массой рода и племени, даже безымянны, то в чукотских сказаниях они резко индивидуальны, отделены от рода, нередко стоят над ним»¹⁰.

Разделение труда, позволяющее индивидам развить свои специфические способности, было, таким образом, необходимой предпосылкой становления индивидуальности и культуры. Но в нем был заложен также целый ряд противоречий.

С одной стороны, чем больше специализация функций, чем разнообразнее роли, выполняемые разными индивидами, тем многообразнее сами индивиды и тем больше их взаимозависимость друг от друга. С другой стороны, взаимный обмен деятельностью, первоначально носивший естественный характер, с появлением частной собственности и классов становится социально-оформленным разделением труда. Один класс присваивает себе высшие, наиболее интеллектуальные виды деятельности, второй низводится до уровня «говорящего орудия». Социальные функции не выбираются в порядке самодеятельности, а даются как что-то внешнее, обязательное. «...В ходе исторического развития,— и как раз вследствие того, что при разделении труда общественные отношения неизбежно превращаются в нечто самостоятельное,— появляется различие между жизнью каждого индивида, поскольку она является личной, и его жизнью, поскольку она подчинена той или другой отрасли труда и связанным с ней условиям»¹¹. Благодаря общественному разделению труда все сферы человеческой деятельности выступают в форме организации, а труд отдельного человека, кто бы он ни был, представляет собой отдельную функцию, деталь, часть общей задачи, целое которой выпадает из поля зрения индивида. Цель его деятельности отрывается от

самой этой деятельности и даже противопоставляется ей в качестве внешней силы, принуждающей человека выполнять функции, смысл и значение которых для него утрачены («отчуждение»).

Я подошел теперь к самому сложному теоретическому вопросу темы. С позиций индивидуалистического атомизма индивид и общество — абсолютные противоположности. Процесс социализации оказывается при этом процессом нивелировки единичных индивидов, а история общества — историей отчуждения изначальной сущности родового человека. Но такая постановка вопроса неправильна. Индивид не становится беднее от того, что растет богатство опредмеченных, т. е. данных ему вовне, унаследованных им форм культуры и общества. Наоборот, чем сложнее общественная жизнь, тем больше вариантов имеет индивидуальное поведение, тем разнообразнее ролевая структура отдельной личности. Количество накопленной обществом информации, передающейся из поколения в поколение в виде многообразных знаковых систем, определяет и сами способы этой передачи, и степень автономии отдельных индивидов. Эту мысль убедительно развивает в своих работах Ю. А. Левада¹².

В первобытном обществе основным средством передачи общественного опыта является следование установленному (традиционному) образцу, благодаря действию особых социальных институтов. Социальная информация, передаваемая таким образом, не расчленяется на информацию о предмете, способе, мотивах и целях действия. Обычай просто предполагает

следование заветам предков, воспроизведение прошлых отношений в будущем. На вопрос, почему люди действуют так, а не иначе, следует ответ: «Наши предки всегда так поступали». Подобный механизм передачи информации прост и устойчив, но оборотной стороной его является консерватизм и вариативная бедность. Жизнь человека в обществе, основанном на традиции, детально регламентирована. Обычаи регулируют все его поведение, от рождения до смерти, не допуская ничего свободного, оригинального, самопроизвольного. Это делает людей чрезвычайно похожими друг на друга, о чем я уже говорил выше.

С усложнением общественной деятельности традиционный механизм становится недостаточным. Он дополняется и частично заменяется другим механизмом — механизмом ценностных ориентаций, которые предполагают не просто повторение целостных действий, но представляют собой некоторые ориентиры, принципы должного поведения, которыми индивид руководствуется в своих поступках. Например, моральная норма формулирует определенное общественное требование, которое индивид должен усвоить, но норма не предусматривает всех конкретных обстоятельств поступка. Активность индивида здесь гораздо выше, чем при традиционном поведении. Традиционный тип управления социальными процессами предполагает подчинение соответствующих действий индивида заданной социальной программе (традиции). Напротив, «приобщение индивида к национальной системе культуры выступает как усвоение, интернализация заданной суммы импера-

тивных требований. Индивидуальное сознание здесь действует как частица, «винтик», реализующий заданную программу, но не как автономная ступень ее функционирования (структура традиционного сознания в принципе исключает индивидуальное новшество, расценивает его как нарушение сложившейся системы отношений)»¹³.

Наконец, третья, высшая форма социального управления и передачи информации состоит в том, что задается не готовый образец для подражания и не команда для реализации, а расчлененная программа, рассчитанная на творческое восприятие. Если традиционное поведение строится по типу «образец — повторение», ценностное — по типу «норма — исполнение», то теперь на первый план выступает отношение «цель — средство», «субъект — объект». Индивидуальное сознание здесь не просто выполняет «внешнюю» норму, но выступает «в качестве необходимого уровня действия регулятивного механизма общества. Индивидуальное сознание оказывается здесь «правомочным» не только теоретически воспроизводить требования системы, но и выбирать тот или иной вариант их реализации. Причем индивидуальные инновации [новшества] являются не только допустимыми, но и необходимыми для успешного функционирования системы в целом»¹⁴.

Каждый тип социального регулирования предполагает и определенный тип личности. Традиционный тип базируется на слабой расчлененности общества, индивид мыслится здесь как часть органического целого. Ценностно-идеологический тип, напротив, предполагает

несовпадение социальной нормы и личных установок индивида, акцент делается на усвоении, интернализации нормы. Рационально-научное управление адресуется к такому индивиду, который и может и хочет быть не просто исполнителем, но и активным субъектом соответствующих действий.

Кажется очень соблазнительным представить эти типы как последовательно сменяющие друг друга социальные характеры. Прогресс общества окажется в этом случае одновременно и прогрессом личности. Но схема такого рода была бы столь же односторонней, как и противоположное утверждение, согласно которому рост цивилизации осуществляется за счет обеднения и оскуднения индивида. Реальный процесс исторического развития сложнее, чем любая логическая схема. Во-первых, смена типов социального регулирования происходит крайне неравномерно. В одних сферах (наука, техника) рациональный тип регулирования утвердился раньше, в других, более сложных и тонких областях общественной жизни, он еще только пробивает себе дорогу, сосуществуя с ценностным и традиционным стилями. Во-вторых, нельзя рассматривать положение личности в обществе безотносительно к его конкретной классовой структуре. В классовом обществе распределение социальных ролей между индивидами определяется не столько их личными способностями, сколько их происхождением или социальным положением. Неравенство социальных возможностей, противоречивость ценностных ориентаций и разнородность механизмов социального регулирования рожают дисгармо-

нию личности. Противоречивость общественных отношений, в которые включен индивид, переживается им как несоответствие его Я и социальной роли. Это противоречие в разных формах и в разной степени прослеживается на протяжении всей истории классового общества.

ЛИЧНОСТЬ В АНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

Основа древнего мира — прямой принудительный труд. Для древнего грека рабство — совершенно естественное явление, раб — вещь, орудие, принципиально не отличающееся от других, неодушевленных вещей; его просто не считают за человека. Поэтому проблема соотношения индивида и общества ставится здесь лишь в ограниченных рамках: в качестве целостного общества выступает отдельный полис, а в качестве человека — свободнорожденный член этого полиса. Но само это соотношение по-разному выглядит на разных стадиях развития общества, и распространенное представление о всесторонности и гармоничности классического грека является в значительной мере иллюзорным.

В условиях первоначальной родовой цельности греки, как и другие народы, не придавали самостоятельной ценности человеческой индивидуальности, и следы этого существуют и в позднейших источниках. Исследователи Гомера отмечают в его описаниях людей очевидный примат общих черт над индивидуальными, причем в самом этом индивидуальном внешние стороны фиксируются гораздо полнее, чем внутренние. Особенно слабо описывается внутренний мир человека. У Гомера еще нет термина, кото-

рый бы описывал целостность духовной жизни человека¹⁵; ярко живописуя быстрые ноги и мускулистые руки, он не находит слов для характеристики духа; свои поступки герои Гомера мотивируют прямым вмешательством и волей богов¹⁶. С этим гармонирует и общий дух греческой скульптуры: лица статуй не передают индивидуального характера; психологизм, необходимый для искусства портрета, появляется лишь много позже.

Разложение родовой общины разрушило эту первоначальную целостность, но ее место психологически и социально занимает полис. Государство и общество здесь сливаются. Отсюда — неотделимость личной жизни грека от общественной и даже отсутствие подобного разграничения. Как замечает А. Ф. Лосев, «греки понимали под политикой не то, что мы. Мы понимаем под политикой государственную деятельность внутри данного государства или вне его. Грек же понимал под политикой все то, что относится к полису. Это была, прежде всего, общественная жизнь, совершенно неотделимая у него от того, что мы называем политикой. А затем и всякая личная жизнь, неотделимая от того, что мы называем общественной жизнью... В ранней классике вовсе не было такого индивидуального человека, который бы противопоставлял себя природе, искусству или обществу и политике (в нашем смысле слова)»¹⁷.

Однако дальнейшее развитие и социальное расслоение общества существенно изменяют положение вещей. Развитие обмена и разделения труда ставит индивида в прямые и косвенные отношения с множеством других людей, увели-

чивается число факторов социализации и референтных групп, мнение которых приходится принимать во внимание при ориентации собственного поведения. Усложнение ролевой структуры личности делает ее относительно более автономной от каждой из ее референтных групп (семья, возрастная группа, определенный социальный слой и т. д.) в отдельности. Наряду с борьбой различных классовых и политических группировок рождается соревнование и конкуренция между индивидами. Греческие историки и философы подробно описывают такие чувства, как зависть, честолюбие и т. п., которые невозможны там, где индивид и общество слиты.

Усложнение социальной структуры и дифференциация социальных ролей сказываются и в механизмах социального контроля, и в индивидуальном самосознании¹⁸. Формула Протагора «Человек есть мера всех вещей», уяснение софистами относительности социальных и нравственных норм, сократовский призыв «Познай самого себя» и вытекающий из него принцип моральной ответственности за деяние — все это симптомы формирования индивидуальности и одновременно — разрушения первоначальной слитности личности и общества. Особенно характерно появление интереса к этическим проблемам. В родоплеменном обществе существует единая система норм и традиций, они воспринимаются как естественные, непреложные, и выбор может быть только между их принятием или отвержением (в последнем случае весь племенной уклад ставится под вопрос). В классовом обществе такое единообразие отсутствует, налицо множественность социальных и нравст-

венных норм и принципов, которые не только не тождественны, но даже противоречат друг другу. Перед индивидом стоит теперь вопрос не просто о том, соблюдать или не соблюдать данную норму, но и вопрос о том, какая именно норма является правильной и почему. Возникает целая серия вопросов: что такое правильная жизнь? Что такое добро? Какой из многих путей и стилей жизни надлежит выбрать? Это дает личности значительную автономию, которой не было и не могло быть раньше.

Соответственно меняются и психологические механизмы социального контроля. Общественное сознание родового общества еще не проводит различия между результатами действий человека и его намерениями. Личная самооценка здесь основывается непосредственно на мнении окружающих, а соответствие поведения групповым нормам обеспечивается главным образом чувством стыда. Теперь, когда разграничивается мотив поступка и его последствия, это более или менее внешнее регулирование оказывается недостаточным. Начинаются поиски внутреннего основания ответственности, возникает проблема вины. Стыд представляет собой беспокойство о своей репутации, о мнении окружающих, которые видят и могут осудить твоё поведение. Вина — гораздо более сложное чувство, она предполагает развитое нравственное сознание и самооценку на основе каких-то интернализованных норм. Чувство вины распространяется и на внутренние побуждения личности, даже если они не претворились в действия. Стыдиться можно и случайных, внешних, не зависящих от личности обстоя-

тельств, которые ставят ее в невыгодное положение в глазах окружающих. Виновность человек испытывает только за свои сознательные действия. Поэтому появление в общественном сознании греков, их литературе, философии проблемы вины свидетельствует о возросшем индивидуальном самосознании человека, который не просто ориентируется на групповые нормы, но сознает себя автономным субъектом деятельности и готов нести за эту деятельность моральную ответственность не только перед соотечественниками, но и перед судом собственной совести.

Представление о цельности классического грека и его неразрывности с социальным целым во многом основывается на высказываниях Платона и Аристотеля. Платон действительно всячески подчеркивает невозможность существования отдельного изолированного человека. «Каждый из нас сам для себя бывает недостаточен и имеет нужду во многих». Отсюда необходимость возникновения общежития или полиса, «когда один из нас принимает других, либо для той, либо для иной потребности; когда, имея нужду во многом, мы располагаем к сожитию многих общинников и помощников: тогда это сожитие получает у нас название «города»»¹⁹. Хотя Платон рассматривает это единство личности и общества не как органическое, природное единство, а как следствие разделения труда (отношения между индивидами он изображает как разумные отношения взаимного использования), он, в противоположность философам-индивидуалистам буржуазной эпохи, исходит не из интересов индивида, а из интересов целого. Говоря

словами Маркса, основное положение Платона «состоит в том, что работник должен приспособляться к делу, а не дело к работнику»²⁰. Этот принцип Платон доводит до идеи общности имущества и даже жен.

Аналогичным образом и Аристотель ставит природу государства впереди природы семьи и индивида: целое должно предшествовать части. Если отдельный индивид «не способен вступить в общение или, считая себя существом самодостаточным, не чувствует потребности ни в чем, он уже не составляет элемента государства, но становится либо животным, либо богом»²¹.

Но уже само это настоятельное подчеркивание первичности социального целого и критика индивидуализма свидетельствуют о существовании и силе последнего. О том же говорят жалобы Аристотеля на «беспредельность» человеческих вожделений и восхваление дружбы, причем в основе дружбы, по Аристотелю, лежит опять-таки себялюбие: «Любя друга, мы любим собственное благо, ибо хороший человек, став нашим другом, становится благом — поскольку мы его любим. Таким образом, каждый в дружбе любит собственное благо...»²² Потребность и необходимость в общении здесь выводятся из факта обособленности индивидов и наличия у них эгоистических интересов.

Обнаружение расхождения между замыслами человека и результатами его действий ставит перед греками вопрос о природе собственного Я. Кто я такой, чем я отличаюсь от других людей? Эти вопросы часто повторяются в поздней классике, особенно у Еврипида. Но ответ на вопрос о своем Я и о других людях грек ищет не

в рефлексии и самоанализе, а в своих связях с другими людьми, в своем происхождении и общественном положении. В его представлении о свободе на первом месте стоит сила, независимость от внешнего принуждения и контроля со стороны другого человека. В этом отражается не только разложение первичной социальной целостности, но и противоположность свободного и раба, составляющая стержень всего античного самосознания. Как правильно замечает А. Гоулднер²³, для грека раб — это тот, кто не распоряжается сам собой, кто живет под властью другого. Поэтому, если личность мыслится как свободный человек, то ее свойства должны быть противоположны свойствам раба. Отсюда — подчеркивание силы, власти, могущества, независимости от других как наиболее существенных черт личности. В качестве же регулятора поведения, чтобы избежать лишних конфликтов, превозносится самоконтроль, сдержанность, умение обуздывать собственные чувства. Сила личности проявляется не только в умении сохранять независимость от других, но и в подчинении собственных страстей, в ясности мысли.

Обе эти темы — человек и внешние условия, высшая воля, судьба; человек и его внутренний мир, его страсти — ставятся в греческой трагедии.

Если герой Софокла борется прежде всего с внешними силами, то у Еврипида конфликт переносится во внутренний мир личности, развертывается как трагедия человеческого сердца, родовые традиции подвергаются открытой атаке. Это был глубоко прогрессивный процесс. Индивид, сформировавшийся в новых исторических

условиях, «нес «в себе самом» гораздо более широкую систему социальных связей, чем та, которую предлагала ему общинно-родовая традиция. И в этом смысле тот «микрокосмос», который вынашивал в душе своей индивид, оказывался гораздо большей — социальной — ценностью, чем традиции и обычаи классического полиса. Этот субъективный «микрокосмос» был фактически индивидуально предвосхищенным прообразом того общественного «макрокосмоса», который должен был прийти — и уже приходил — на смену локальному и ограниченному классическому полису»²⁴. Недаром пересмотр традиционного образа человека и его взаимоотношений с обществом предполагал и действительно повлек за собой и критическое отношение к институту рабства.

Разложение античного полиса означало, в частности, разрыв конкретной, непосредственной связи личности с общественным целым; государство больше не совпадает с обществом, и гражданские обязанности человека уже не исчерпывают его индивидуальности. Эта разобщенность личности и общества нашла свое выражение в отчетливо индивидуалистическом характере стоицизма, скептицизма и эпикурейства. Всеобщее, в форме государства или разумной необходимости вообще, рассматривается теперь как чуждая, внешняя власть, тяготеющая над личностью и ограничивающая ее свободу. Чтобы освободиться от нее, человек должен свести к минимуму свою связь с внешним миром; высшее счастье мудреца — в спокойном одиночестве собственного мышления.

«Прямой принудительный труд,— писал К. Маркс,— вот основа древнего мира; общество покоится здесь на принудительном труде как на существующем фундаменте. Базис средневековья образует труд, сам являющийся привилегией, труд, имеющий значение еще в своей обособленности, а не как труд, вообще производящий меновые стоимости»²⁵. В условиях феодализма личностные свойства индивида однозначно определяются его социальной принадлежностью. Вся жизнь человека, от рождения до смерти, регламентирована. Он почти никогда не покидает места своего рождения. Его стремления ограничены рамками его сословной принадлежности. Как бы ни складывались обстоятельства, дворянин всегда остается дворянином, а ремесленник — ремесленником. Социальная роль была для него такой же органической, естественной, само собой разумеющейся, как собственное имя. Каждое сословие имеет свои собственные добродетели, и каждый индивид должен знать свое место. «Подняться выше своего сословия грешно, ибо разделение на сословия установлено богом»,— учил Фома Аквинский.

Но хотя община целиком охватывает жизнь каждого из своих членов, она является не самодовлеющим целым, а звеном длинной цепи иерархических отношений. Индивид не может выйти за рамки своей непосредственной социальной принадлежности, но опосредствованно он связан со всей системой. Это реальное положение находит свое спиритуалистическое освещение в христианской концепции человека²⁶.

Христианство отвергает индивидуализм поздней античности. Человек выступает в христианстве не как случайный атом, а как член религиозной общины. В духовных отношениях с богом личность выходит за рамки земной иерархии; перед богом все равны. Раб весь, целиком принадлежал своему господину, он рассматривался как вещь. Средневековый крепостной, как бы велика ни была его социальная зависимость, имеет нечто такое, что не может принадлежать никакому земному господину. Это его бессмертная, вечная душа, его духовная личность, противостоящая связанности и греховности земного существования. Социальная ценность человека определяется его сословной принадлежностью, и высшая социальная добродетель состоит в том, чтобы знать свое место. Но духовная ценность личности независима от ее общественного положения. Она выражается в способности человека утвердить свое духовное Я путем подчинения и преодоления своей естественной природы. Смирение в сфере социальной действительности сочетается здесь с духовным самовозвеличением.

Основное противоречие средневековой мысли — это противоречие между идеей всеобщей связанности (божественное провидение) и принципом свободы индивидуальной воли. Свобода человеческой воли ограничивает свободу воли бога, подрывает идею божественного всеведения и предопределения. С другой стороны, если божественное предопределение абсолютно, то тогда люди — не более, чем марионетки, и бог сам отвечает за все их деяния. Августин разрешает это противоречие тем, что признает за

человеком свободу творить зло, т. е. ответить «нет» божественным заповедям (грехопадение), тогда как бог является источником всякого добра (человек по природе своей больше тяготеет ко злу — следствие первородного греха).

Эта негативность христианского понимания свободы воли отражает всеобщность системы феодальной регламентации, не оставлявшей места для личной автономии. Тот, кто не мирится со своим социальным положением, кто отказывается признать его естественным определением собственной личности, тот посягает на самые устои общества. Не возносись, не стремись к невозможному, блаженны только нищие духом!

Но идея равенства перед богом признается недостаточной неимущими, отсюда — бесчисленные ереси, возрождающие в том или другом обличье оппозиционно-критический дух раннего христианства. Принцип смирения не только практически отвергается феодальной верхушкой, каждый представитель которой стремится увеличить свою власть и богатство, но и интеллектуально ставится под сомнение развивающейся человеческой мыслью. «Внутренний враг, не изучающий, а критикующий, не подражающий, а исправляющий», подрывает незыблемость церковной доктрины, стремясь, подобно Абельяру, «исследовать истину при помощи разума и следовать во всем не мнению людей, а доводам разума»²⁷.

Но «доводы разума», противоречащие «мнению людей», могут быть только внутренними доводами. Все люди, когда-либо выступавшие против господствующих норм, обладали высокой степенью доверия к себе, облакалось ли оно в

форму уверенности в своем интеллекте или в представление о своей пророческой миссии. Необходимые сдвиги в общественном сознании, связанные с развитием общества, задолго до того, как они обнаруживаются в консервативных по своей природе социальных институтах, преломляются в сознании и структуре отдельной личности. И поскольку эта личность не может органически «вписаться» в рамки устаревшей системы общественных отношений, ее самоутверждение принимает индивидуалистическую форму (в которой, однако, заключено определенное социальное содержание). Так было при разложении античного полиса. Так получилось, причем в гораздо больших масштабах, при разложении феодализма.

2. КАПИТАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Никто не является рабом в большей степени, чем тот, кто считает себя свободным, не будучи таковым на деле.

Гете

Зарождение капитализма вызвало серьезные изменения в положении личности и в природе социального характера. Развитие торговли и промышленности было несовместимо с феодальной регламентацией и прикованностью человека к своей природной и социальной среде. «В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежно-

стью определенного ограниченного человеческого конгломерата»²⁸.

Упала маска гнусная; отныне
Повсюду будет вольным человек,
Брат будет равен брату, все преграды
Исчезли меж людьми; племен, народов,
Сословий больше нет; в одно все слились,
И каждый полновластен над собой²⁹.

Частное предпринимательство требовало личной инициативы, энергии, предприимчивости. И оно действительно стимулировало появление этих качеств и, соответственно, нового типа личности.

Если в обществе, основанном на традиции, решающее значение придается единообразию поведения, соблюдению некоторых общих норм и ритуалов, то теперь это становится недостаточно: слишком часто личность оказывается вне группового контроля или в ситуации, не предусмотренной традицией; она должна иметь внутреннюю ценностную ориентацию, достаточно устойчивую в любых ситуациях. Цель, направляющая деятельность такого человека, является «внутренней» в том смысле, что она внушена ему старшими еще в детстве, и, как бы ни менялись обстоятельства, жизненная цель остается неизменной.

Этот акцент на внутренней определенности личности прежде всего проявляется в религиозном сознании. В противовес средневековой установке, что человек постигает собственную личность через растворение в боге и познание бога, протестантизм выдвигает принцип внутренней достоверности, согласно которому бог постигается через внутренний мир личности. Средне-

вековая церковь подчеркивала сходство человека с богом и его право рассчитывать на божественную любовь и милосердие. Протестантизм, отражая разрушение патриархальных связей и стихийность товарно-денежных отношений, наоборот, утверждает греховность человеческой природы, *отчуждение* человека от бога (Кальвин употребляет именно этот термин). Человек не хозяин своей судьбы, она заранее во всех деталях predetermined бог, и никто не знает, определен ли он к спасению или к геенне огненной. Но именно эти чувства сомнения и неуверенности в своей судьбе побуждают кальвиниста к активной земной деятельности: в успешности своих светских начинаний кальвинист видит знак своей предызбранности, своей угодности богу. Задача состоит в том, чтобы найти бога не в священных текстах, а в собственной душе. Земная деятельность, труд осмысливаются как призвание, как интернализированное веление бога. Пусть кругом бушует стихия, моя опора в моей деятельности, и каждый мой успех — подтверждение правильности избранного пути не только по человеческим, но и, главное, по божественным критериям. Ведь все, что я делаю, я делаю по воле божией. Место средневекового аскетизма и смирения занимает принцип: «Полагайся сам на себя, и бог тебе поможет!»

Индивидуализм молодого капитализма проявляется и в философском мышлении.

Гуманисты эпохи Возрождения, когда, по выражению Мишле, произошло «открытие человека», провозглашают освобождение индивида от всяких обязанностей по отношению к анонимному целому и противопоставляют феодаль-

ному идеалу человека как носителя сословных добродетелей идеал целостной, всесторонне развитой личности. Индивид становится целью, общество — средством развития. Идея свободы личности, первоначально ограниченная сферой интеллектуальной деятельности, в дальнейшем, по мере развития буржуазно-революционных движений, перерастает в требование гражданской и политической свободы. В противоположность «универсализму» средневекового мышления, просветители XVII—XVIII вв. самое общество и государство рассматривают как продукт договора между индивидами. Любые общественные отношения, с их точки зрения, правомерны лишь постольку, поскольку они соответствуют разумным потребностям и интересам их участников. «Интерес и потребность — таков источник всякой общительности. Только одно это начало... объединяет людей между собой»³⁰.

Просветительская теория личности отражает реальный процесс разрушения феодальных связей, основанных на личной зависимости, и зарождения нового общества, где все подчинено законам товарного производства и «различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей»³¹.

Индивидуализм просветительской философии был исторически прогрессивен. Выдвигая на первый план интересы личности, просветите-

ли отнюдь не понимали их узко-эгоистически, подчеркивая, что правильно поняты интересы личности в конечном счете всегда совпадают с общественным благом. Но эта концепция, как и породившие ее общественные отношения, была внутренне противоречива. Личность мыслится как самостоятельная и высшая социальная ценность, как цель, по отношению к которой все общественные институты и другие люди выступают лишь как средства. Но это значит, что для другого человека я тоже не более, чем средство. Отношения, основанные на взаимном использовании, неизбежно будут эгоистическими, а всеобщий интерес, о котором говорит просветительская философия, «есть именно всеобщность эгоистических интересов»³².

То, что отношения между людьми мыслятся теперь как рациональные отношения, основанные на взаимном использовании, означает, что индивид не сводится более к своей социальной роли, что социальные функции выступают по отношению к личности лишь как средства для ее частных целей, которые, следовательно, автономны от этих функций. Так, например, «безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, ни один из которых не является более господствующим»³³. Социальное положение лица переживается теперь как нечто случайное, не связанное с его индивидуальностью. Но именно поэтому выполнение этих функций воспринимается личностью как несвобода, как господствующая над ней внешняя необходимость.

Капиталистическая конкуренция освобождает

ет индивида из-под власти групповых общинных связей. Но обратной стороной этой свободы является бессилие и одиночество. Вместе с расширением своего мира человек потерял уверенность в его устойчивости, которую давало чувство «принадлежности» и фиксированное место в общине. Индивид не стеснен больше мелочной цеховой и т. п. регламентацией, но зато он должен полагаться только на собственные силы в жестокой конкурентной борьбе, результат которой от него не зависит.

В каждом из своих общественных отношений человек выступает не как целостный индивид, а лишь как средство, как воплощение определенной функции. Есть качественная разница между отношениями мастера и подмастерья в ремесленном цехе и отношением капиталиста и рабочего. Основа отношений в обоих случаях объективна и не зависит от воли участников. Но в первом случае общественное отношение выступает как отношение конкретных индивидов; не ограничиваясь рамками производства, оно охватывает и быт, и семью, и религиозные обряды; во втором случае оно откровенно безлично: капиталисту нет дела до личности рабочего, а для рабочего капиталист не человек, а безличная «фирма». Товарный фетишизм, вырастающий из недр капиталистического общества, отражает это положение, персонифицируя вещи и обезличивая человека. Отсюда — трагическое противоречие между самосознанием личности, ее идеальным «внутренним миром» и ее «социальной средой».

Противоречие это в самых различных вариантах отражается в философии и искусстве нового времени.

У Руссо оно ставится в форме вопроса: «Становится ли человек счастливее по мере развития цивилизации?», и ответ дается отрицательный. У Канта оно выступает в виде антитезы эгоистического благополучия и нравственного закона. Романтики осмысливают это противоречие как противоречие между разделением труда и потребностями человека как целостной индивидуальности.

Капитализм как формация не был регрессом по сравнению с феодализмом. Не был он регрессом и с точки зрения положения личности. Освободив индивида от большинства форм личной зависимости, разрушив феодальную иерархию, он расширил автономию личности в плане социального общения и деятельности. Разрушив национальную замкнутость (создание мирового рынка, сближение народов), он расширил автономию личности в плане ее культурной идентификации. Разрушив монополию церкви, подорвав власть традиции, облегчив распространение идей и информации, он расширил автономию личности в плане формирования ее ценностных ориентаций. Все это необычайно увеличило многообразие и богатство индивидов как личностей, вызвало рост материальных и духовных запросов и потребностей. Но именно в свете этих выросших запросов, выражающих прогрессивную тенденцию общественного развития, капиталистическое общество оказалось совершенно неудовлетворительным, потому что перечисленные выше возможности оно объективно не в состоянии претворить в действительность.

Формально каждый индивид может выбрать любой род занятий, получить любое образова-

ние. Фактически же эти возможности определяются его классовым, имущественным положением. В принципе, в тенденции капитализм облегчает общение народов и культурный обмен; фактически же он сохраняет «цветной барьер». В идеале множественность источников информации дает индивиду возможность свободного интеллектуального самоопределения; на деле могущественные средства массовой коммуникации (печать, радио, телевидение и т. д.) служат оболваниванию людей в духе, угодном правящим кругам.

Эти противоречия общественной жизни не могут не вызывать болезненных явлений у личности. Ее Я, интегрирующее в себе систему общественных ценностей и идеалов, вступает в противоречие с ее ролевой структурой, обусловленной фактической системой общественных отношений. Автономия от роли, обусловленная выросшим многообразием общественных связей индивида, требует вместе с тем, чтобы все эти связи были интегрированы в целостную систему. Когда этого не происходит, — а антагонистичность общественных отношений делает это крайне затруднительным (возьмем в качестве примера положение американского негра-юриста: юридически он равен всем остальным гражданам, интеллектуально стоит выше многих и имеет право на высокий престиж, свойственный его профессии, а социально является совершенно бесправным, — каково будет его самосознание?), — внутренние конфликты неизбежны. То, что раньше переживалось единицами (большинство не поднималось над уровнем традиции), теперь стало судьбой многих.

3. ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И «РАЗРУШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

*Душа моя, мой звереныш,
Меж городских кулис
Щенком с обрывком веревки
Ты носишься и скулишь!*

Андрей Вознесенский

Капитализм разрушил старые патриархальные связи и утвердил индивидуализм в качестве основного принципа социальной философии. Культ личного успеха любой ценой вошел в плоть и кровь буржуазного общества. Но чтобы «свободные индивиды» не перерезали друг друга, сама их конкуренция должна быть поставлена в определенные рамки. При анализе буржуазной системы «ценностей», как справедливо указывает Ю. А. Замошкин, нужно различать нормы-цели (в данном случае принципы индивидуализма) и нормы-рамки, т. е. законы, правила, запреты и регламентации, создаваемые фактической социальной организацией и ограничивающие индивидуальный произвол в интересах целого. «Для индивидуалистического сознания и индивидуалистически ориентированной личности характерен постоянный и внутренне неразрешимый конфликт между нормами-целями и нормами-рамками, причем главной, доминирующей стороной в этом конфликте, как правило, являются нормы-цели»³⁴.

Особенно острым стало это противоречие в эпоху общего кризиса капитализма. Прежнего «свободного предпринимателя», с его психологией изолированного индивида, ставящего себя

над обществом, сменил, в качестве господствующего социального типа, чиновник, функционер государственно-монополистической машины, который столь же индивидуалистичен по своим устремлениям (норма-цель), но ощущает себя уже не суперменом, а винтиком производственно-бюрократического механизма (норма-рамка). Этот разрыв ценностных ориентаций описывается социологами как «отчуждение». Но этим термином обозначается все, что угодно: один имеет в виду отдаление человека от природы, другой — потерю докапиталистической трудовой морали, третий — отчуждение индивида от его собственных творческих потенций, четвертый — отсутствие у рабочего контроля над производственным процессом, пятый — присущее индивиду чувство социального или политического бессилия и т. д. Чем больше эмоций вкладывается в эти рассуждения, тем меньше ясности, о чем конкретно идет речь: кто отчуждается, от чего отчуждается, чем заменяется «отчуждаемое» отношение, в чем выражается процесс отчуждения и кто является его агентом?

Чтобы не утонуть в терминологических тонкостях, мы поступим следующим образом. Сначала рассмотрим, как описываются симптомы разрушения личности, нивелирования индивидуальности и т. п., а потом, в последнем параграфе этой главы, попытаемся поставить диагноз болезни. Три мотива выступают здесь наиболее отчетливо — дегуманизация труда, бюрократизация общественной жизни и влияние средств массовой коммуникации.

Под дегуманизацией труда понимается прежде всего его обездушенность. Разделенный труд никогда не был внутренне свободным. Однако в прошлом, в условиях мелкокрестьянского или ремесленного хозяйства, он все же давал определенные духовные стимулы и, главное, был органически связан с другими сторонами человеческой жизни. Он не воспринимался как простое средство к существованию. Средневековый ремесленник гордился своим ремеслом, унаследованным от предков, своей принадлежностью к цеху, тщательно хранил и накапливал производственные секреты. Ранний капитализм вызвал к жизни такие стимулы, как надежда на обогащение, стремление «выйти в люди», повысить свой социальный статус. Протестантская мораль, выражавшая потребности развивающегося капитализма, была моралью призвания и долга. Ныне американские социологи констатируют упадок этой трудовой морали.

Подавляющее большинство рабочих вынуждено выполнять работу, которая их совершенно не интересует и не дает возможности проявить свою индивидуальность. Повторяя изо дня в день одни и те же рутинные операции, рабочий все больше усваивает ритм автомата и сам становится похожим на машину³⁵. Рутинный, монотонный труд не приносит радости и удовлетворения. «Наслаждение, которое может дать творческая работа, становится доступно все более и более ограниченному меньшинству»³⁶, — замечает Р. Миллс. Надежда на обогащение или продвижение также отсутствует у большинства

трудящихся. Люди знают, что ценой упорного труда, если не случится несчастья вроде кризиса или потери трудоспособности, они могут обеспечить себе определенный жизненный уровень. Но их личные трудовые усилия не изменяют их социальный статус, не освободят их от необходимости работать если не на одного, так на другого хозяина. Как показывают данные многих социологических исследований, не только рабочие, но и большинство служащих даже не рассчитывают на существенное продвижение по службе; с фирмой, в которой они работают, их связывает только заработная плата. Попытки прикрыть бесчеловечный характер капиталистической эксплуатации флером «человеческих отношений», предпринимаемые сейчас многими корпорациями с целью уменьшить число производственных конфликтов и «привязать» рабочих к фирме, не меняют существа дела. «Давай, давай... Компания хочет заработать в этом году больше полумиллиарда. Давай, давай, умрем за старушку-компанию!» — в этих иронических словах, приводимых Свадосом³⁷, выражается отношение рабочих к призывам насчет повышения производительности труда.

Процессы, которые раньше затрагивали преимущественно рабочих, людей физического труда, теперь все в большей степени ощущаются и интеллигенцией. В прошлом, когда сравнительно примитивное производство требовало относительно небольшого количества образованных людей, получение образования уже само по себе давало определенные материальные и моральные привилегии, позволяя интеллигенции чувствовать себя до некоторой степени ав-

тономной элитой. Теперь положение изменилось.

Современное производство требует массы образованных людей. При этом зависимость интеллигенции от капитала возрастает. Если раньше наемной была в основном производственно-техническая интеллигенция, тогда как остальные интеллигенты были преимущественно представителями «свободных профессий», то теперь уже большая часть западной интеллигенции работает по найму. Некоторые отряды интеллигенции (например, учителя) оплачиваются даже ниже, чем квалифицированные рабочие. Но дело не в размерах зарплаты, а в том, что социальное положение мелких и средних служащих постепенно сближается с положением рабочих: они так же продают свою рабочую силу, так же подвергаются эксплуатации, так же не любят свою работу. Как замечает Г. Свадос, «человек в белом воротничке вступает... в серый мир рабочего человека»³⁸.

Подобно рабочим, служащие, особенно технические, жалуются на монотонность и бессмысленность своего труда, а их отношение к организации, в которой они работают, преимущественно негативное. Например, в исследовании французского социолога Мишеля Крозье на вопрос о том, считают ли они свою организацию хорошим местом работы, 60% служащих ответили отрицательно и только 1 из 7 интервьюированных высказал положительное суждение³⁹. Эти отрицательные чувства усугубляются отсутствием среди служащих той коллективной солидарности, которая типична для рабочих. 40% интервьюированных Крозье служащих сказали,

что вообще не имеют друзей среди сослуживцев. Другие 40% сказали, что могли бы найти себе друзей в этой среде, но предпочитают поддерживать дружбу с людьми, с которыми у них нет деловых отношений. Лишь 20% положительно оценивают сослуживцев как возможных друзей⁴⁰.

Люди по-разному разрешают это противоречие. Одни утешают себя соображениями об общественной необходимости своей деятельности, другие — относительно высокой заработной платой, третьи реализуют свою индивидуальность в различных хобби, которым они предаются в свободное время. «Но реальное «дело» человека — область, в которой он хотел бы, на основе своего характера и своих дарований, проявить свою эмоциональную и творческую энергию,— в большинстве случаев, вероятно, не может теперь совпадать с той деятельностью, за которую человек получает плату»⁴¹.

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Та же обезличенность наблюдается и в сфере общественно-политических отношений. Феодальное общество было организовано иерархически, индивид участвовал в общении с другими лишь через посредство и в рамках своей социальной группы (цеха, сословия, общины). Рост общественного разделения труда сделал общение всеобщим, разрушив одни и подорвав значение других «промежуточных» структур. Западные социологи обозначают это новое положение термином «массовое общество», имея в виду,

что в таком обществе индивиды сливаются в некоторую массу, а само общество характеризуется возросшей социальной мобильностью и ослаблением традиционных корней, ценностей и привязанностей. Позже мы еще вернемся к анализу этого понятия и основанных на нем концепций, сейчас нас интересует только фактическая сторона дела.

Политическим выражением этой возросшей социальной мобильности является развитие и распространение демократических форм и учреждений. Демократия буквально означает народовластие; равенству индивидов как товаропроизводителей соответствует их политическое равенство, равенство гражданских прав и обязанностей. Но это равенство в условиях капитализма остается формальным. Равенство перед законом стоимости не исключает имущественного неравенства, а оно в свою очередь обуславливает неравенство политических возможностей. Формально буржуазное государство универсально и защищает интересы всего народа. Но фактически, как писал Маркс, «в существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса»⁴².

Но и эти индивиды участвуют в управлении обществом не сами, а опосредствованно, с помощью «особого разряда людей», количество, значение и роль которых возрастают вместе с усложнением управленческих функций. Уже в своих ранних работах Маркс показал, что отде-

ление управления от управляемых неминуемо порождает бездушный формализм и косность самих органов управления. Бюрократическое государство имеет своим основанием и следствием пассивность народных масс, внушая им, что «начальство *все лучше знает*», что об общих принципах управления «могут судить только *высшие* сферы, обладающие более всесторонними и более глубокими *знаниями* об *официальной* природе вещей»⁴³. Эту иллюзию разделяют и государственные чиновники, отождествляющие общественный интерес с авторитетом государственной власти и убежденные в том, что «правители-де могут лучше всех оценить, в какой мере та или иная опасность угрожает государственному благу, и за ними следует заранее признать более глубокое понимание взаимоотношений целого и его частей, чем то, какое присуще самим частям»⁴⁴.

С одной стороны, бюрократический аппарат преувеличивает свои реальные возможности. «Для бюрократа мир есть просто объект его деятельности»⁴⁵. С другой стороны, лежащий в основе бюрократической машины принцип «слепого подчинения, веры в авторитет, в *механизм* твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций»⁴⁶, нарушая «обратную связь» между звеньями чиновной иерархии, делает ее практически малоэффективной. Высшие инстанции обращаются за информацией о положении дел в какой-либо области к управляющему ею чиновнику. Но для него «вопрос о том, все ли обстоит благополучно в его крае, есть прежде всего вопрос о том, хорошо ли *он* управляет краем». В этом он обычно

не сомневается и уж, во всяком случае, никогда не признается. «В силу всего этого он, с одной стороны, будет находить положение далеко не таким бедственным, а с другой стороны, если он даже и находит его бедственным, то будет искать причины этого *вне* сферы управления, — отчасти в явлениях природы, не зависящих от человеческой воли, отчасти в условиях частной жизни, не зависящих от администрации, отчасти в случайностях, ни от кого не зависящих»⁴⁷.

Таким образом, бюрократия действительно есть «государство как формализм» (Гегель). «Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных дел; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение»⁴⁸. Государство, превращенное в совокупность «различных определенных бюрократических сил, связанных между собой посредством субординации и слепого подчинения», становится полем борьбы интересов чиновников. «Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, в *погоню за чинами, в делание карьеры*»⁴⁹.

Многие отмеченные Марксом черты бюрократического государства существовали уже в древневосточных деспотиях. Но капитализм, как это показал Маркс на опыте трех французских революций, усовершенствовал эту машину, сделал ее максимально рациональной и безличной. К тому же формально провозглашенные принципы свободы и равенства усиливают контраст

между идеологической формой и социально-политическим содержанием.

Сейчас бюрократический аппарат не только количественно разросся, но и качественно усложнился.

В 1801 г. весь государственный аппарат США составлял около 3 тыс. человек, из них 900 почтмейстеров и 1700 служащих казначейства. В военном и военно-морском ведомстве было 35 гражданских служащих, а весь штат госдепартамента состоял из 9 человек, включая государственного секретаря и курьера. К концу 1950-х годов количество государственных служащих в США, включая военных, достигло 10,5 млн. человек⁵⁰. Как признает крупнейший исследователь бюрократии в США Питер Блау, «большая и все возрастающая по размерам часть американского народа проводит свою трудовую жизнь в качестве маленьких винтиков в сложной машине бюрократических организаций»⁵¹. Это значит, что политические и управленческие функции все больше «отчуждаются» от конкретных индивидов. «К ним, т. е. к людям, которые должны стать объектами администрирования, бюрократы относятся без любви и без ненависти, совершенно безлично. Поскольку дело касается его профессиональной деятельности, управляющий-бюрократ не должен испытывать никаких чувств, он должен манипулировать людьми, как если бы они были числами или вещами»⁵². Но при этом он и сам становится всего лишь винтиком административной машины. Бюрократическая личность характеризуется статичностью и косностью.

Армия чиновников, писал В. И. Ленин,

«окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, заскорузла, оченела, она не в силах вырваться из этой атмосферы, она не может мыслить, чувствовать, действовать иначе как по-старому»⁵³. Чиновники, замечает П. Блау, «оказываются столь заняты скрупулезным применением детализированных правил, что теряют представление о самих целях своих действий»⁵⁴. Резюмируя крупное исследование, посвященное высокопоставленным чиновникам правительства США, известный американский социолог Ллойд Уорнер пишет: «Хотя федеральный руководитель вполне способен быть инициатором действия, у него есть тенденция больше реагировать на ситуацию, нежели самому формировать ее. Это в особенности верно в тех случаях, когда он сталкивается с задачей, требующей индивидуального действия. В ситуациях, где он работает в тесном контакте с другими, он чувствует себя легче, более свободно проявляет инициативу и вообще больше действует, чем служит объектом действия»⁵⁵.

Бюрократизации подвергается не только государство, но и хозяйственная жизнь, политические партии, где неуклонно возрастает роль партийных боссов, специального платного аппарата, общественные организации, благотворительные общества и т. п. Куда бы ни пошел человек, он всюду сталкивается с безличной «Организацией». И, что особенно важно, буржуазный государственный аппарат прямо противостоит народным массам; он не только не стремится развивать их инициативу, но систематически глушит ее, «выталкивает» массы из поли-

тики. «Государственные служащие считаются «слугами народа», но фактически они часто стоят над ним», — замечает известный американский социолог Роберт Мертон⁵⁶. Человек, попавший в лабиринт этой гигантской машины, чувствует себя потерянным и беспомощным. Вероятно, никто не описал это ярче, чем Кафка.

Социально-психологическим результатом этого является разочарование людей в политике, так называемая «деполитизация». Зачем я буду участвовать в политике, если от меня все равно ничего не зависит, если все важные решения принимаются помимо меня, а меня используют как простую марионетку?

Французский социолог П. Фужейрольяс⁵⁷ приводит характерные данные опроса населения. На вопрос «Интересуетесь ли вы политикой?» положительно («Да, интересуюсь») ответили 36% мужчин и всего лишь 13% женщин; 36% мужчин и 27% женщин ответили: «Интересуюсь время от времени», 28% мужчин и 60% женщин ответили: «Не интересуюсь». На вопрос: «Думаете ли вы, что, голосуя на предстоящих выборах, избиратели окажут влияние на политику страны?» — были даны следующие ответы:

Большое влияние	—14%
Весьма малое	—26%
Никакого влияния	—33%
Не знаю, что сказать	—27%

Рядовой гражданин не может в подобных условиях чувствовать себя ответственным за общество. «Отчужденный массовый человек находится в обществе, но не принадлежит к нему. Он не принимает ответственности за сохранение

ценностных систем, поэтому объект его привязанностей может легко изменяться», — пишет американский социолог Ф. Селзник⁵⁸. Это способствует измельчанию человеческих идеалов, сужению общественно-политических горизонтов личности.

Дело не в том, что люди не интересуются политикой, а в том, что они не находят своего места в ней. Политическая апатия для многих людей является своеобразной и, конечно, незрелой, формой тотального «неприятия» существующей действительности. Но это весьма опасное состояние. Тормозя рост политической активности и сознательности людей, современный капитализм создает тем самым аполитичную и недифференцированную «массу», складывающуюся из представителей разоряющейся мелкой буржуазии, различных деклассированных элементов и отсталых слоев рабочего класса. Объективно эти люди страдают от капитализма, но изменить что-либо они бессильны и их раздражение и разочарование выражается лишь в смутном, глухом недовольстве. Именно потому они легко поддаются демагогическим внушениям фашистского толка и используются в качестве ударной силы для разрушения буржуазно-демократических свобод и институтов, в которых для них не нашлось места. История германского (да и всякого иного) фашизма наглядно показывает эту истину. Неумение найти адекватный выход для своей политической активности, сознание своей беспомощности перед силой безличной «организации» рождает иррациональную агрессивность, тяготение к насилию и разрушению. Но втискивается ли человек в

прокрустово ложе бюрократической машины или находит «откровение» в истерических завываниях демагога-«вождя», он в обоих случаях остается объектом манипуляций, пешкой в чужой игре.

ГРИМАСЫ «МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ» ⁵⁹

Итак, труд обезличивается, дегуманизируется, а в общественно-политической жизни господствует холодный бюрократизм... Но ведь существует еще досуг, свободное время, которое человек может использовать по собственному усмотрению! Когда Маркс писал «Капитал», средняя продолжительность рабочего дня французских рабочих составляла 13 часов. У рабочих, описанных в книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», практически не было досуга; их «свободное время» было едва достаточным для того, чтобы восстановить израсходованные на работе силы. Сейчас положение другое. Во всех развитых капиталистических странах продолжительность рабочего дня ограничена законом. Существуют оплачиваемые отпуска, социальное страхование и т. п. Казалось бы, это создает все условия для развития личности, даже если ее труд является рутинным и неинтересным. Именно так ставят вопрос многие социологи. Французский социолог Жоффр Дюмазедье даже назвал свою книгу «К цивилизации досуга?» ⁶⁰. Но он не случайно поставил вопросительный знак в конце.

Во-первых, нынешнее сокращение рабочего дня, столь значительное по сравнению с эпохой раннего капитализма, не следует преувеличивать. Ведь именно капитализм в свое время ли-

шил рабочего досуга, предусмотренного средневековыми регламентами, запрещавшими работать по воскресеньям, многочисленным праздникам и т. п. По подсчетам Г. Виленского, основанным на исчислении годового досуга и свободного времени, которым человек располагает на протяжении всей своей жизни, современный квалифицированный рабочий всего лишь достиг в этом отношении уровня ремесленника XIII в. ⁶¹. Во-вторых, необходимо учитывать неравномерность распределения свободного времени между разными классами и социальными группами. В-третьих, встает вопрос, как используется это освободившееся время?

Дегуманизация труда действительно повлекла за собой перемещение личных идеалов большинства людей из сферы производства в сферу быта и потребления. Говоря словами покойного Р. Миллса, «идолы предприимчивости и трудолюбия» сменились в общественном сознании «идолами досуга и потребления». Я — маленький человек и не стремлюсь стать великим мира сего. Работа нужна мне лишь для того, чтобы существовать, она не является моей главной жизненной задачей. Моя истинная жизнь начинается за стенами фирмы. Здесь я свободен и индивидуален. Пока я молод, у меня есть друзья и приятельницы, с которыми можно весело провести время, выпить, развлечься. А когда я стану старше, появится семейный очаг, уютный домик, защищающий меня от холодного и равнодушного внешнего мира. Если мне скучно, я могу почитать книжку, посмотреть телевизор, сходить в кино, «поболеть» за любимых спортсменов. Если моя собственная

жизнь кажется мне бедной и однообразной, я могу «обогатить» ее информацией об интимных подробностях жизни кинозвезд и других знаменитостей (социологи называют это «ложной идентификацией»). Чего же еще? Кто мешает мне развить свою индивидуальность в любом удобном мне направлении?

Увы! Фетишизация досуга и потребления как преимущественной сферы развития личности оказалась тоже иллюзорной и беспочвенной. Д. Рисмэн, который в своей книге «Одинокая толпа» писал, что в современном обществе развитие личности может осуществляться не в сфере труда, а в сфере досуга и развлечений, теперь прямо признает свою ошибку: «Время, которое легло на досуг вследствие дезинтеграции труда, слишком велико, чтобы с ним можно было сладить; досуг не только не может спасти труд, но и сам гибнет вместе с ним; он может иметь смысл для большинства людей, только если труд имеет смысл»⁶². И это вполне естественно.

Если труд и общественная деятельность не формируют у человека привычку самостоятельно мыслить и чувствовать, не пробуждают у него многообразных и сложных духовных потребностей, откуда же возьмутся эти потребности в сфере досуга? Конечно, человек дома может быть совсем не таким, как на работе, особенно если работа ему не нравится. Но раз выработанная привычка к стандарту, укоренившийся в психологии личности конформизм, неизбежно дадут себя знать и здесь и, возможно, даже сильнее, чем в сфере труда.

Пока человек на работе, он подчинен опре-

деленному внешнему, заданному ритму, ритму машины, конвейера или чиновничьей рутины. Выйдя с работы, индивид освобождается от этого ритма. И что же? Очень часто он просто не знает, что делать. Его фантазия, сформированная ограниченными социальными условиями его жизни, слишком бедна, его культурные запросы узки, неразвиты. Оказавшись свободен, он первым делом оглядывается на других: а что делают другие? И снова, незаметно для самого себя, он оказывается во власти безличного стандарта.

Приятель пьет и находят, что это весело. Что ж, значит, так надо. Если мне это кажется скучным, вероятно, я не вполне нормален. Приятель ставит деньги на собачьи бега? Что ж, поставлю и я. Главное,— не отстать от других, не остаться одному, быть таким, как все. Но что значит, быть как все? Снова нивелировка, снова стандарт. Стандартные моды, стандартные развлечения, стандартный тип кинозвезд... Досуг, оторванный от труда и противопоставленный ему, ориентированный на «маленького человека», отгороженного от большой общественной жизни, неминуемо приводит к измельчанию человека, а следовательно, к все большей его стандартизации.

Маркс писал, что при капитализме «в прямом соответствии с *ростом стоимости* мира вещей растет *обесценение* человеческого мира»⁶³. Зримым подтверждением этого тезиса может служить кризис, переживаемый сегодня гуманитарной культурой и особенно заметный на фоне блестящих успехов естествознания и техники.

Тема эта далеко не нова. Об угрозе техницизма и порабощения человека машиной писали еще романтики начала XIX в. Еще острее звучала эта тема в новейшее время. Даже социологи, далекие от подобных настроений, констатируют «разрыв» или «отставание» духовной культуры общества от его материально-технической базы. Люди мало интересуются тем, что лежит вне сферы их профессиональной деятельности. Число людей с высшим и средним образованием растет, но кругозор их очень узок. Большую группу американских аспирантов просили назвать авторов 12 всемирно известных книг, таких, как «Листья травы», «Путешествия Гулливера», «Происхождение видов» и т. п. 39% опрошенных могли назвать не более трех имен⁶⁴. В научной работе прикладные, утилитарные вопросы постепенно вытесняют теоретические, фундаментальные исследования. Искусство из средства познания жизни и самого человека, из откровения все больше превращается в простое развлечение, в средство отвлечься от сложных жизненных проблем. Так, по данным одного французского обследования⁶⁵, 23% посетителей кино ходят туда только для того, чтобы провести время. Как сказал один тридцатилетний техник: «Я хожу туда, чтобы провести время, когда мне нечего делать в воскресенье». Большинство опрошенных (40%) ищут в кино «воображаемую жизнь», не похожую на их собственную: «Я не хожу смотреть печальные фильмы, жизнь и так достаточно грустна»; «В кино я хочу смеяться, потому что в жизни такой случай не часто представляется». Только 24% идут в кино ради самообразования, получе-

ния какой-то информации, но они часто понимают это весьма примитивно, утилитарно. Не лучше обстоит дело с посещением музеев, концертов, чтением книг и т. п. «Культура — это то, что остается, когда не знаешь, чем заняться», — говорит один из героев Франсуазы Саган⁶⁶, и это вульгарно-потребительское отношение к культуре типично для значительной части современной молодежи Запада.

Отсюда — и такое специфическое явление, как «массовая культура».

На Западе давно уже укоренилось деление людей (и, соответственно, их культурных запросов) на три уровня: «высоколобых» (имеется в виду верхушка интеллигенции, элита, обладающая тонким, изощренным вкусом), «средне-лобых» (большая часть интеллигенции) и «низколобых» (имеются в виду «необразованные» массы, которым якобы доступны лишь самые низменные развлечения). Подлинная высокая культура создается и воспринимается только первой, самой малочисленной группой. Что же касается третьей, самой массовой категории, то ее уровень настолько низок, что для нее приходится создавать особую «массовую» культуру, эрзац-культуру (комиксы, голливудские фильмы, вульгарные эстрадные ревью, стриптизы и т. п.), которая является «культурой» лишь по названию и которую известный американский журналист Дуайт Макдональд иронически называет словом «маскульт». «Маскульт» не имеет ничего общего с фольклором, народной культурой прошлого. Народная культура создавалась самими трудящимися, она была непосредственным выражением их жизненного опыта и их эстети-

ческого чувства, она никоим образом не была стандартной. «Масскульт», напротив, не вырастает из творчества масс, а создается для них другими людьми, сознательно ориентирующимися на неразвитые и низменные вкусы. Поэтому он не только не служит «мостом» от «высокой» культуры элиты к «народной» культуре масс, но неумолимо подрывает, разрушает как ту, так и другую. «Масскульт» — это прежде всего серость, стандарт, безличность, бездарность.

Проблеме «масскульта» посвящены уже десятки книг и сотни статей, написанных с весьма различных позиций. Наиболее стройную теорию «масскульта» предложил нью-йоркский социолог Эрнест ван ден Хааг⁶⁷. По мнению ван ден Хаага, «массовая культура» является порождением любого индустриального общества, где господствует массовое производство, а ее основные черты сводятся к следующему:

1) Прежде всего происходит отделение производителей культуры от ее потребителей, составляющее часть общего отделения производства от потребления и труда от игры. Культура превращается в значительной мере в «зрительный спорт», в котором люди созерцают то, чего они сами не переживали.

2) Массовое производство, рассчитанное на удовлетворение средних вкусов или вкусов большинства, неизбежно прибегает к стандарту. Стандартизация же, не удовлетворяющая в действительности ни одного вкуса полностью, в корне подрывает какую-либо индивидуальность. Этому способствуют технические средства, с помощью которых обеспечивается массовое производство и сбыт продуктов культуры.

3) Поскольку культура, как и любая продукция в массовом обществе, производится главным образом с расчетом на средние вкусы потребителя, производители культуры приобретают и сохраняют свое привилегированное положение не столько благодаря тому, что развивают и культивируют автономные вкусы, сколько благодаря тому, что угождают уже сложившимся вкусам потребителя.

4) Необычайно возросший соблазн массового рынка отвлекает потенциальный талант от подлинного творчества. У художника, в сущности, нет стимула создавать сложные вещи в условиях, когда легкая массовая продукция оплачивается значительно лучше.

5) Большинство людей предпочитают отвлекаться от жизни, вместо того чтобы проникать в ее тайны, убаюкиваться традиционными, привычными напевами, нежели утруждать себя восприятием новых.

6) Люди боятся одиночества и непопулярности. Одобрение окружающих становится единственным моральным и эстетическим критерием, который признает большинство людей.

7) Условия жизни современного города способствуют изоляции людей друг от друга, развивают в них стремление бежать от самих себя, от всякого непосредственного опыта. Поэтому наряду с ростом числа контактов происходит резкое ослабление их интенсивности. Люди становятся безразлично и неразборчиво терпимы. Их собственная жизнь, так же как и все остальное, становится все более тривиальной, эклектической, лишенной сколько-нибудь определенного стиля.

8) Одно из основных назначений «массовой культуры» состоит в том, чтобы отвлекать людей от скуки жизни. Однако в силу того, что «массовая культура» порождает привязанность к готовому, стандартному опыту, она лишает личность возможностей автономного развития и обогащения своего личного опыта. От этого жизнь людей становится еще более скучной и пустой.

«Большинство людей,— заключает ван ден Хааг,— до седых волос кормятся манной кашкой, они приучены к тому, что им всегда все разжуют и в рот положат. Они ощущают смутное беспокойство и неудовлетворенность, но сами не знают, чего хотят, и не смогли бы прожевать и переварить то, чего им не хватает. Повара неустанно рыщут по всему свету, разыскивая рецепты новых блюд. Но получается всегда одно и то же — та же унылая каша, тщательно процеженная, растертая, взбитая, подогретая, охлажденная».

Речь идет о действительно массовых процессах. По подсчетам социологов, 8 из 10 американцев по меньшей мере 4 часа ежедневно уделяют просмотру телевизионных программ или слушанию радио или тому и другому. Образовательный уровень мало влияет на эту практику. Люди с высоким образовательным цензом критикуют телевизионные программы, но тем не менее не могут «отключиться» от них, хоть и испытывают чувство вины. Только трое из пяти наиболее образованных профессоров и юристов полностью отвергают «низколобые» фаворитов телевидения; большинство так или иначе воспринимает и «высоколобые» и «низколобые»

программы⁶⁸. То же и с чтением. Около 60% населения США читает, в основном, бульварную литературу (одних только комиксов выпускается 700 млн. экземпляров в год), в то время как серьезные книги читают не больше 10—15% американцев⁶⁹. По данным Г. Виленского, большинство американцев, читающих по крайней мере один «высоколобый» журнал, читают также средне- и низколобые издания. Только 3% этих людей читают исключительно «высоколобые» журналы, а «высоколобых» книг читают даже меньше, чем массового чтения. Лишь один из четырех опрошенных специалистов с образованием в объеме колледжа мог сказать, что в течение двух месяцев он прочитал какую-то «высоколобую» книгу. Все это, несомненно, способствует определенной культурной стандартизации. «Быть социально интегрированным в Америке,— заключает Виленский,— значит принимать пропаганду, рекламу и быструю смену потребительских вкусов»⁷⁰.

От этой стандартизации страдают и сами художники, писатели, артисты, труд которых утрачивает творческий накал. Французский социолог Эдгар Морен пишет: «В культурной промышленности замечается увеличение числа авторов, которые не только презирают свой труд, но и прямо отмежевываются от него. Автор не может больше отождествить себя со своим трудом. Между ним и его трудом выросло отвращение. Таким образом исчезает величайшее удовлетворение художника — отождествиться со своим произведением, основать на нем собственную трансцендентность. Этот тип отчуждения сродни тому, что происходит с промышленным

рабочим, но он протекает в специфических субъективных и объективных условиях и с одним существенным различием: автору *переплачивают*»⁷¹.

Это наблюдение подтверждается бесчисленными фактами. 141 писателя, пишущего сценарии для Голливуда, просили высказать мнение об американском кино. Из 169 замечаний о содержании фильмов 133 оказались совершенно отрицательными, 11 неопределенными и лишь 25 — положительными⁷². Многие авторы, раз попробовав работу в кино, отказываются в дальнейшем иметь с ним дело. Не лучше положение и в других сферах. Известный американский журналист Т. С. Мэтьюз, 24 года проработавший в редакции журнала «Тайм» на видных должностях, пишет в своей автобиографии: «Я не мог принимать «Тайм» всерьез... Я не любил «Тайм». На каждой моей статье я мог бы написать правду: «Я не люблю мою работу»». Всю жизнь он, редактор журнала, был вынужден выражать чужие, а не свои взгляды. Рецензенты его автобиографической книги имели все основания сказать, что это рассказ о том, «как добиваются успеха и одновременно теряют собственную индивидуальность»⁷³. И это не частный случай, а типичная история.

ЛИЧНОСТЬ И «СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Описываемый процесс стандартизации распространяется на все сферы человеческой жизни, вплоть до самых интимных отношений. Его можно проследить даже в области сексуальных отношений.

Как известно, Фрейд прямо сформулировал тезис о вечном и неразрешимом противоречии между половым влечением, с одной стороны, и цивилизацией, с другой. Это противоречие, по Фрейду, обусловлено несколькими причинами. Во-первых, оно упирается в несовместимость принципа удовольствия, который лежит в основе Id, с принципом реальности, на котором держится цивилизация. Во-вторых, конфликт между цивилизацией и сексуальностью коренится в том, что половая любовь — это отношения двоих людей, где третий — всегда лишний, тогда как цивилизация основана на отношениях между большими группами; любовные отношения на своей высшей точке не оставляют места для интереса к окружающему миру, пара любовников замыкается в себе: чтобы быть счастливыми, им не нужен даже ребенок. Отсюда — представление об иррациональности либидо и необходимость социальной репрессии, которая неизбежно усиливается по мере развития цивилизации. Рациональная цивилизация стремится к десексуализации человека. Но ослабление Эроса неизбежно означает усиление Танатоса, инстинкта смерти (количество психической энергии, по Фрейду, неизменно), с вытекающими отсюда разрушительными тенденциями современного общества — войнами, насилием и т. д.

Выше я уже говорил о несостоятельности чисто биологической трактовки человеческого полового чувства. Но почему именно сексуальность в большинстве известных нам обществ подвержена наиболее строгим табу? Как показал еще Ф. Энгельс в «Происхождении семьи,

частной собственности и государства», дело здесь не столько в иррациональности полового чувства, сколько в репрессивном характере цивилизации, основанной на порабощении человека продуктами его же собственной деятельности.

Очеловечение сексуальности началось еще в глубокой древности. Романтическая любовь — продукт длительной истории, она органически связана с процессом формирования человеческой индивидуальности. В отличие от недифференцированного полового влечения, романтическая любовь предполагает сложившуюся личность, все проявления которой глубоко индивидуальны. Кроме того, любовь мыслится как отношение двух индивидуальностей, предполагает взаимность и, следовательно, хотя бы в этом единственном отношении — равенство мужчины и женщины.

На ранних стадиях общественного развития такое индивидуализированное чувство могло возникать только как исключение из общего правила.

Если бы цивилизация боролась только с иррациональным, недифференцированным половым влечением, то с возникновением романтической любви проблема была бы снята. Но суть дела состоит именно в том, что цивилизация, о которой говорит Фрейд, основана на отчужденном труде, человек в ней — не самоцель, а средство. Романтическая любовь, захватывающая человека целиком, объективно является в ней чужеродным телом, мало того, вызовом господствующей системе. Любовь «не укладывается» в рамки вещных отношений. Поэтому она ока-

зывается вне официального общества. У греков это пастушеские идиллии либо связь с гетерами, в средние века наиболее сильные чувства ассоциируются с супружеской неверностью.

Не случайно едва ли не все подлинные и вымышленные истории о возвышенной любви кончаются трагически. Сами того не сознавая, любовники бросают вызов социальной системе, в которой индивидуальность скована сословной, кастовой, религиозной принадлежностью, и общество отвечает на этот вызов моральными и социальными репрессиями. Да и как могло быть иначе?

Как ни мучается угрызениями совести, за которой стоят прочно усвоенные нормы христианской морали, постриженная в монастырь Элоиза, как ни отгоняет она «грешные видения», любовь к Абеляру для нее выше всего, даже любви к богу. «Бог свидетель, — пишет она своему возлюбленному, — что я всю мою жизнь больше опасалась оскорбить тебя, нежели бога, и больше стремлюсь угодить тебе, чем ему. И в монастырь я вступила не из любви к богу, а по твоему приказанию. Подумай же, сколь печальную и жалкую жизнь я влачу, если и на земле я терплю это все напрасно и в будущей жизни не буду иметь никакой награды»⁷⁴. Такое чувство кощунственно в глазах церкви, оно гораздо опаснее прелюбодеяния, совершенного из простой похоти, удовлетворив которую, человек раскаивается... до следующего раза.

Христианская церковь официально провозглашает греховность плотской любви, брак оправдывается только необходимостью деторождения, все же остальное — грязно и низменно.

Именно здесь теоретически оформляется тот дуализм романтически возвышенного чувства (агапе) и низменного полового влечения, о котором я говорил выше и который, по сути дела, не преодолел и Фрейд. С одной стороны, подавленная сексуальность находит выход в невротической любви к богу, в религиозном экстазе. С другой стороны, церковь санкционирует проституцию, а «просвещенные» папы эпохи Возрождения (Юлий II, Лев X, Климент VII) даже сами строят публичные дома. Этот разрыв идеального и реального наблюдается и в обыденной жизни: трубадуры поют о возвышенной любви к прекрасной даме, а свои земные потребности удовлетворяют с камеристками или с пажами.

Возрождение, поднявшее на щит человека и человеческое, реабилитировало и половое влечение. То, что казалось аскету «плотским грехом», стало теперь естественной и здоровой «телесной радостью». Но ренессансный культ любви — в первую очередь культ тела, культ наслаждения. Герои Боккачио ищут не интимности, а наслаждения. Когда же наслаждение становится самоцелью, оно тяготеет ко все большей изощренности. Культ здоровой сексуальности, типичный для Ренессанса, превращается у аристократии XVII—XVIII вв. в культ сексуальной изощренности и распутства, в котором отсутствует всякий духовный элемент. Секс становится флиртом, развлечением, а женщина — только средством наслаждения.

Не романтическая любовь и не грозный Эрос древних, а шаловливый Амур — вот типичный символ изнеженного XVIII в.

Становление нового, буржуазного общества

не могло не затронуть и эту сторону жизни. В противовес утонченной бесчувственности старой аристократии, литература начинает воспевать безыскусственные, искренние чувства простого человека (сентиментализм), поэтизировать всепоглощающую роковую страсть (романтизм). Маркиз де Сад уступает место мечтательному Вертеру или метущимся героям Байрона.

Но поэзия чувств снова разбивается о прозу действительности. Исчезли розы, но остались цепи. В рамках безличных товарно-денежных отношений нет места индивидуальному чувству, а физические отправления кажутся чем-то неприличным. Викторианское ханжество вообще не признает проблемы пола, она снова становится строжайшим табу. Но практически устранить ее невозможно, и соответствующие стремления уходят в «подполье», реализуются тайком, переживаются как что-то непристойное.

Именно с таким материалом встречался в своей клинической практике Фрейд. «Любовное поведение мужчин в теперешней цивилизации, — писал он, — несет в себе тип психической импотентности. Нежное и чувственное стремление только у немногих культурных людей сливаются друг с другом. В своем сексуальном самоутверждении мужчина почти всегда чувствует себя стесненным своим уважением к женщине и вполне разворачивается в этом отношении, только имея дело с низшим сексуальным объектом»⁷⁵. По мнению Фрейда, эстетическое и сексуальное, красота и наслаждение находятся в неустранимом противоречии. «Гениталии не проделали вместе с остальными человеческими

формами путь к красоте, они остались животными. Любовь сегодня по своей сущности так же животна, какой она была всегда»⁷⁶.

Фрейд здесь рассуждает как моралист, он лишь переводит на медико-биологический язык нормы и представления иудейско-христианской морали. Не вернее ли поставить этот вопрос иначе: иррационально не половое влечение, а общество, которое не может удовлетворительно символизировать и организовать его? Блокируя высшие, максимально очеловеченные формы сексуальности (романтическая любовь), общество само толкает индивида к более примитивным, низменным формам. Но эти последние морально осуждаются. В результате — растущая неудовлетворенность, неуверенность и гнетущее чувство вины.

Фрейд, таким образом, нащупал реальную проблему, но из-за своего неисторического подхода не сумел правильно поставить ее. Прорвав «заговор молчания» вокруг вопросов пола, он в то же время сохранил старую дихотомию духовной и телесной любви. И если сначала его труды скандализировали буржуазную публику, то затем положение изменилось. Вопреки моралистической тенденции самого Фрейда, его теория была использована в целях оправдания и возвеличения именно тех форм сексуальности, которые он сам считал патологическими и пытался объяснить.

В последние годы на Западе, особенно в США, много говорят и пишут о так называемой «сексуальной революции», под которой понимается дезорганизация семьи, ослабление регулятивной функции брака, либерализация поло-

вой морали, растущая свобода половых отношений и т. п. Выше я уже касался некоторых аспектов этой проблемы. Нужно, однако, подчеркнуть, что выдвижение сексуальных интересов на авансцену общественной жизни органически связано с кризисом общества.

Как справедливо заметил Д. Рисмэн⁷⁷, для многих молодых людей секс стал своего рода «последней границей», где они надеются найти (или сохранить) свою индивидуальность. Один американский донжуан так выразил эту мысль: «Я хорошо зарабатываю, но мой бизнес меня не вдохновляет. Работать больше — значит только зарабатывать лишние деньги для правительства. У нас нет ни новых миров, ждущих завоевания, ни девственных земель, которые нужно изучать; разве что космос, но ведь не все мы — космонавты. Вы знаете, многие буквально сходят с ума, изобретая себе увлекательное хобби, вроде собирания марок или копания в саду, и убеждают себя в том, что они счастливы. Но все это — самообман. Я предпочитаю черпать это вдохновение в сексе, который гораздо больше, чем хобби. Это подстегивает, интересуется и возбуждает меня. И это никогда не дает мне забыть, что я жив»⁷⁸.

Сексуальная распущенность иногда переживается молодыми людьми как их протест против общественного конформизма, как возможность практически продемонстрировать свое «неприятие» существующего общества и его ханжеской морали⁷⁹.

Но, увы, эта «независимая жизнь» тоже оказывается иллюзией. Молодые люди этого типа хотят в сфере сексуальных отношений обрести

все то, в чем отказывают им другие стороны жизни. Но при ближайшем рассмотрении лекарство оказывается лишь симптомом болезни. Расчлененный индивид большей частью не способен на яркое, цельное чувство, в его сексуальных отношениях проявляются те же расщепленность, конформизм и холодность, что и в других сферах жизни. Лихорадочное стремление «братство от жизни» мешает ему отдаваться самому. В результате чем больше поисков, тем больше разочарований. «Овеществленный секс» так же функционален, как и все остальное. Девушка ищет поклонников не ради собственного удовольствия, а ради социального престижа. Юноша сближается с девушкой не потому, что ему этого хочется, а потому что «так принято». «Мне всегда удавалось иметь достаточно свиданий, даже когда была сильная конкуренция (как характерен сам выбор слов! — *И. К.*). Но, по правде, я думаю, что делал это не потому, что хотел, а потому, что мне нужно было доказать, что я могу. Я не понимал этого, пока мы не обручились, и теперь я счастлив, что не нужно продолжать эту гонку, все одну и ту же рутину»⁸⁰. Чем больше количество связей, тем меньше в них искомой интимности и индивидуальности. Сама доступность связи снижает ее привлекательность, делает ее чем-то обыденным. А ведь искали-то именно необычного!

Превращение сексуальности в число предметов массового потребления делает из нее такую же вещь, как и прочие. Грозный, кровожадный зверь, прорывавший любые барьеры, оказался всеядным. Либерализация половой морали, отказ от иррациональных по своей сути табу — не-

обходимое, но далеко не достаточное условие подлинного освобождения человеческих чувств. Здесь, как и в других сферах жизни, «свобода от» немного стоит, если нет «свободы для».

РАЗРУШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Как сказывается все это на человеке, на его характере? Философы, социологи, психиатры в один голос говорят о растущей тенденции разрушения личности, деиндивидуализации человека, его растворении в безликой массе. «Проблема индивида, теряющего свою индивидуальность в массе, это типичная проблема современного мира»⁸¹.

С одной стороны, происходит, так сказать, внешняя стандартизация и нивелировка людей под влиянием общих для них всех условий жизни и воздействием средств массовой коммуникации. Люди выполняют одинаковую работу, живут в одинаковых домах, читают одни и те же книги, подражают одним и тем же кинозвездам. Даже скучают они одинаково. Это делает людей все более единообразными и однотипными, похожими на автоматы. Что же касается индивидуальности, то она, по выражению Рисмэна, вырождается «в эгоцентризм и эксцентричность»⁸².

С другой стороны, личность разрушается изнутри, вследствие неразрешимого противоречия между унаследованными от прошлого индивидуалистическими установками и современной социальной действительностью. Попытка реально изолироваться (или вынужденная самоизоляция) от других людей рождает мучитель-

ное чувство внутренней опустошенности и бессилия, доходящее до потери собственного Я. Именно это самоотчуждение американские психиатры считают наиболее типичным современным неврозом. Пациенты Фрейда в начале века страдали главным образом от противоречий между интернализированными запретами, табу и тем, чем, по их мнению, они сами являлись. Современный невротик, напротив, ищет ответа на вопрос, во что он должен верить, кем он должен или мог бы стать. В психоанализе ищут «убежище от разорванности существования, отход и возвращение к более патриархальным межиндивидуальным отношениям»⁸³. Расщепленный на множество недостаточно интегрированных и потому внешних ролей, индивид жаждет устойчивости, тепла и интимности, которые можно найти лишь в общении с другими.

Но попытка такого единения на базе и в рамках существующей социальной действительности чаще всего выливается в психологический конформизм, почти животную потребность «быть с другими», «принадлежать» к какому-то целому. Индивид, для которого свобода означает просто отсутствие ограничений и который не имеет осмысленной жизненной перспективы, который не знает, для чего он свободен, неизбежно переживает эту свободу как проклятие. Каждый раз, когда он остается сам с собой, он испытывает внутреннюю пустоту и тоску. Слиться с другими, все равно с кем, все равно во имя чего, — вот его единственная мечта. «Бегством от свободы» назвал это Эрих Фромм. Счастье в том, чтобы «быть как все». И если «все» превращаются в отвратительных носорогов, ли-

шенных разума, чести и чувства, — все равно, только бы не остаться в одиночестве или хотя бы в меньшинстве. Пьеса Ионеско «Носороги» дает для понимания психологии фашизма не меньше, чем иное специальное исследование.

Впрочем, нет недостатка и в исследованиях. Достаточно назвать уже цитированную книгу Д. Рисмэна «Одинокая толпа», которая стала в Америке, да и в Европе, своего рода социологическим бестселлером (ее тираж превысил 500 тыс. экземпляров). По мнению Рисмэна, в XIX в. преобладающим типом социального характера в США и в других капиталистических странах была личность, «ориентируемая изнутри» (*inner-directed*). Направленность стремлений такого человека могла быть какой угодно: это могло быть и стремление к обогащению, и желание сделать карьеру, и религиозный аскетизм. Но личность, «ориентируемая изнутри», характеризуется устойчивостью жизненных целей, целеустремленностью. Напротив, в современной Америке, по Рисмэну, все больше преобладает другой тип человека — личность, «ориентирующаяся на других» (*other-directed*). Человек этого типа не имеет устойчивых жизненных целей и идеалов. Он стремится прежде всего к гармонии с окружающими людьми и свое поведение ориентирует на то, чтобы быть похожим на окружающих и вызывать у них любовь и одобрение. Такой человек легко меняет свои взгляды, если изменилось общественное мнение. Он настолько поддается внешним влияниям, что не только окружающие, но и сам он не знает, в чем же, в конце концов,

состоит его индивидуальность. Если психологический механизм личности, «ориентируемой изнутри», Рисмэн сравнивает с гироскопом, то человек, «ориентирующийся на других», как бы имеет внутри радар, чутко реагирующий на любые внешние сигналы. Это явно связано с бюрократизацией общества и совершенствованием методов манипулирования людьми.

Западные философы и социологи необычайно ярко и выпукло описывают симптомы отчуждения и разрушения индивидуальности. Традиции старого индивидуализма делают их особенно чувствительными ко всем нюансам этого процесса. Но какой выход они предлагают? Есть два основных варианта.

Одни авторы, констатируя разрыв самосознания индивида и его реального социального положения, считают единственно возможным путем приспособление индивида к обществу, приведение ценностных ориентаций личности в соответствие с ее реальной ролевой структурой. Надо отказаться от философии индивидуализма, понять и принять существующие формы социального контроля и таким путем найти самоуспокоение.

На индивидуально-психологическом уровне эту конформистскую по своей сути тенденцию воплощает в себе фрейдистский психоанализ. В общей теории Фрейда содержалась определенная, до конца не осознанная самим Фрейдом, социально-критическая струя. Постулированное Фрейдом противоречие между инстинктивной природой человека и цивилизацией неизбежно делает развитие человека и общества конфликтным, причем этот конфликт разворачивается как

внутри личности, так и между индивидом и обществом. Метапсихология Фрейда отражает и абсолютизирует реальный конфликт, свойственный миру, в котором любые социальные нормы и отношения противостоят индивиду как нечто внешнее и репрессивное, а спонтанные движения индивида воспринимаются обществом как иррациональные и разрушительные⁸⁴. Однако Фрейд считал это противоречие внеисторическим, принципиально неразрешимым. Единственное, чем можно облегчить положение личности, — это помочь ей приспособиться к существующей среде, что и достигается с помощью психоанализа.

Если речь идет о больном-невротике, такой путь представляется правильным: врач не в силах изменить социальные условия, травмировавшие его пациента, он может только помочь ему приспособиться к этим условиям, чтобы избежать новых травм. Но когда психоанализ претендует быть универсальным средством разрешения социальных противоречий — обнаруживается его консервативная, охранительная сущность. Перенося наблюдаемое противоречие из макрокосма общественных отношений в микрокосм индивидуального сознания, психотерапия этого типа подменяет критику общества самокритикой личности. Человек ощущает иррациональность действительности, а ему говорят, что все дело в иррациональности его собственной психики. Рабочий возмущен, что капитал манипулирует его личностью как вещью, а психоаналитик говорит ему, что он просто переносит на предпринимателя чувства, которые в детстве питал к своему отцу. В результате социальная

проблема отступает на задний план, внимание личности переключается на собственное Я, протест воспринимается как патология, а приспособление к действительности, какова бы она ни была, — как норма.

На социально-психологическом, коллективном уровне ту же самую функцию приспособления индивида к его социальной роли выполняют теория и практика так называемых «человеческих отношений в промышленности»⁸⁵. Внешне это выглядит вполне пристойно и даже гуманно: ставится задача максимально облегчить положение рабочего, чтобы он почувствовал себя в фирме «как дома». Администрацию специально обучают вежливости и обходительности, тратят значительные суммы на организацию досуга и быта рабочих и т. д. Но за этим стоит ложная идея гармонии интересов труда и капитала, которую всеми силами внедряют в сознание трудящихся.

Капитал не довольствуется присвоением труда рабочего, но пытается манипулировать и его чувствами, контролировать и направлять всю его личную жизнь. Если рабочий недоволен своей жизнью, надо помочь ему приспособиться к ней, но не может быть и речи об изменении самой социальной реальности. Один промышленный консультант так выразил эту мысль: «По крайней мере половину трудностей среднего служащего можно облегчить, просто дав ему возможность «выговориться». Даже не требуется предпринимать по этому поводу каких-то действий. Все, что нужно, — это терпеливо и вежливо слушать, объясняя, когда это необходимо, почему ничего нельзя сделать... Чтобы

удовлетворить рабочих, вовсе не всегда обязательно выполнять их желания»⁸⁶.

Люди, более критично оценивающие перспективы и возможности капитализма (Рисмэн, Фромм, Маркузе), отвергают эту конформистскую программу, усматривая в системе «человеческих отношений» изощренный обман (в лучшем случае самообман), «ложную персонализацию» безличных по своей природе отношений. Но их протест против отчужденных отношений имеет очень абстрактный, глобальный характер. Осуждая буржуазную действительность, они часто исходят не из реальных тенденций и возможностей общественного развития, а из старого индивидуалистического идеала, который сам нуждается в критическом анализе. Отсюда — отсутствие четкой положительной программы, своего рода романтический негативизм. «Критическая теория общества, — заканчивает свою последнюю книгу Г. Маркузе, — не владеет понятиями, способными заполнить брешь между настоящим и будущим; не давая обещаний и не показывая успеха, она остается негативной. Поэтому она хочет остаться верной тем, которые, не имея надежды, отдавали и отдают свои жизни Великому Отказу»⁸⁷.

4. БЛЕСК И НИЩЕТА БУРЖУАЗНОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА

Меня спрашивали, почему я с теми, кто стремится взорвать сегодня. Да, да, не весь мир, а именно сегодня — запомните это.

Витезслав Незвал

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ?

Понятие отчуждения, отчужденного мира позволяет ярко и образно выразить неудовлетворенность социальным миром, в котором человеку-творцу отводится неподобающее ему место. Но, как правильно заметил Ю. А. Левада, категория отчуждения не имеет конкретно-исторического характера. «Это способ описания определенных сторон антагонистической социальной действительности по отношению к ее предвидимой, возможной, желаемой и завоевываемой перспективе. Когда мы говорим о том, что рабочий в буржуазном обществе лишен средств производства или лишен культуры, этим вовсе не предполагается, что «лишение» явилось историческим фактом, т. е. что когда-то имелось «обладание», а затем — «потеря». Реальный смысл такого способа выражения состоит в том, что рабочий класс не имеет средств производства и культуры, но может и должен владеть ими. В этом смысле правомерно говорить об отчуждении и преодолении его (причем это может относиться лишь к такому изменению, которое является назревшей и реальной общественной потребностью)»⁸⁸.

Понятие отчуждения фиксирует специфическую форму взаимоотношений между родовым человеком и отдельной личностью. Вся совокупность общественного богатства, культурных ценностей, форм общения — не что иное, как объективация, и в этом смысле отчуждение человека как рода. Но это отчуждение есть одновременно и присвоение: каждый индивид в процессе обучения, воспитания, деятельности присваивает то, что создано его предшественниками и современниками, и из этих присвоенных элементов конструирует собственную личность. Затем, в процессе труда, познания и общения он снова как бы отдает (с процентами) присвоенное им содержание обществу. Эта диалектика «интериоризации» (присвоения) и «экстериоризации» (отчуждения) является всеобщей и происходит в любых общественных формах.

Однако возможности индивидов, принадлежащих к разным классам, неодинаковы. Рабочий, лишенный средств производства, не имеет доступа к вершинам культуры, и эта ограниченность его «присвоения» лимитирует и возможности его самореализации. Пока общественные предпосылки для изменения существующего положения не созрели, люди, по крайней мере в массе своей, довольствуются данными условиями, считают их естественными, нормальными. Но когда данные, ограниченные отношения исчерпывают свои возможности, они начинают восприниматься как бесчеловечные, противоестественные. «Отчуждение» есть лишь самая общая характеристика этих социальных противоречий и отражения их в общественном сознании (например, в отношении рабочего к труду).

Отсюда — и многозначность самого термина «отчуждение». В философской и социологической литературе он употребляется, по меньшей мере, в трех главных значениях, не говоря уже о различных нюансах. Во-первых, говоря об отчуждении, философы часто имеют в виду любое опредмечивание человеческой деятельности — всякое проявление моей деятельности, любой результат моего труда принимает какую-то материальную форму и, следовательно, отделяется, отчуждается от меня как творца. Во-вторых, отчуждение обозначает овеществление субъекта, ограничение активно-творческого начала в человеке, его порабощение продуктами его же собственной деятельности. В-третьих, отчуждение обозначает психическое состояние лица, не чувствующего себя свободным в своих действиях, сознающего себя вещью, игрушкой каких-то внешних сил. Все эти три значения взаимосвязаны и в то же время принципиально различны.

Первое истолкование отчуждения, типичное, например, для экзистенциалистов, представляется чрезмерно расширительным. Зачем называть отчуждением необходимое условие любой человеческой деятельности, без которого невозможно никакое самовыражение, никакое самоутверждение личности? Маркс специально разграничивал опредмечивание (*Vergegenständlichung*), составляющее неотъемлемую черту всякой предметной деятельности на любой ступени истории человечества, и овеществление (*Versachlichung*, или *Verdinglichung*) как специфическую форму опредмечивания, связанную с определенными историческими условиями, прежде всего с товарным производством, с част-

ной собственностью и антагонистическим разделением труда. Отождествление отчуждения с опредмечиванием делает самый вопрос об его преодолении бессмысленным.

Под «глобальное» отчуждение можно подвести решительно все. Человек лишен самосознания, не отделяет себя от продуктов своей деятельности? Виновато отчуждение. Самосознание индивида, наоборот, оторвано от деятельности? Дело опять-таки в отчуждении. Отчуждение становится своего рода волшебным словом, которое должно разом открывать все двери, а фактически не открывает ни одной.

Более определено, на первый взгляд, психологическое понятие отчуждения (отчуждение как психическое состояние индивида, его отношение к внешнему миру и собственной деятельности). Вопросы этого рода (как человек относится к собственной деятельности, в чем рабочий видит смысл своего труда и т. п.) весьма существенны. Маркс тоже начинал с анализа отношения рабочего к труду и лишь затем обратился к исследованию объективных социальных процессов, детерминирующих это отношение. Психологическая трактовка отчуждения весьма распространена в современной американской социологии. С одной стороны, это связано со стремлением уточнить многозначное понятие, чтобы можно было использовать его в эмпирическом исследовании, с другой стороны, это выражает стремление выхолостить из идеи отчуждения ее социально-критическое начало. Мелвин Симэн, например, рассматривает отчуждение как специфическое переживание индивида и обнаруживает в нем пять различных модальностей:

1) бессилие — индивид считает, что его деятельность не может дать тех результатов, к которым он стремится; 2) бессмысленность — индивиду не ясно значение событий, в которых он участвует, он не знает, во что он должен верить, почему надо поступать так, а не иначе; 3) дезорганизация норм (normlessness) или аномия — ситуация, в которой индивид сталкивается с противоречивыми ролевыми ожиданиями и вынужден для достижения поставленных целей прибегать к социально неодобренному поведению; 4) изоляция — отчуждение индивида от господствующих целей и ценностей, расхождение индивида с данным обществом в оценке значимых в этом обществе целей и верований; 5) самоотчуждение — отчуждение индивида от самого себя, ощущение себя и своих способностей как чего-то чужого, как средства или инструмента⁸⁹.

Типология, предложенная Симэном и принятая многими исследователями, «работает» при эмпирическом исследовании субъективных, психологических процессов, например отношения человека к своему труду, степени его идентификации с ролью и т. д. Но при этом отчуждение описывает уже не социальную действительность, а только индивидуальное (или групповое) самосознание. Например, отчуждение труда сводится к конфликту между ценностной ориентацией личности и ее профессиональной ролью⁹⁰. Там, где такого конфликта нет, нет и отчуждения. В свете концепции Симэна, «веселый робот» Олдоса Хаксли, который вполне «удовлетворен» своей жизнью, так как полностью лишен индивидуальности и легко под-

дается манипулированию, должен быть признан свободным от отчуждения.

Психологическая трактовка отчуждения фактически выхолащивает социально-критическую направленность этого понятия. Степень отчуждения ставится теперь в зависимость от индивидуальных особенностей лица; отчужденный — значит неприспособленный; ему можно помочь, изменив его установки, мешающие ему «принять» существующую действительность. Да и сами социальные условия оказываются теперь не целостной структурой, а суммой отдельных элементов.

Взять хотя бы проблему отношения рабочего к труду. Труд имеет как свои функциональные (обусловленные характером выполняемых операций), так и свои социальные (обусловленные характером общественных отношений, в которые включены работающий человек и его деятельность) аспекты. Конкретное отношение рабочего к своему труду — удовлетворен он или нет, нравится ему труд или нет — обусловлено обоими этими аспектами.

С точки зрения функциональной, конвейерный труд, в силу своей монотонности, одинаково утомителен и при капитализме, и при социализме. Фромм, Свадос и другие основывают свой вывод о неустранимости отчуждения именно на анализе конвейерного труда, где рабочий предельно несвободен. Но конвейер — не предел технического прогресса, а только одна из его стадий. Рабочий-наладчик на автоматизированном предприятии не ощущает той функциональной скованности, которая характерна для машинно-сборочного конвейера. Он сам определяет

последовательность операций, ритм и темп движения и т. д. Поэтому, как показывают конкретные исследования, его удовлетворенность своим трудом выше, чем у конвейерного рабочего.

Но кроме функциональной стороны дела есть еще сторона социальная. Смысл труда для рабочего отнюдь не сводится к пониманию существа выполняемой им частной операции, а свобода — к возможности определять последовательность и ритм собственных движений. Труд на эксплуататора, даже при максимальной функциональной, технологической свободе, всегда остается вынужденным, подневольным. И даже самый скучный, нетворческий труд приобретает личностное, моральное содержание, если человек может сказать о себе словами поэта:

Радуюсь я:
 это мой труд
Вливается
 в труд
 моей Республики.

Степень удовлетворенности или неудовлетворенности человека своим трудом вообще нельзя понять, оставаясь в рамках отношения «индивид — работа». Здесь многое зависит от уровня потребностей рабочего, которые, в свою очередь, вытекают из его социального положения, образования и т. п. Было бы неправильно судить об американских рабочих только по описаниям Свадоса, Чиноя и др. По данным Блаунера⁹¹, от 75 до 90% американских рабочих в общем и целом удовлетворены даже рутинной работой. Но это объясняется, как признает сам Блаунер, главным образом низким образовательным уровнем рабочих и соответствующим воспитанием,

которое побуждает человека довольствоваться малым и не стремиться к большему. То же самое констатирует М. Спмэн⁹² на основании изучения большой группы (558 человек) шведских рабочих. Эти люди не сравнивают свою работу с каким-то идеальным образцом, не пытаются превратить ее в главный источник внутреннего удовлетворения, они принимают ее такой, какова она есть, с ее необходимостью и однообразием, однако это не вызывает у них болезненных явлений, вроде аномии, общей враждебности к окружающим, политической апатии и т. п. Отношение личности к труду производно от других ее ценностных ориентаций.

По словам Блаунера, «индустриальное бессилие» включает в себя четыре компонента: 1) отделение производителя от собственности на средства производства и готовые продукты; 2) неспособность влиять на общую политику фирмы; 3) отсутствие контроля над условиями труда; 4) отсутствие контроля над непосредственным трудовым процессом. Однако для американских рабочих существенны лишь два последних момента, непосредственно затрагивающие их деятельность. «Более общие и абстрактные аспекты бессилия» не волнуют рабочих, они свыклись с этими условиями. «Сегодня средний рабочий так же мало желает владеть своими машинами, как современные солдаты — своими гаубицами, а правительственные чиновники — своими служебными картотеками»⁹³. Если принять это суждение просто как констатацию определенных психологических настроений, то, вероятно, Блаунер прав. Однако само ограничение интересов рабочего сферой

непосредственной деятельности есть результат капиталистических отношений, делающих человека простым агентом производства. А это-то как раз и выпадает из психологической трактовки отчуждения.

Психологическая трактовка отчуждения, концентрирующая внимание на переживаниях индивида, недооценивает зависимость индивидуального самосознания от сознания общественного, т. е. самосознания родового человека. А ведь оно тоже противоречиво. С одной стороны, бессилие человека перед стихийными силами природы и общества порождает фетишистские формы сознания, иррациональную веру. Не узнавая в противостоящих ему общественных силах результатов собственной совокупной деятельности, люди неизбежно мистифицируют, фетишизируют эти силы, превращая их в самостоятельные сущности. Древнейшей формой такого фетишистского мировоззрения является религия, которую Маркс определял как «самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял»⁹⁴. Идея смирения перед богом есть не что иное как признание неустранимости факта отчуждения и отказ от борьбы за его преодоление. Но существуют и светские формы религиозного сознания. В конце концов, какая разница, объявляется ли творцом истории бог или техника, гений или государство? Во всех этих случаях человек мыслится не субъектом, а только продуктом чьей-то чужой деятельности, обладающей собственной волей, которой человек не обладает. Не все ли равно, кто истолковывает эту волю — жрецы, пророки или чиновники?

С другой стороны, пока люди не научились рационально осмысливать собственные проблемы (а это тоже зависит от социальных условий), крушение иррациональной веры порождает у них болезненное безверие, чувство одиночества, беспомощности. Причем как вера, так и безверие являются фазами одного и того же «разорванного сознания», понять которое можно только из анализа социальной действительности.

Таким образом, ни «глобальная», ни психологическая концепции отчуждения не дают ответа на наши вопросы. В первом случае любая социальная действительность оказывается одинаково неудовлетворительной, во втором — одинаково приемлемой. Реальная проблема, сформулированная Марксом, состоит в следующем:

«Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, — эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, — напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение»⁹⁵.

Но в этой формуле в нерасчлененном виде сконцентрирована целая совокупность вопросов:

объективная закономерность общественного развития, существующая на всех его этапах, при всех социальных условиях; стихийность совместной деятельности людей, присущая определенным социальным организмам; трудности осознания индивидами своей связи с социальным целым и вытекающая отсюда фетишизация этого целого и его отдельных элементов. Непосредственно перевести это в эмпирические, измеримые параметры невозможно. Маркс не случайно перешел от первоначальной абстрактно-философской постановки проблемы отчуждения к конкретному исследованию экономических и социальных аспектов освобождения человека. Конечно, этот путь труден. Легко сказать: человек отчужден, он не хозяин своей судьбы, а нужно, чтобы было иначе. Гораздо труднее исследовать реальные пути и способы такого освобождения. Утопии и идеологические фикции часто выглядят заманчивее и ярче, чем осторожные научные прогнозы. Но зато конкретно-исторический подход дает более прочные и надежные результаты.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕОРИИ «МАССОВОГО ОБЩЕСТВА»

Возражения вызывает и концепция «массового общества»⁹⁶. Само это понятие на редкость расплывчато и неопределенно. Термин «масса» имеет в этих теориях самые разнообразные значения: масса как недифференцированное число, как суждения некомпетентных лиц, как механизированное общество, как бюрократическое общество и просто как толпа. Самы теории этого рода распадутся на три типа:

1. Аристократический вариант (И. Тэн, Ф. Ницше, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет) зародился еще в XIX в.

«Массы» рассматриваются здесь как разрушительная, варварская сила, которая приходит на смену аристократической элите.

Пока элитарная концепция связывалась только с проблемой культуры, она несла в себе известный заряд критицизма по отношению к буржуазному обществу, враждебному искусству, неутилитарному знанию и т. д. Но как только в этом духе ставится вопрос о власти, реакционная политическая сущность этой доктрины становится совершенно явной⁹⁷.

2. Либерально-демократическая концепция (Э. Фромм, Г. Арендт, Э. Ледерер и др.) родилась в 1930-х годах как следствие разочарования либеральной интеллигенции в социализме и ее страха перед фашизмом. Как известно, боевую армию фашизма составляли мелкая буржуазия и различные деклассированные элементы. Обобщая этот факт, либеральные социологи сделали вывод, что классовое самосознание пролетариата ослабело, что место организованного класса занимает аморфная и безликая масса, состоящая из отчужденных друг от друга индивидов, которые легко поддаются манипулированию со стороны своекорыстного меньшинства. Если в аристократической концепции «массу» составляли агрессивные мятежники, то теперь это — отчаявшиеся индивидуалисты, слепо следующие за «вождем».

3. Третья, наиболее популярная сейчас концепция (Д. Рисмэн, Д. Макдональд) родилась после второй мировой войны как отражение

внутренних противоречий буржуазной культуры. Ее пропагандисты в прошлом верили, что воспитание постепенно поднимет общий политический и культурный уровень нации. Однако жизнь не оправдала этих ожиданий. Рост образования сам по себе не вызвал роста политической и культурной активности. Отсюда — представление о массе как о пассивном множестве полуобразованных людей, которые составляют оплот всяческого конформизма.

«Элита, — резюмирует эту теорию Майкл Гаррингтон, — развращает массу и получает таким путем прибыли и власть, но сама элита тоже развращается массами, так как предпосылкой ее правления является то, что она создает неполноценную культуру. Результатом этой диалектики является упадок всего общества»⁹⁸.

Речь идет о действительно сложных, противоречивых процессах. Как замечает Ю. А. Замошкин, «нормы-рамки» буржуазного общества противоречиво соединяют «рациональные правила и требования социальной дисциплины, соответствующие объективным потребностям производства, принявшего характер единого, сложного, общественно-комбинированного процесса, и потребностям человеческого общежития в рамках современной развитой индустриально-городской организации общества, с правилами и требованиями *классовой* дисциплины, закрепляющими буржуазные, частнособственнические, эксплуататорские производственные отношения и выражающими систему *классового командования* монополистической буржуазии и служащего ей государства»⁹⁹.

Буржуазное мышление со свойственной ему абсолютизацией капиталистических отношений смазывает эту противоречивость. «Индивиду внушается, что те конкретные, специфические нормы-рамки (запреты и правила жизни), которые его окружают, есть якобы воплощение *едино*ственно рациональной, всеобщей, необходимо разумной и потому эффективной организации современного производства, современной общественной и политической жизни»¹⁰⁰. Тем самым перед ним ставится альтернатива: либо он должен *все* принять, либо *все* отвергнуть. В первом случае вместе с некоторыми общими устоями социальной организации и дисциплины он должен принять всю систему классового неравенства, бюрократический аппарат и т. п. Во втором случае, отвергая опостылевший строй частной собственности, он должен отвергнуть социальную организацию как таковую.

Но человек, разуверившийся в разуме, не видящий путей рационального разрешения своих проблем, неизбежно впадает в отчаяние, которое, как писал В. И. Ленин, «свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода»¹⁰¹; для него типичны чувства беспомощности, растерянности, страха и озлобленности. В индивидуально-психологическом плане это превращается в невроз, а в социальном — рождает стихийный анархический бунт против всех и всяческих общественных норм, против социальной дисциплины и организации как таковых. Именно это объясняет тот бессмысленный вандализм и катастрофический рост преступности, особенно среди молодежи, который так тревожит западных социологов.

Но и этот стихийный, слепой индивидуалистический бунт монополистический капитал ставит себе на службу: масса деклассированных, отчаявшихся, озлобленных индивидов оказывается легкой добычей фашистских демагогов и используется в качестве тарана против стесняющих буржуазию демократических институтов. Именно эта внушаемость, податливость толпы приводит в отчаяние и наполняет пессимизмом либерально-демократических критиков «массового общества», которые одинаково враждебны как бюрократической рутине, так и «активизму» фашистского толка.

Чтобы вырваться из этого круга, нужно, во-первых, отказаться от абсолютизации капиталистической рациональности, вскрыть ее историческую ограниченность и, во-вторых, отказаться от индивидуалистического третирования всякой «массы» как чего-то аморфного и иррационального. Оба эти момента взаимосвязаны.

Буржуазные и мелкобуржуазные критики «массового общества», оценивая его с позиций индивидуализма, видят в любом коллективном движении угрозу индивидуальности. Но еще Г. В. Плеханов подробно разъяснял ошибочность такой позиции. Да, говорил он, освободительное движение пролетариата — это массовое движение, поэтому и психология его есть психология массы. Но это не означает деиндивидуализации, потери самостоятельности личностью, вступающей в движение. Чтобы понять это, надо уточнить объект самостоятельности. «Развитие личности как характера прямо пропорционально развитию в ней *самостоятельности*, т. е.

способности твердо стоять на своих собственных ногах». Эту способность пролетарий, вынужденный содержать себя собственным трудом, приобретает и обнаруживает как личность значительно раньше и полнее, чем буржуа. Но в социальном плане, как «индивид класса», рабочий является зависимым и беспомощным. Он целиком зависит от тех, которые покупают его рабочую силу и кому принадлежат средства производства. И чем раньше он становится самостоятельным, т. е. начинает работать, тем раньше он начинает чувствовать эту зависимость. «Таким образом, *пролетарская самостоятельность* обуславливает собою сознание пролетарием своей зависимости от капиталиста и стремление от нее *избавиться* или хотя бы только ее *ослабить*. А для этого нет другого пути, кроме сплочения пролетариев; нет другого пути, кроме их объединения для совместной борьбы за существование. Поэтому, чем сильнее становится в рабочем недовольство зависимостью от капиталиста, тем сильнее укрепляется в нем сознание того, что ему необходимо действовать согласно с другими рабочими, что ему нужно возбуждать во всей их массе чувство солидарности. Его *тяготение к массе* прямо пропорционально его *стремлению к независимости*, его сознанию *собственного достоинства*, словом — развитию его *индивидуальности*»¹⁰². Это качественно отличается от иррациональности толпы, состоящей из деклассированных индивидов, каких имеет в виду Эрих Фромм.

Фромм очень ярко говорит о беспомощности современного человека «перед силами, которыми нами управляют», подчеркивает, что «он не дея-

тельный участник бытия», а главным образом «потребитель». Но ведь одно дело — стихийность развития капитализма, обусловленная присущими ему законами, другое дело — бессилие одиночки, оторванного от массового движения, третье — конформизм и приспособленчество, укоренившиеся в общественном сознании. Эти явления взаимосвязаны и в то же время различны. Как ни эффективны новейшие средства манипулирования людьми, современного человека не следует представлять себе наподобие некой «массовой точки», которая совершенно фатально, в силу давления известной социальной аппаратуры, принуждается (или психологически понуждается) к определенному поведению. Неудовлетворенность действительностью рождает поиск, гнет вызывает сопротивление, и именно в ходе борьбы осуществляется самовоспитание и самоизменение людей.

«Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю», — писал В. И. Ленин¹⁰³. И это не просто констатация факта, но важнейшее методологическое положение, вытекающее из философского принципа деятельной сущности человека.

Уточнения требует и мысль о порабощении современного человека «вещами». Понятие homo consummens, которым оперирует Э. Фромм, соответствует реальности капиталистического

общества в том смысле, что человек, лишенный больших общественных идей, утверждает себя прежде всего и главным образом в потреблении, через обладание вещами. Но ведь эта жадность к вещам сложилась в результате тысячелетий нужды и недопотребления, которые и по сей день остаются жестокой реальностью для подавляющего большинства человечества, не только в слаборазвитых, но и в самых передовых странах. Современному человеку угрожают не «телефон, пицущая машинка и автомобиль», а лишь такой способ присвоения и употребления этих вещей, при котором теряются естественные критерии их оценки и не вещь служит человеку, а человек оценивается в зависимости от обладания или необладания теми или иными вещами.

КУЛЬТУРА И МАССА

Именно это противоречие фиксирует (но не разрешает) теория «массовой культуры», предложенная ван ден Хаагом. Ван ден Хааг совершенно правильно связывает противоречия развития культуры с превращением культурных ценностей в товар и отделением производителей культуры от ее потребителей. В то же время, однако, он склонен объяснять серость и стандартность «масскульта» его массовостью и влиянием средств массовой коммуникации (кино, радио, телевидение). Да, тут тоже есть свои проблемы, и проблемы сложные. Культурные и художественные ценности значительны именно своей уникальностью, своеобразием, неповторимостью. Между тем всякое массовое производство предполагает поток, стандарт. Верно и то,

что художественные вкусы широкой публики всегда оставляют желать много лучшего: ведь они сформировались на материале искусства предыдущего периода, а сегодняшнее искусство (если оно подлинное) — это открытие, перспектива в будущее. Художник открывает зрителю, читателю нечто новое, чего тот еще не осознал. Это новое усваивается не всеми сразу. Ориентировать искусство на уже сложившиеся массовые вкусы так же нелепо, как требовать от науки, чтобы вместо открытия нового она повторяла уже известные истины. В. И. Ленин специально предупреждал против такого примитивного понимания народности, указывая, что художник должен не опускаться до уровня масс, а поднимать массы до себя.

Но все-таки вовсе не демократизация культуры вызывает кризис искусства. Книгопечатание, радио, телевидение неизбежно стандартизируют технику, способы передачи соответствующей информации, но влияние этого на ее содержание отнюдь не однозначно. Правда, Платон считал, что уже появление письменности нанесло удар оригинальности мышления, «так как лишится упражнений память: припоминать станут, доверяясь письму, по посторонним, внешним знакам, а не внутренней силой, сам по себе». В результате механического усвоения чужих знаний люди будут «казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, невыносимыми в общении; так и сделаются они не мудрыми, а мнимомудрыми»¹⁰⁴. Жалобы, что печать и радио в силу своей массовой природы стандартизируют человеческое мышление и заполняют мозг готовыми сведениями, не разви-

вая его, мало чем отличаются от этих рассуждений.

Согласно теории «массовой культуры», основное противоречие ее — это противоречие между гетерогенным (разнородным) — по своему культурному уровню, вкусам и т. п. — составом аудитории и гомогенностью (однородностью) информации и художественных образов, распространяемых с помощью средств массовой коммуникации. Под влиянием этой гомогенности смазываются различия между индивидами и все они превращаются в безликую массу. Но так ли это?

Тезис, что потребители «массовой культуры» суть агрегат изолированных друг от друга одиноких атомов, покоится на двух предпосылках¹⁰⁵: 1) что индивид воспринимает информацию, передаваемую массовыми средствами, как изолированное лицо, безотносительно к другим лицам, с которыми он связан значимыми отношениями, и 2) что содержание «сигнала» — будет ли то попытка повлиять на голосование или реклама, моральная норма или эстетический критерий или развлечение — оказывает непосредственное влияние на индивида и определяет норму его выбора по отношению к этому содержанию, безотносительно к прочим установкам личности.

Однако, хотя эти соображения кажутся на первый взгляд убедительными (люди смотрят телевизор или слушают радио у себя дома, в семье или в одиночестве), специальные исследования ставят их под серьезное сомнение¹⁰⁶. Можно считать доказанным, что индивид воспринимает «массовую» информацию не как от-

дельный атом, а чаще всего на базе жизненных представлений, ценностных ориентаций и т. п., существующих в его первичных группах. Читатели, слушатели, зрители отбирают материал своего чтения, слушания и созерцания в соответствии с уже имеющимися у них точками зрения. Если сообщаемая информация противоречит этим ранее сформировавшимся установкам, она, как правило, воспринимается плохо или даже вовсе не воспринимается. И поскольку каждый индивид имеет не одну референтную группу, его психологическая автономия достаточно велика. Средства «массовой» коммуникации могут дать индивиду «желаемую» направленность только в том случае, если нет никаких противодействующих влияний со стороны семьи, собственного жизненного опыта и т. п.

Но нельзя и взваливать на читателя, слушателя, зрителя ответственность за низкий уровень «массовой» продукции. Он — читатель, зритель, слушатель — был и остается разным.

Известно, например, что во Франции перво-классный кассовый успех наряду с некоторыми бульварными фильмами имели такие превосходные фильмы, как «Плата за страх», «Дорога» и другие. Массовые издания классиков и выдающихся современных писателей расходятся в миллионах экземпляров. Но всех ли издают такими тиражами? Увы, нет! Об этом прямо заявлял Жан-Поль Сартр на международной встрече писателей в Ленинграде. Возражая Натали Саррот, которая говорила, что писатели сами выбирают для себя публику: советские писатели пишут для широких масс, а западные писатели — для узкого круга «избранных», — Сартр сказал:

«Нет, мы — писатели, которые вынуждены считаться с тем фактом, что широкая публика пока еще не находится в нашем распоряжении и что для того, чтобы до нее добраться, нам нужно использовать возможности, находящиеся в руках буржуазии. У нас в настоящее время издаются великолепные серии, например «карманные книги»: они стоят очень дешево, и теперь их читает все более и более широкая публика, можно сказать, что их читают массы. Но в этих сериях публикуются только произведения, удостоенные премии, а это сразу отстраняет от участия в этих изданиях большинство писателей, так что, в конце концов, мы имеем право доступа к массам только в том случае, если мы понравились господствующей элите. Это одно из наиболее крупных наших противоречий»¹⁰⁷.

Дело, следовательно, не в том, что массы признают только низкопробные вещи, а в том, что производство эрзац-культуры обходится дешевле, а целью издателей, кинопродюсеров и т. д. является именно извлечение прибыли. «Мне кажется, — заявил на симпозиуме в американской Академии наук и искусств редактор «высоколобого» журнала «Partisan Review» Уильям Филлипс, — что единственной причиной существования журнала «Look», будем откровенны на этот счет, является то, что он дает прибыль»¹⁰⁸. Не следует забывать и об относительности самого критерия «высоколобоности»; снобизм интеллигентской элиты нередко проявляется в нарочитой усложненности формы, специально, чтобы отсечь «непосвященных». Когда же книга становится похожа на ребус, ее охотно обсуждают, но для чтения предпочитают брать

детективный роман. Бертран Рассел, которого никто не упрекает в недостатке вкуса и культуры, прямо говорит, что предпочитает детективы Майкла Иннеса и Агаты Кристи современным романам, так как первые кажутся ему гораздо более реалистичными. Персонажи детективных рассказов все-таки что-то делают, тогда как герои новых романов только думают о деятельности¹⁰⁹. Вероятно, в этом есть какая-то доля истины.

Еще важнее социальный, идеологический момент. Если человек только носитель частичной функции, задавленный однообразным механическим трудом, ему действительно трудно овладеть всем богатством духовной культуры. Последняя может казаться ему излишним и даже раздражающим грузом, который некуда приложить. Потребность в такой культуре возникает тогда, когда человек вступает в борьбу за изменение своих жизненных условий, когда он из пассивного продукта обстоятельств становится общественным деятелем. В этом смысле судьбы культуры тесно переплетаются с судьбами личностей.

Вскрывая противоречия современного общества, нужно избегать романтической идеализации прошлого, что нередко чувствуется в рассуждениях западных социологов, противопоставляющих сегодняшней «неустойчивости бытия» социальную и нравственную гармонию средневековья. Конечно, в прошлом жизнь была более стабильной. Но в массе своей люди средневековья имели гораздо меньше возможностей для развития творческой индивидуальности, чем современный человек. Их сознание находилось

во власти дремучих суеверий, их социальные возможности однозначно определялись сословной принадлежностью. Можно ли всерьез утверждать, что культурный уровень неграмотных крестьян XVI в. был выше уровня современного обывателя, даже если он не читает ничего, кроме газет и комиксов? Да и «культурная элита» в ту пору была гораздо меньше современной. Конечно, сама фиксированность «принадлежности» человека к сословию, религии и т. п., лишая его возможности выбора, не позволяла ему осознать степень своей скованности, которая переживалась как естественное состояние. Но тем хуже приходилось тому, кто по складу характера или направленности мышления «не укладывался» в заданные рамки. Если люди прошлых эпох не мучились сомнениями относительно ценности собственного Я, то у них были другие невроты — на почве религиозного фанатизма, «отчуждения» от бога, козней нечистой силы и т. п. Просветители были тысячу раз правы, восставая против подобной «цельности» и «гармонии»!

Да и так ли всеобъемлюща была эта «гармония»? Уже Элоиза писала как о само собой разумеющемся факте, что «в наше время... только в редких случаях благочестие не является лицемерием и ... наибольшими похвалами превозносятся тот, кто не вступает в противоречие с общественным мнением»¹¹⁰. История ересей и постоянные жалобы духовенства на апатию верующих говорят о том, что не стоит преувеличивать идеологическое единообразие прошлых исторических эпох, независимо от того, завидуем ли мы этому единообразию или осуждаем его.

Слово «отчуждение» звучит обманчиво, со-

здавая впечатление, будто человек когда-то был всесторонним и счастливым, а потом утратил свои лучшие качества. Но всемирная история не повесть о потерянном рае. Речь идет не о том, чтобы вернуть человеку что-то им утраченное, а о том, чтобы он обрел нечто новое, чем он никогда раньше не обладал. Трагедия романтического индивидуализма состояла и состоит в том, что капитализм посулил превратить личность в высшую социальную ценность, но своих обещаний не выполнил. Капиталистическая рациональность, говоря словами Макса Вебера, «расколдовала» мир, и, лишенный прежних чар, он предстал перед людьми в своей холодной жестокости. Так о чем же следует жалеть? О том ли, что с цепей, сковывавших человека, слетели прикрывавшие их розы, или о том, что сами цепи еще не разбиты?

Отмечая романтический характер некоторых современных концепций отчуждения, я отнюдь не хочу этим принизить или дискредитировать их. Неудовлетворенность действительностью, даже если положительная программа еще не вполне ясна, — великая революционная сила. О тех, «кто в святом беспокойстве восторженно жили, гибли трагически, смели и петь и любить», замечательно сказал Валерий Брюсов в стихотворении «Романтикам»¹¹¹:

Вышли другие, могучие силой хотений,
Вышли, чтоб рушить и строить на твердой земле,
Но в их упорстве был отзвук и ваших стремлений,
В свете грядущего — луч, вас манивший во мгле!

Но чтобы строить на твердой земле, недостаточно иметь высокую цель, нужно еще найти действенные средства ее достижения.

Либеральные критики «массового общества» находятся в плену традиционного противопоставления личности обществу. Им кажется, что одна может развиваться только за счет другого, что отношение индивида к обществу может быть либо индивидуалистическим, либо конформистским, что, чем больше личность соответствует социальным нормам, тем меньше в ней индивидуальности, и обратно¹¹². Я уже говорил об ошибочности такого решения. Социальная норма, уже в силу того, что она имеет коллективный характер, всегда остается в какой-то степени «внешней» для отдельного индивида. Требовать, чтобы вся совокупность социальных норм стала сознательным внутренним мотивом поведения индивида, утопично хотя бы потому, что реальный объем общественного сознания всегда шире, чем объем сознания индивидуального. Превращение каких-то норм поведения в привычку освобождает человеческий интеллект для других, более сложных «выборов», количество которых по мере дифференциации общественной деятельности не уменьшается, а возрастает. Современные люди, с их сложной ролевой структурой, гораздо больше отличаются друг от друга, чем члены любой патриархальной «общности», регулируемой вековой традицией.

Беда капитализма — не в «стандартизации» индивидов и «заорганизованности» общества, а в том, что рациональные формы поставлены на службу иррациональным целям (производство ради прибыли, богатство как критерий личного достоинства и т. п.). Капиталистические отношения уже не соответствуют возможностям и тенденциям развития общества, восприни-

маются как противоестественные, бесчеловечные. История повторяется. «Человек» символизирует тенденции, заложенные в обществе, но которых не может реализовать существующая социальная структура. Так было при разложении первобытнообщинного строя, когда «человек как мера всех вещей» впервые противопоставил себя богам и общинной традиции. Так было в поздней античности, когда «мудрец» осознал стеснительность рамок полиса и несправедливость института рабства. Так было на заре капитализма, когда система феодальной иерархии и ее идеологическое обоснование подверглись критике в свете «самоочевидных» положений о «неотчуждаемых правах человека». Так происходит сегодня, когда «личность» восстает против «отчуждения», «механической цивилизации» и «капиталистической рациональности».

Но чтобы эта социальная критика была плодотворной, необходимо отделить предвосхищение будущего от ностальгии по прошлому, реальную программу деятельности — от несбыточных иллюзий.

Глава IV

Коммунизм и проблема всестороннего развития личности

1. МАРКСИСТСКИЙ ГУМАНИЗМ

Общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека.

Ф. Энгельс

Что стоит за историческим конфликтом личности и общества?

Во-первых, неразвитость производительных сил, вследствие которой более или менее высокие темпы общественного развития могли быть обеспечены только принесением интересов индивида в жертву интересам рода (производство — цель, человек — средство). «Производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, как особый мир наряду с индивидами»¹. В докапиталистических формациях производство материальных благ вообще считалось низшим видом деятельности, недостойным свободного человека. Здесь «самодеятельность и производство материальной жизни были разделены вследствие того, что они являлись уделом различных лиц»². При капитализме социально-психологическое

значение производства материальной жизни возрастает, оно становится главным стимулом общественной жизни. Но при этом свободная человеческая деятельность (самодетельность) и производство материальной жизни «настолько отделились друг от друга, что вообще материальная жизнь выступает как цель, а производство этой материальной жизни — труд (который представляет собой теперь единственно возможную, но, как мы видим, отрицательную форму самодетельности) выступает как средство»³.

Во-вторых, антагонизм частных интересов, вследствие которого любые формы социальной организации, коллективности выступают как внешние по отношению к индивиду, а общественная дисциплина принимает репрессивно-принудительный характер. Каждая историческая эпоха порождает свои собственные представления о «человеческом» и «нечеловеческом», в свете которых одни отношения и институты оправдываются, а другие осуждаются. Но в действительности «люди завоевывали себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктовалось им и допускалось не их идеалом человека, а существующими производительными силами. В основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали, однако, ограниченные производительные силы; обусловленное этими производительными силами, недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других, и поэтому одни — меньшинство — получали монополию развития, другие же — большинство — вследствие постоянной борьбы за удовлетво-

ние необходимейших потребностей были временно (т. е. до порождения новых революционизирующих производительных сил) лишены возможности какого бы то ни было развития»⁴.

В-третьих, в силу существующего разделения труда и социального неравенства сами индивиды развиваются неравномерно; социально-экономическое положение лица оказывается важнее, нежели его индивидуальные особенности, многообразие проявлений личности втискивается в рамку ее социальной роли. Так, при капитализме самоутверждение человека как личности осуществляется прежде всего и главным образом в форме обладания. «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его *потребляем*, — хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения в свою очередь рассматривает лишь как *средство к жизни*... Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств — чувство *обладания*»⁵.

Разрешение всех этих противоречий, охватывающих производство, социально-экономические отношения и культуру, возможно лишь при наличии целого ряда объективных исторических предпосылок и требует длительного времени. В капиталистическом обществе развитие производства выступает как самоцель, а человек — как средство этого развития. Основным принци-

пом коммунизма, наоборот, является полное и свободное развитие каждого индивидуума, тогда как материальное производство служит средством этого развития. Там — человек для производства, здесь — производство для человека — вот в чем суть вопроса и вот почему Маркс определяет коммунизм как подлинный гуманизм. Но что практически означает эта формула и можно ли реализовать ее?

Идея, что человек должен быть не средством, а целью общественной жизни, — старая мечта философов. Этот принцип лежит в основе гуманистической этики, он укрепляет веру человека в значимость его собственной деятельности. Но одно дело — нравственное требование, другое дело — научный вывод, фиксирующий реальную тенденцию развития.

Марксова теория коммунизма, как это ясно видно уже из «Тезисов о Фейербахе», органически связана с его философским принципом деятельной сущности человека, составляющим основу материалистического понимания истории. История общества — не что иное, как история людей, их деятельности и ее продуктов. Объективные условия, структурные «рамки» деятельности нынешнего поколения — это лишь объективированные результаты прошлой человеческой деятельности. Наши усилия, наши деяния, объективировавшись в средствах труда, общественных институтах, социальных нормах и традициях, в свою очередь станут необходимым элементом будущей истории, хотя, возможно, и не совсем так, как это нам сегодня представляется. Ничто так не чуждо духу и букве марксизма, как взгляд, будто история делается по-

мимо человека, независимо от его воли и деятельности. Сам человек есть основа своего как материального, так и всякого иного совершаемого им производства.

Но в какой степени эти положения, касающиеся человека как рода, применимы к отдельному индивиду? Человек как индивид, как личность тоже является «творцом самого себя». Но только в относительном смысле. Чтобы стать субъектом познания, человек длительное время должен быть объектом обучения. Чтобы стать субъектом труда, человек долгое время является объектом труда окружающих. Чтобы стать самосознательным субъектом общения, он является объектом воздействия со стороны других. И дело не только в том, что человек не рождается, а становится личностью. Взрослый человек тоже является, как было показано выше, не только субъектом, творцом, но и объектом, продуктом, причем соотношение этих двух аспектов зависит как от индивидуальных особенностей лица, так и от исторических условий. Ссылка на то, что любые исторические условия лишь объективированная деятельность других людей, не снимает конкретной проблемы: каковы границы свободы индивида в данном конкретном обществе и можно ли раздвинуть эти границы? Абсолютизация принципа свободы человеческой деятельности, без учета ее конкретных условий, ведет практически к тем же самым результатам, что и механический детерминизм, фетишизирующий роль «социальных условий». Там индивид всегда одинаково несвободен, потому что он детерминирован внешними условиями. Здесь он всегда одинаково свободен, потому что он

человек, а не вещь. Тем самым различие социально-экономических структур становится несущественным, а борьба за свободу — излишней. Между тем реальная проблема, волновавшая Маркса, состояла не в обосновании какого бы то ни было статус-кво, а в расширении границ человеческой свободы на базе возможностей, созданных современным общественным развитием.

Проблему «Коммунизм и личность» необходимо рассматривать на двух различных уровнях: 1) на уровне общей теории, безотносительно к эмпирическим фактам, 2) на основе конкретных данных исторического опыта СССР и других социалистических стран. Разумеется, эти два уровня взаимосвязаны. Общая теория не просто сумма гипотетических конструкций, а обобщение конкретного исторического опыта, а это обобщение, в свою очередь, возможно лишь в свете общетеоретических положений. Но единство общей теории и конкретного исторического опыта не означает их полного совпадения, как и вообще не существует тождества теории и практики. Теория научного коммунизма охватывает гораздо большую историческую перспективу, нежели тот конкретный опыт, которым мы реально сегодня располагаем и который ограничен как хронологически (50 лет — период не столь уж длительный, как ни грандиозны его результаты), так и по содержанию (особенности строительства социализма в отдельно взятой и притом отсталой стране, влияние случайных исторических условий и обстоятельств и т. д.).

Одна и та же теоретическая формула («коммунистический труд» или «личная свобода») наполняется на разных этапах коммунистиче-

ского строительства разным конкретным содержанием, и если не учитывать этих различий, то теория превращается в набор пустых формул, которые не только не помогают понять конкретную действительность в ее движении и изменении, но даже мешают такому познанию. Установки, теоретически правильные применительно к зрелому коммунистическому обществу, будут завышенными, нереалистическими в применении к сегодняшнему дню. С другой стороны, теория, не поднимающаяся над уровнем сегодняшнего дня, не указывает исторической перспективы и уже в силу этого становится консервативной. Анализ и оценку социальных явлений с точки зрения тех функций, которые данное явление выполняет в рамках нынешней системы общественных отношений, необходимо сочетать с анализом этого явления в свете более общей исторической перспективы, по отношению к которой современное общество — только частная ступень развития. Забвение первого аспекта означает отрыв от действительности и порождает сначала несбыточные иллюзии, а затем, в конечном итоге, разочарование. Недооценка второго аспекта лишает обществоведение свойственной ему социально-критической функции, означает подмену науки ретроспективным оправданием всего существующего, в том числе и устаревшего.

Положение, что человек является целью, а материальное производство — средством общественного развития, имеет значение для всей коммунистической формации. Но его конкретное содержание не одинаково при социализме и в условиях зрелого коммунизма. В зрелом комму-

нистическом обществе этот принцип означает, что человек не является больше агентом производства, что производство материальных благ служит лишь фундаментом, базой для свободной человеческой деятельности, лежащей по ту сторону материальной необходимости. Реализация этого принципа предполагает, не говоря уже о других предпосылках, необычайно высокий уровень развития самого материального производства, которое должно обеспечить действительное изобилие предметов потребления.

На первой стадии коммунизма, особенно в ранее отсталых странах, это условие еще отсутствует. Социализм уничтожает частную собственность, а вместе с нею — паразитические, эксплуататорские классы; общественное производство ставится на службу всего общества, а следовательно, и каждого члена этого общества в отдельности. Но пока уровень производства остается сравнительно низким, недостаточным для удовлетворения всех потребностей каждого члена общества, производительность труда остается высшим критерием общественного прогресса, а следовательно, и критерием социальной ценности того или иного человека. Личные и общественные интересы здесь совпадают в тенденции, в основном направлении: раз производство обслуживает все общество, следовательно, в нем заинтересован и каждый член общества в отдельности. Но непосредственные интересы отдельной личности могут и не совпадать с коренными интересами общества. Отсюда — необходимость распределения по труду и принцип материальной заинтересованности. Известное неравенство в оплате квалифицированного и не-

квалифицированного, сложного и простого, тяжелого и легкого труда является необходимой предпосылкой практической увязки непосредственных интересов отдельных лиц с коренными интересами общества как целого. Без строжайшей реализации этого принципа невозможно создать действительное изобилие продуктов. И это не просто практическая необходимость, так сказать, вынужденное признание трудностей исторического развития, а определенный теоретический принцип, сформулированный уже в ранних работах Маркса.

Маркс совершенно отчетливо понимал, что простое обобществление и перераспределение материальных благ не может дать действительного социального равенства. Уравнительный, казарменный коммунизм не просто утопия, но реакционная утопия, реализация которой была бы шагом назад как с точки зрения общества (поскольку он подрывает индивидуально-психологические стимулы экономического роста), так и с точки зрения отдельной личности (поскольку он предполагает нивелирование и обеднение индивидуальных потребностей). Маркс писал: «Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь *иным* способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает — *по крайней мере* по отношению к *более богатой* частной собственности — зависть и жажду нивелирования, так

что эти последние составляют даже сущность конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная мера*. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной простоте бедного* и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее»⁶.

Это не только теоретическая, но и практически-политическая проблема. В экономической политике можно руководствоваться одним из двух принципов: заботиться либо о том, чтобы всем становилось лучше, либо о том, чтобы никто не имел больше, чем остальные. Последний принцип тоже имеет своих сторонников. Когда, например, уменьшали приусадебные участки колхозникам или ратовали против развития индивидуального садоводства, приводили такие доводы, что личное хозяйство отвлекает человека от его основного труда в общественном производстве, что «побочные доходы» создают имущественное неравенство и т. д. Эти опасения отчасти справедливы. Но забота о том, чтобы кто-то от чего-то не оторвался или не обогатился, не должна заслонять экономическую сторону дела: чем больше будет сельскохозяйственных продуктов, тем выше будет уровень всеобщего благосостояния и тем самым меньше останется возможностей для получения действительно нетрудовых доходов (путем спекуляции, искус-

ственного вздувания цен на дефицитные товары и т. п.). Зависть, даже прикрытая социалистической фразеологией, не только низменное чувство, но и плохой советчик в экономических вопросах. Чтобы создать изобилие продуктов, нужна система экономических, материальных стимулов.

А чтобы неравенство, обусловленное неодинаковостью способностей людей, различием квалифицированного и неквалифицированного труда и т. п., не увековечивалось, а постепенно преодолевалось, социализм создает общественные фонды потребления (бесплатное образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, культурные мероприятия и т. д.). Эти выплаты направлены главным образом на удовлетворение таких интеллектуальных и социальных потребностей (обучение, культурный досуг и т. п.), на которые люди с меньшими доходами обычно расходуют меньше своих личных средств. Таким образом, распределение по труду материально стимулирует личность, а общественные фонды потребления уменьшают неизбежное на этом уровне социальное неравенство, облегчая развитие личности каждого, безотносительно к его способностям и социальному положению.

Но возможно ли вообще, в принципе распределение по потребностям? Ведь аппетит приходит во время еды. Давно ли люди обходились без электричества, а теперь подавай им телевизоры, транзисторы. Потребности растут по мере их удовлетворения. «Накопительский инстинкт» не знает предела, никакое изобилие товаров не может его удовлетворить. Говорят, что речь идет не о всяких, а только о «разумных» потребностях. Но спрашивается, кто будет определять

меру этой «разумности»? Госплан, исходя из уровня общественного производства? Но тогда это будет всего лишь новая форма карточной системы, которая не учитывает и не может учитывать индивидуальных особенностей каждого. Или имеется в виду «разумное самоограничение»? Но каковы его критерии? Ужасно хочется иметь еще один, двадцать пятый костюм, но совесть не позволяет: соседи имеют только по двадцать. Такое рассуждение *в принципе* не отличается от утверждений, что обуржуазивание начинается уже со второй пары обуви. Разница только количественная, качественной — никакой. Критерием потребления здесь являются не мои собственные, индивидуальные потребности, а нечто среднее, безличное. Раньше человек оглядывался на ближнего, чтобы обязательно обогнать его, иметь больше, чем сосед; теперь же он боится иметь больше. Но критерий тот же самый — не индивидуальные потребности, а некие усредненные нормы.

В рамках традиционной системы представлений эта проблема принципиально неразрешима. Но эти представления сами связаны с определенными историческими условиями. «Накопительский инстинкт» не природное свойство человека, а следствие его «овеществления» в тысячелетий недопотребления и нужды. Человеческая индивидуальность проявляется не в собственности, а в деятельности. Богатство личности — это богатство ее реальной деятельности, ее отношений с другими людьми. «Овеществление», как уже говорилось выше, есть лишь частная форма «опредмечивания». Ведь и в современном обществе человек с более богатым интеллектом,

яркой эмоциональной жизнью, широким кругом интересов обнаруживает, как правило, меньшее тяготение к материальным благам, чем тот, чья жизнь бедна и ограничена. Это не значит, что такой человек равнодушен к комфорту и т. п. Вовсе нет! Но вещи являются для него не самоцелью, как для обывателя, а только средством, облегчающим реализацию его внутренних потенций.

Однако в условиях классового неравенства и массового недопотребления такое миро- и самоощущение не могло и не может стать всеобщим правилом. Начиная с глубокой древности, многие философы и религиозные мыслители проповедовали, так сказать, «неприобретательскую» философию, учение о превосходстве духовных ценностей над материальными. Но идея неизменности и непрочности материальных благ заключала в себе одновременно мысль о неизменности производительного труда. «Кто хочет спокойно жить, тот пусть не делает много ни для себя лично, ни для пользы общества»⁷, — говорил Демокрит. «От зверских занятий количество имущества накапливается кучей, но жизнь образуется несчастная»⁸, — вторит ему Эпикур. Эти призывы к созерцательности соответствовали мироощущению класса, не участвовавшего в производительном труде. Когда же такая проповедь обращалась к угнетенным, то она, независимо от субъективных намерений проповедника, означала требование отказа от борьбы за улучшение жизненных условий, смирения с тяготами жизни. Такой же реакционный смысл имеют и новейшие формы аскетизма, даже если они прикрываются коммунистической фразеологией.

Характерно, что руководители Коммунистической партии Китая, начав с «революционного» требования уравнилельного распределения и потерпев на этом пути экономическую неудачу, перешли затем к политике насильственного нивелирования самих людей, отрицанию культуры.

Научный коммунизм не имеет ничего общего с этой лицемерной проповедью, возводящей нужду и бедность в ранг добродетели. Он утверждает, что *всем* людям должна быть обеспечена полнота материальных возможностей. Именно в силу *обогащения* материальной жизни, предпосылкой которого является рост производительности труда, происходит трансформация самих человеческих потребностей. Потребности человека в пище, одежде и т. п., т. е. то, что относится к сфере собственно индивидуального потребления, в принципе не безграничны; они становятся социально и психологически важнейшими только вследствие общественной бедности. По мере их удовлетворения и по мере развития человеческой личности на первый план выходят другие, более сложные духовные потребности. Эти высшие потребности действительно безграничны, но это потребность не в вещах, а в определенной жизнедеятельности.

Когда мы говорим о потреблении чего-то, мы обычно подразумеваем, что в процессе потребления объект утрачивает какие-то свои полезные свойства, присваиваемые субъектом; если речь идет не о простом физическом уничтожении объекта (как с пищей или с одеждой), то, во всяком случае, о монопольном обладании им. С другой стороны, человек как субъект потребления мыслится активным только в одном на-

правлении — в смысле присвоения какого-то внешнего ему содержания. Потребление здесь противопоставлено производству, как пассивное начало — активному. «Потребительская психология» — пассивная, иждивенческая психология; «человек-потребитель» (у Фромма) — человек, у которого пассивное начало преобладает над активно-творческим.

Все это принципиально неприменимо к высшим потребностям. Во-первых, объектом потребности здесь является не вещь, а деятельность. То, что этой деятельностью занимаются и другие люди, не уменьшает ее ценности, процесс удовлетворения такой потребности не разобщает, а сближает людей. Во-вторых, удовлетворение такой потребности возможно лишь в процессе творческой деятельности, которая предполагает активное самораскрытие, самореализацию личности. «Потребление» здесь неотделимо от «производства» даже в абстракции. Творческий труд не перестает быть трудом в том смысле, что целью его остается производство какого-то общественно полезного объекта (иначе это была бы игра); но, в отличие от отчужденной работы, человек получает здесь радость не только от результата, но и от самого процесса деятельности. Эстетическая потребность в красоте — это желание действовать по законам красоты, а вовсе не потребность в единоличном обладании предметами искусства. Потребность в образовании совсем не то же самое, что желание иметь диплом об окончании вуза. Именно в силу их индивидуальности эти высшие потребности не могут ни нормироваться, ни регламентироваться.

Развитие личности как субъекта труда мож-

но понять только в свете изменения характера труда при коммунизме. Проблема личности как субъекта общения неотделима от вопроса о развитии коммунистических общественных отношений, и прежде всего коммунистического самоуправления. Развитие личности как субъекта познания переплетается с проблемами социологии культуры.

К рассмотрению этих вопросов на основе существующих социологических исследований мы и переходим.

2. ТРУД И СВОБОДА

Художник, независимо от цели его деятельности, испытывает наслаждение уже в самом творчестве, в овладении материалом своего оформления; самый процесс творчества является для него деятельностью, доставляющей наслаждение и удовлетворение, а не просто трудом. Ремесленник же интересуется лишь целью своих усилий, пользой, которые они ему приносят, его деятельность не радует, а оглящает его, как неизбежная необходимость; он с удовольствием свалил бы ее на машину.

Р и х а р д В а г н е р

Что значит преодолеть отчуждение труда? Для более конкретного рассмотрения этой проблемы ее можно разделить на три аспекта: 1) объективный характер труда; какие возможности предоставляет он для развития индивидуальности работающего человека; 2) отношение человека к труду, зависящее как от характера труда, так и от совокупности ценностных ориентаций личности; 3) значимость труда, т. е.

удельный вес трудовых ролей в психологической структуре личности.

Во всех этих трех аспектах социалистический труд качественно отличается от труда при капитализме. Уничтожение частной собственности покончило с отчуждением рабочего от средств производства, рабочая сила перестала быть товаром. Эти социальные перемены сказываются и на отношении трудящихся к своему труду. Объективным показателем нового отношения к труду служит рост трудовой активности рабочих, их забота об интересах производства, рационализаторская деятельность, массовое техническое творчество и т. п.

Исследования советских социологов убедительно показывают качественные различия в мотивах трудовой деятельности советских рабочих и рабочих капиталистических стран.

При капитализме отсутствуют или очень слабо выражены идейные мотивы труда (соображения о его общественной полезности и т. д.), занимающие важное место в системе ценностных ориентаций советского рабочего. Разумеется, и на Западе люди стремятся иметь такую работу, которая не только хорошо оплачивается, но и приносит моральное удовлетворение. Так, при опросе западногерманской молодежи в 1964 г. ответы о смысле профессии распределились следующим образом:

Профессия должна быть настоящей жизненной задачей	40%
При выборе профессии важны личные склонности, но также и денежные соображения	59%
Надо брать работу, которая лучше всего оплачивается	7%
Неопределенно	1%

При опросе молодых рабочих 18% высказалось за хорошо оплачиваемую должность, но 29% — за такую работу, которая приносит удовлетворение⁹. Было бы неправильно представлять дело так, будто рабочие и служащие капиталистических стран думают только о зарплате. Чем выше материальное благосостояние, тем большее значение приобретают другие, нематериальные соображения. Но когда на Западе говорят об удовлетворенности трудом, имеется в виду прежде всего соответствие профессии личным склонностям. Заинтересованность в общественных перспективах производства там, как правило, отсутствует. И это вполне естественно: рабочий не чувствует себя хозяином предприятия и тем более общества как целого.

Для советского человека тоже безразличен размер заработка и другие личные моменты. Но он вместе с тем осознает *общественное* значение своего труда.

Отвечая на вопрос анкеты: «Чем вам нравится специальность, которую вы хотели бы приобрести?» — 45% новосибирских старшеклассников (выпускники средних школ 1963 г.) ответили: «Творческий характер труда», 25% — «Значение для народного хозяйства», 2% — «Высокий заработок»¹⁰. Из 1100 опрошенных выпускников средних школ Ленинградской области 1965 г. (по данным социологической лаборатории ЛГУ) при ответе на тот же вопрос 62,4% указали творческий характер труда, 25,7% — значение для народного хозяйства, 3,4% — высокий заработок.

У взрослых система мотивов, естественно, усложняется, группируясь вокруг трех главных

мотивов: содержание труда, размер зарплаты и возможности продвижения. Ориентация на содержание трудовой деятельности как ведущий мотив труда свидетельствует о процессе формирования отношения к труду как к потребности. Многие люди говорят, что не могли бы обойтись без своего труда, даже если бы не было материальной необходимости.

Ориентация на заработную плату как второй главный мотив трудовой деятельности свидетельствует о том, что отношение к труду как средству удовлетворения других потребностей, лежащих за пределами собственно трудовой деятельности, хотя и не является больше самодовлеющим, сохраняет важное значение. Наконец, ориентация на возможности продвижения по работе (повышение квалификации, усложнение функций, расширение ответственности) является производной от первых двух мотивов, а также отражает традиционный престиж различных профессий, укоренившийся в общественном мнении.

Как замечает В. А. Ядов, такая структура мотивов является сегодня оптимальной. Но в ней заложены и определенные противоречия. Социализм преодолевает специфические формы отчуждения труда, обусловленные существованием частной собственности и эксплуатацией человека человеком (хотя и здесь еще сохраняются «остаточные явления» в виде пережитков частнособственнической психологии, взгляда на труд как на проклятие: «Дураков работа любит», «Работа не волк, в лес не убежит»). Но остаются социальные явления, связанные с недостаточным развитием материально-техниче-

ской базы, различиями в уровне материального благосостояния людей, неравенством творческих возможностей людей различных профессий и т. д.

Коммунистический труд — это такой труд, который превратился в первую жизненную потребность личности. Но что, собственно, означает эта формула? Не всякая жизненная потребность является сознательным мотивом человеческой деятельности. Например, потребность в свежем воздухе обычно удовлетворяется автоматически. Только при кислородном голодании она осознается как потребность. Что же такое превращение труда в потребность: превращение его в привычку, когда он уже не замечается, или, наоборот, выработка сознательного интереса к труду, превращение его в ведущую сферу сознательной жизнедеятельности? В первом случае труд становится автоматическим и безразличным. Как писал Маркс, «безразличие к определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивидуумы с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь... стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определенным индивидуумом»¹¹. Во втором случае, наоборот, предполагается максимальная индивидуализация труда как сферы самореализации личности. Речь идет не просто о привычке, но о *любимой* деятельности.

Говоря о коммунистическом труде, обычно подчеркивают только вторую возможность —

труд как наслаждение, как творчество, как важнейшую сферу развития индивидуальности. Но возможности, которые разные виды труда представляют для развития личности, неодинаковы. Социологи разграничивают социально-психологическое понятие отношения к труду и понятие объективного характера труда¹².

Творческое отношение к труду — это психологическая установка, положительное отношение к своей деятельности, заинтересованность в ее результатах, стремление внести что-то свое и т. д. Такая установка — продукт определенной системы воспитания, ее можно выработать по отношению к любому виду труда, как творческому, так и механическому. Но не всякий труд является творческим объективно, по своему характеру. Творческой можно назвать только такую деятельность, которая не сводится к повторению раз усвоенного алгоритма, где возникает нечто новое. «Творческий труд обязательно включает (в разной степени) следующие элементы: 1) нестандартное решение производственных задач, 2) различные виды конструирования и эксперимента, 3) применение теоретических знаний к решению технических задач, 4) необходимость перемены труда в пределах одной специальности, одной профессии (от изучения опыта и литературы к практическому изучению машин и технологических процессов, от изучения машин и аппаратов к установке новых машин и их наладке, от наладки установленного оборудования к расчетам и конструированию нового)»¹³.

Понятия творческого и нетворческого труда не синонимы понятий умственного и физиче-

ского труда. Умственный труд тоже содержит много рутинных элементов (например, вычисление на основе известной формулы), а физический труд ремесленного типа содержит в себе немалую долю творчества (попробуйте-ка собственноручно высечь каменный топор!). Как замечает немецкий философ-марксист Г. Клаус, проблема состоит именно в том, что в капиталистических формациях «преобладающая часть трудовых процессов, независимо от того, выполнял их раб или крепостной, была в какой-то мере творческой. Только с возникновением крупной промышленности все в большем объеме увеличиваются те механические виды труда, которые представляют собой однообразное и постоянное повторение одного и того же»¹⁴.

Творческий труд открывает наибольшие возможности для развития личности и дает наибольшее психологическое удовлетворение.

Из 600 рабочих и инженерно-технических работников г. Горького, ответивших на вопрос: «Интересует ли вас работа, которой вы занимаетесь?» — 85% дали положительный ответ. Но по отдельным группам рабочих, отличающихся содержанием труда, процент положительных ответов различен: рабочие, занятые ручным трудом у машин, — 40%, рабочие, применяющие ручные орудия труда, — 44%, рабочие механизированного труда — 69%, рабочие, занятые на автоматических станках и линиях, — 98%, инженерно-технические работники — 90%¹⁵. Люди более квалифицированного труда, как правило, дают больший процент рационализаторов и т. д.

Но есть и обратная зависимость: чем выше уровень образования личности, тем более высокие требования предъявляет она к содержанию своего труда и тем труднее их удовлетворить.

Советские социологи провели интересное исследование отношения к труду группы конвейерных рабочих на текстильных предприятиях¹⁶. Получилась следующая картина. Одна группа, состоящая в основном из работниц с большим стажем и низким образовательным уровнем (не выше шести-семи классов), выразила удовлетворение своей работой, монотонность труда их мало утомляет. Как сказала одна работница, «все операции, которыми я занимаюсь, я хорошо знаю и могу их выполнять, даже не смотря, а в это время я могу думать о своем, и, если у меня хорошее настроение и дела в порядке, работа идет совсем быстро». Напротив, рабочим со средним образованием тот же труд кажется чрезвычайно утомительным именно из-за его монотонности, неинтересности. Умственные запросы таких рабочих опережают технику, с которой они имеют дело, механический труд их не удовлетворяет, образуя в их сознании своего рода вакуум. Наиболее творческие и подготовленные рабочие заполняют этот вакуум учебой, повышением квалификации, осваивают не одну, а несколько профессий и, периодически меняя операции, смягчают монотонность своего труда. Но сам по себе трудовой процесс интереса у них не вызывает, и развитие личности идет в основном за пределами производства.

С ростом общеобразовательного и культурного уровня люди все сильнее тянутся к более сложному квалифицированному труду, не удо-

влетворяясь простыми рутинными операциями, даже независимо от уровня их оплаты. Особенно характерно это для молодежи. В. Н. Шубкин предложил школьникам-выпускникам Новосибирской области оценить по 10-балльной системе степень привлекательности 70 профессий, охватывающих основные отрасли народного хозяйства, науки и культуры. Наиболее привлекательными для молодежи оказались профессии, требующие высшей квалификации, особенно профессии радиотехников и геологов. Из профессий средней квалификации самую высокую оценку получили работники транспорта, а самую низкую — занятия в области сельского хозяйства (3,57 балла) и особенно сферы обслуживания (2,63 балла)¹⁷. При анкетировании 2 тысяч старшеклассников Казани в 1964 г. на вопрос: «Что вы собираетесь делать после окончания школы?» — 71,5% опрошенных заявили: «Учиться», 10,2% — «Работать и учиться», 7,3% — «Работать». В Уфе аналогичные ответы составили 65,3%, 22,5 и 3,7%. Подавляющее большинство школьников стремится к умственному труду. По казанским анкетам профессии умственного труда привлекают 77,3% учащихся, по уфимским — 86,3%. В Уфе ни одна рабочая профессия не собрала даже 1% всех голосов. Врачами мечтают стать в 30 раз больше учеников, чем наладчиками, в 45 раз больше, чем фрезеровщиками и крановщиками, в 20 раз больше, чем электромонтерами, в 75 раз больше, чем машинистами¹⁸. Установка молодежи на наиболее квалифицированные профессии, будучи в целом прогрессивной, в то же время приводит к известное противоречие с конкретными потребно-

стями и возможностями советского народного хозяйства, которому нужны не только ученые и инженеры, но и специалисты средней и низшей квалификации. Так, в Ленинграде на 1 марта 1963 г. 44,1% всей рабочей силы составляли вспомогательные рабочие¹⁹. Возникает вопрос: как совместить личные стремления молодежи и интересы общества?

Некоторые ученые считают, что такие противоречия являются сугубо временными, что дальнейший технический прогресс, рост автоматизации и т. п. полностью снимут подобные проблемы. С этим мнением трудно согласиться. Во-первых, даже если допустить, что автоматизация производства освободит человека от всякого механического, нетворческого труда, это потребует еще многих и многих десятилетий. Воспитывая молодежь, формируя у нее определенную систему установок, включая и отношение к труду, нельзя исходить только из этой отдаленной перспективы. Нужно готовить людей к тем условиям и проблемам, с которыми они реально столкнутся в жизни. Перескакивание через необходимый этап, с какими бы добрыми намерениями оно ни делалось, всегда приносит вред.

Во-вторых, технический прогресс и автоматизация производства вовсе не панацея от всех бед. Конечно, технический прогресс ломает старое разделение труда, многие профессии, основанные на ручном труде, отмирают, соответствующие функции берут на себя машины. Но, с другой стороны, существует примитивный механизированный труд, объем которого увеличивается. «В условиях мелкосерийного и тем более

индивидуального производства приходится самим изыскивать способы выполнения работ, приспосабливаться к новым условиям труда. Это активизирует творческую мысль. Частая перемена объектов труда, а следовательно, и методов их производства приводит к тому, что вырабатывается «стереотип мобильности»²⁰. Напротив, технически совершенный процесс массового производства почти не оставляет легко выявляемых резервов производства. Технологический процесс высокоавтоматизированного предприятия покоится на научных основах. Это значит, что не только рабочий, обслуживающий автоматы, но и цеховой инженер не может здесь что-либо существенно изменить. Судьбы технологического процесса решаются теперь не в самом производстве, а в научной лаборатории. Это не умаляет значения труда рабочих и ИТР, но ставит определенные границы его возможностям.

Немалые трудности представляет и проблема профессиональной специализации. Некоторые авторы считают, что в коммунистическом обществе специализация труда отомрет, каждый человек сможет делать все и будет совершенно свободно менять виды и формы своего труда. Ссылаются при этом на то, что автоматизация производства упрощает операции по управлению машинами и человек легко сможет переходить от одного пульта управления к другому.

Такая точка зрения представляется совершенно неубедительной. Если свести все дело к возможности перехода от одного пульта управления к другому, то никакой перемены труда здесь фактически нет. Какая разница, где нажи-

мать кнопку? Само понятие перемены труда уже предполагает его специализацию. Кроме того, работа оператора далеко не самая квалифицированная работа на производстве. Если же взять работу наладчика автоматов, то она требует обязательного знания технологического процесса, а технология разных производств далеко не одинакова, и без специализации здесь не обойтись. Тем более невозможно избежать специализации и, следовательно, определенного самоограничения в наиболее сложных областях труда, как инженерная, врачебная или педагогическая деятельность. Объем знаний, необходимых для того, чтобы плодотворно работать в одной какой-либо области, уже сейчас настолько велик, что человек не может овладеть им без определенного ограничения, специализации. По мере роста науки и техники число видов занятий в народном хозяйстве не уменьшается, а растет. Так, словарь занятий для разработки переписи населения в 1926 г. содержал 10 371 наименование, в 1939 г. — около 19 тыс. наименований, а в 1959 г. — уже примерно 30 тыс. наименований²¹.

Конечно, специализация не должна быть чрезмерно узкой. Само развитие науки и техники требует от специалиста любого профиля не только специальных познаний, но и достаточно широкого общего образования. Мы живем в период, когда разные области знания, в прошлом изолированные друг от друга, пришли в тесное соприкосновение, ломающее старую ограниченность. Сегодня кибернетика помогает медицине и политической экономии, биология не может развиваться без помощи физики и химии и т. д. Но отдельная личность тем не менее фи-

зически не в состоянии охватить все богатство человеческих знаний, да и нужды в этом нет, ибо ограниченность (ценой которой обеспечивается глубина) знаний отдельного индивида успешно восполняется кооперацией специалистов.

Перемена труда может осуществляться и осуществляется по-разному. Расчлененный механический труд допускает только внешние переходы: смена мест у сборочного конвейера, овладение несколькими смежными профессиями и чередование работы по каждой из них. Такого рода перемена труда широко практикуется в советской промышленности. Взаимозаменяемость работников облегчает рост производства, а самим рабочим дает желаемое разнообразие.

В более сложных и творческих профессиях дело обстоит иначе; там перемена труда носит уже не внешний, а внутренний характер (переход от изучения опыта и литературы к практическому освоению техники, ее наладке и установке, от этого — к расчету и конструированию новых машин и т. д.). Число основных элементов собственно рабочего времени (без перерывов) у инженера и конструктора в 3—5 раз больше, чем у оператора на сложном универсальном оборудовании, в 7—10 раз больше, чем у оператора на простейшем оборудовании, в 10—12 раз больше, чем у подсобного рабочего²². Чем сложнее труд, тем больше таких внутренних переходов. Поэтому такой труд и не кажется однообразным.

Но если специализация труда (а следовательно, и людей) неустранима, то насколько

вообще может быть свободен индивид в сфере материального производства?

Это очень сложный и спорный вопрос. Слово «труд» означает, с одной стороны, производство материальных благ (понятие производительного труда в политической экономии), а с другой — всякую общественно полезную деятельность. Проблема свободы личности в труде может обсуждаться как на психологическом, так и на социально-экономическом уровне анализа. *С точки зрения психологии* дело сводится к вопросу о соотношении содержания деятельности и ее мотива. Всякая целенаправленная деятельность одновременно и свободна и необходима. «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил»²³.

В любом процессе деятельности есть и элемент привычки (навыка), который обычно не замечается субъектом, и элемент необходимости, принудительности (он присутствует даже в игре), и элемент свободного индивидуального выбора. Как воспринимает и сознает субъект

целостный процесс, зависит от сочетания этих элементов, и прежде всего от того, насколько личной является цель деятельности. Сравните два действия: девушка-секретарша пишет письмо любимому, а затем служебное письмо. Физиологически оба процесса тождественны. Но психологическое содержание деятельности разное. В первом случае налицо процесс самовыражения, поэтому прочие элементы не замечаются, отступают на задний план; во втором случае девушка выполняет *задание*, ее деятельность — работа, подчиненная необходимости. В зависимости от системы психологических мотивов одна и та же деятельность может переживаться как свобода или как необходимость. Чисто рассудочное осознание этой необходимости (сознание общественной полезности труда или его необходимости как средства к существованию) само по себе не снимает этой дилеммы; подчинение необходимости, потому что ее нельзя изменить, не является синонимом свободы. *Психологически* свободна только та деятельность, которая выражает внутренние побуждения личности, где необходимость «снята» в индивидуальной мотивации.

Но за психологическими проблемами стоят проблемы социально-экономические. Труд не просто способ жизнедеятельности индивида, это — *общественно полезная* деятельность. Как бы ни воспринимал свою деятельность тот или иной отдельный индивид, для общества труд (его количество, качество, специализация) *всегда* составляет объективную необходимость. Трудящийся индивид всегда является лишь частью целого, его функция, сознает он это или

нет, задана ему структурой общественных потребностей. Личность может быть психологически свободна (т. е. воспринимать свою деятельность как выражение своих внутренних побуждений) лишь в той мере, в какой структура ее мотивов и ценностных ориентаций *соответствует* структуре общественных потребностей, т. е. если она *хочет* того, что *нужно* обществу. Многообразие индивидуальностей и дифференциация социальных функций неизбежно ставят проблему подгонки друг к другу человека и функции. Их слияние может быть лишь относительным. По мере развития общества развиваются специфические механизмы координации несовпадающих интересов: 1) внеэкономическое принуждение, обеспечивающее *подчинение* индивида не удовлетворяющей его деятельности (функции); 2) материальные стимулы, вызывающие *материальную заинтересованность*, — незаинтересованность содержанием труда компенсируется преимуществами в других сферах жизни; 3) моральные стимулы, *сознание* общественной необходимости деятельности, которая сама по себе данному индивиду неинтересна; 4) *привычка* трудиться на общую пользу, выполнение которой дает удовлетворение независимо от того, доставляет ли радость сам процесс труда или нет.

Можно ли представить себе, что в коммунистическом обществе все эти формы регулирования полностью исчезнут и труд станет абсолютно свободным, как в общественно-историческом, так и в индивидуально-психологическом смысле? Такой взгляд кажется мне утопическим. Благодаря обилию материальных ресурсов

и высокому уровню сознания людей коммунистическое общество сможет отказаться от форм «внешнего» принуждения и материального поощрения. Коммунистический труд, по Ленину, есть «бесплатный труд на пользу общества», «труд добровольный, труд вне нормы», «без условия о вознаграждении». Но это не только труд как призвание, как свободное самораскрытие собственной индивидуальности. Это также «труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу»²⁴.

Разумеется, современные рутинные виды труда, вызывающие у людей чувство неудовлетворенности, не вечны. Но по мере роста производства растут и человеческие требования к содержанию труда. Одни виды труда всегда более привлекательны, чем другие. Конечно, разных людей могут привлекать разные виды труда. Одно из главных условий удовлетворенности трудом состоит в том, чтобы профессиональная роль отвечала индивидуальным особенностям личности. Сейчас это не всегда возможно, скажется как неравенство социальных условий (материальные и культурные возможности семьи, разница жизни в городе и в деревне и т. п.), так и отсутствие у школьников элементарной профессиональной ориентации. В результате выбор профессии часто оказывается делом случайных «обстоятельств». Будущее общество сможет здесь многое усовершенствовать, не говоря уже о расширении возможностей перемены ошибочно избранной специальности.

Коммунистическое общество может преодо-

леть существующие сейчас социальные различия между людьми физического и людьми умственного труда. Научно-техническая революция неуклонно повышает долю умственного труда в любой производственной деятельности и одновременно ускоряет получение «прикладных», практически полезных результатов из отвлеченных, чисто теоретических научных исследований. Тем самым сокращается традиционный разрыв между материальным производством и производством духовным. Но полное тождество их все-таки невозможно. Разные виды труда никогда не будут давать равных возможностей для развития личности. Отсюда и разное к ним отношение. Одни профессии мыслятся как личное призвание, другие, более элементарные, опираются скорее на силу привычки, обоснованной сознанием их общественной необходимости. Это значит, что нужно отказаться от утопической идеи, будто все внутренние потребности и запросы личности могут быть реализованы в сфере труда.

Как справедливо заметил Ю. Н. Давыдов, установка на то, чтобы каждый мог делать все, означает, что другой человек рассматривается не как продолжение, а как граница моего Я, и, чтобы быть независимым от этого другого, я должен все содержать в себе самом. Это чуждо самому духу коммунизма. Принцип распределения по потребности вовсе не означает, что каждый индивид может (тем паче — должен) потребить все производимое обществом. Речь идет об удовлетворении именно его индивидуальных потребностей. Точно так же и принцип свободного развития личности не означает обязатель-

ного «присвоения» всех форм трудовой деятельности. Речь идет о развитии моих способностей в тех областях, которые мне наиболее близки и интересны. «Коммунистическое кооперирование (ассоциирование) производства требует от каждого индивида не столько того, чтобы он знал и умел «абсолютно все»... сколько того, чтобы он *соизмерял* свои знания, умения и способности со знаниями, умениями и способностями всех остальных индивидов. Чтобы он был способен организовать мир своих знаний, умений и способностей *в расчете на всестороннюю* (универсальную) *поддержку его сотоварищей*»²⁵.

Когда проблема всестороннего развития личности сводится к вопросу о сохранении или устранении специализации, это означает, что личность рассматривается исключительно как агент производства и речь идет о том, чтобы именно в этом качестве сделать ее универсальной. Но именно против этого возражал Маркс. Важно не то, сколько именно и каких функций выполняет человек, а то, насколько универсальна его деятельность по содержанию, т. е. чтобы в ней сочетались физический и умственный труд, исполнительский и организаторский, практический и теоретический. Задача состоит не в том, чтобы врач был одновременно агрономом и слесарем, — это и невозможно и не нужно, а в том, чтобы профессиональная роль, какова бы она ни была, во-первых, отвечала индивидуальным особенностям личности и, во-вторых, не подавляла других ее сторон, которые в этой роли воплотиться не могут. Ограниченность отдельной функции принципиально совместима с универсальностью деятельности как целого.

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие»²⁶.

Даже самый вопрос о творческом или нетворческом характере труда и его воздействии на личность невозможно решать, абстрагируясь от

других сторон жизнедеятельности индивида. Любой специализированный труд, рассматриваемый изолированно от прочих условий, с одной стороны, обогащает, а с другой — деформирует личность. Механический, монотонный труд — тем, что отупляет человека, снижает его интеллектуальные запросы. Творческий труд (например, труд ученого) — тем, что, поглощая человека целиком, ограничивает его проявления в других областях (вспомним слова Козьмы Пруtkова: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя»). Какие бы внутренние перемены деятельности ни заключала в себе избранная специальность, ее рамки ограничены и сведение личности к ее профессиональной роли неизбежно деформирует ее.

Кстати сказать, представления обыденного сознания о творческих возможностях разных профессий часто бывают совершенно ложными и попросту воспроизводят укоренившиеся предрассудки. Особенно это касается профессий сферы обслуживания, которые, как я уже говорил, пользуются у молодежи наименьшим престижем. Можно быть какого угодно мнения о плюсах и минусах работы продавца, но рутинной она становится только при очень плохой организации торговли, вопреки основным требованиям самой профессиональной роли. Для человека, умеющего и любящего работать с людьми, эта профессия содержит громадное разнообразие ситуаций, каждая из которых требует сугубо индивидуального, творческого подхода. Механизация вспомогательных процессов торговли и обслуживания лишь увеличивает значение *человеческих* элементов, которых здесь го-

раздо больше, чем во многих других профессиях.

Если рассматривать вопрос о перемене труда на функционально-техническом уровне, то различие между капитализмом и социализмом сводится к тому, что социалистическое общество организовано помогает рабочим повышать свою квалификацию, учиться и т. д., тогда как на Западе это считается частным делом каждого: хочешь и имеешь возможность учиться — учись, нет — жди, когда тебя выкинут за ненадобностью; общие же тенденции в сфере разделения труда совпадают, так как обусловлены соответствующим уровнем техники. Но такой подход неправилен. Главное состоит в том, что при капитализме человек — прежде всего агент производства. Причем это касается не только рабочего, но и служащего, инженера, специалиста. Он должен эффективно выполнять свою производственную функцию, и общество — стихийно или организовано, с помощью государственных мероприятий, — побуждает его добиваться этой эффективности. Но и только. Расширение сферы его деятельности никого не заботит: ведь прибыль приносит только его производительный труд.

При социализме перемена деятельности осуществляется не только внутри избранной профессии, но и вне ее. Заботясь о личности работника, общество помогает ему выйти за рамки непосредственно-профессиональной деятельности. Так, рабочий-новатор, как правило, чередует свою деятельность исполнителя с функциями инженерно-технического работника²⁷.

Функции, вытекающие из технологического процесса, чередуются с участием в управ-

тические функции, т. е. функции управления общественными делами, были отделены не только от эксплуатируемых классов, но и вообще от конкретных индивидов как таковых. Государство выступало как грозное чудовище Левиафан, обладающее собственной волей и стоящее выше пужд и интересов конкретных людей. Эта безличная природа государства как машины особенно ярко проявляется в бюрократии.

В западной социологии существует старая традиция отождествлять феномен бюрократии с любой управленческой деятельностью. Например, в американском «Словаре политической науки» бюрократия определяется как «организация, чиновники и система форм, связанные с любым большим административным аппаратом, особенно же с правительственными учреждениями. Назначение бюрократии — использование преимуществ организации действия по готовым шаблонам, чтобы охватывать большой объем работы и решать вопросы беспристрастно и безлично»³². В «Словаре общественных наук», изданном ЮНЕСКО, подчеркиваются такие черты бюрократии, как рациональность в принятии решений, безличность в отношениях, стандартизация (рутинизация) задач и централизация власти³³. Связывая феномен бюрократии с процессом специализации управления, многие социологи, даже не одобряя его, считают его принципиально неустранимым, фатальным.

С таким расширительным и преимущественно функциональным пониманием бюрократии трудно согласиться. Бюрократизм не синоним управления как такового, а лишь определенный стиль и форма управления; типичные черты

его, отмеченные еще Марксом, — это формализм, отрыв управления от управляемых и жесткая внутренняя иерархия. Политическая бюрократия как особый социальный слой существует там, где люди, профессионально занимающиеся политикой, образуют устойчивую и внутренне взаимосвязанную социальную группу, которая стоит над основной массой населения и которая благодаря сосредоточению в ее руках политической власти обеспечивает себе известные материальные привилегии. Жесткий характер бюрократической структуры действительно делает работу аппарата бесперебойной и в этом смысле эффективной. Однако, как показывают не только житейские наблюдения, но и специальные научные исследования, в частности новейшие работы по теории организации, формальный характер бюрократического управления неизбежно приходит в противоречие с содержательными целями организации, подрывая тем самым ее эффективность. Сложные организации требуют гибкой структуры, децентрализации и автономии частей, что несовместимо с бюрократическими принципами. Невозможность преодолеть бюрократизм в условиях капитализма объясняется прежде всего классовым характером государства. С одной стороны, иерархически организованный аппарат помогает господствующему классу выталкивать массы из политики. С другой стороны, бюрократия как социальный слой сама составляет влиятельную часть господствующего класса и использует свои политические возможности для закрепления существующего положения вещей.

Единственное решение этой проблемы ука-

зывает марксистско-ленинская теория отмирания государства и замены его общественным самоуправлением.

Первое, что осуществляет социалистическая революция,— это уничтожение власти эксплуататорского меньшинства населения и замена ее властью подавляющего большинства (диктатура пролетариата); затем, по мере преодоления классовых антагонизмов, власть большинства постепенно становится властью всего народа (общенародное государство); наконец, в условиях коммунизма государство отмирает, превращается в подлинное общественное самоуправление, когда уже не будет специального политического аппарата, а соответствующие функции будут выполнять все граждане по очереди. Как писал В. И. Ленин, нужно, «чтобы каждый член Совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством... а затем... чтобы все население поголовно привлекалось постепенно... к несению службы государственного управления»³⁴.

Но реализация этой цели в полном объеме требует целого ряда объективных и субъективных предпосылок и длительного времени. Во-первых, темп этого процесса зависит от технико-экономического уровня страны. Чтобы рядовые граждане могли эффективно (а не формально только) участвовать в управлении и решении общественных дел, нужны определенные материальные условия (люди должны иметь достаточное количество свободного времени и достаточно высокий жизненный уровень). Во-вторых, имеет значение наличие (или слабость) демократической политической традиции; там, где люди при-

выкли конструктивно (хотя бы и в ограниченных, урезанных рамках буржуазной демократии) участвовать в политике, дело пойдет легче, чем там, где государство в прошлом носило деспотический характер и массы были политически инертны. В-третьих, многое определяется уровнем культуры населения, который, в свою очередь, зависит от двух первых условий. Неграмотный или невежественный человек не может реально управлять страной, какие бы свободы ему ни предоставлялись.

Чем более отсталой является страна, вступившая на путь социализма, тем труднее и длительнее будет переход к непосредственному управлению масс. Беря на себя управление страной от имени народа и в интересах народа, революционный авангард одновременно осуществляет политическое воспитание масс, все шире вовлекая их в управление. Но без специализированного, профессионального аппарата управления в этих условиях обойтись невозможно. Рекрутируясь из тех же самых рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, этот аппарат не должен стоять над массами, которым он служит и которым он подконтролен. Однако объективная возможность отрыва отдельных звеньев этого аппарата от масс не исключена. На эту опасность неустанно указывал В. И. Ленин.

Бюрократизм как система управления и как стиль мышления непримиримо противоположен социализму. Социализм опирается на инициативу масс, в которых он видит подлинных творцов истории; он стремится развернуть все богатство возможностей, заложенных в каждом индивидуе и в каждом коллективе. Бюрократи-

ческое мышление, напротив, с недоверием относится как к массам, так и к индивидуальности. Инициатива, идущая снизу и ломающая привычный регламент, кажется ему опасной анархией. В любых не предусмотренных регламентом действиях и мотивах бюрократ видит что-то подозрительное, враждебное. Человек для него только объект управления и манипулирования. Отсюда — своеобразный синтез в бюрократическом мышлении волюнтаризма (когда речь идет об управленческой деятельности) и фатализма (когда речь идет о массах). Когда речь идет об административной деятельности, бюрократ склоняется к волюнтаризму, считая, что с помощью директив и циркуляров можно добиться любых результатов, невзирая на объективные условия. Когда же речь идет о прошлом, он считает все в нем абсолютно детерминированным, необходимым: ведь критика прошлого предполагает, что и в настоящем возможны ошибки.

Философия социализма основывается на науке, ей присуще глубочайшее уважение к человеческому интеллекту. Бюрократизм, напротив, по самой сути своей антиинтеллектуалистичен. Дело вовсе не в том, что чиновник-бюрократ малокультурен; бюрократы бывают разные, в том числе и образованные. Но интеллект — это прежде всего поиски нового, а это-то как раз и враждебно бюрократическому духу. Поэтому бюрократ «уважает» науку, но... только как средство. Он заранее знает, что хорошо и что плохо, что правильно, а что неправильно. Ученый эксперт нужен ему только для подыскания оптимальных средств к «заданной» цели; если

же ученый ставит под сомнение реальность самих целей, его рекомендации тут же отвергаются, как явно ошибочные. В сфере искусства подозрение вызывает все новое и непривычное просто в силу своей новизны. Короче говоря, бюрократическое мышление — это возведенная в принцип рутина, претендующая быть альфой и омегой общественной жизни. Классический идеал бюрократического мышления — образ человека-винтика, автоматическидвигающегося в безличном механизме машины-общества.

Преодоление бюрократизма — необходимая предпосылка не только всестороннего развития личности, но и сохранения человеческой индивидуальности как таковой.

Бюрократизм невозможно уничтожить разом. «Можно прогнать царя, — прогнать помещиков, — прогнать капиталистов, — писал В. И. Ленин. — Мы это сделали. Но нельзя «прогнать» бюрократизм... «Сбросить» нарыв такого рода *нельзя*. Его можно лишь *лечить*. Хирургия в этом случае абсурд, *невозможность*; только *медленное лечение* — все остальное шарлатанство или наивность»³⁵.

Каковы средства такого лечения?

Первое средство — все более широкое вовлечение масс в непосредственное управление страной. Проведение этого курса в жизнь Коммунистическая партия Советского Союза считает одной из своих важнейших задач.

Ю. Е. Волков в книжке «Так рождается коммунистическое самоуправление» приводит интересные данные о количественном росте советского и прочего актива, а также об увеличении его фактической роли в управлении общест-

венной жизнью³⁶. Так в целом по стране профсоюзный актив насчитывает сейчас более 26 млн. человек, что составляет около 39% общего числа членов профсоюза, этой самой массовой организации трудящихся.

Рост общественного актива сочетается с сокращением платного аппарата профсоюзов. Уже сейчас около 95% всех фабрично-заводских местных комитетов Свердловской области существуют полностью на общественных началах. Аналогичные процессы разворачиваются и в других общественных организациях. Неуклонно возрастает роль общественного актива и в работе государственных органов.

Наряду с повышением роли и расширением базы старых общественных организаций в последние годы появляется много новых организаций и форм общественной деятельности. Ю. Е. Волков подразделяет их на две группы. К первой относятся те, через которые трудящиеся привлекаются к непосредственному управлению производством (постоянно действующие производственные совещания, технические и технико-экономические советы предприятий и учреждений, общественные конструкторские и технологические бюро и т. п.).

Вторую группу составляют различные общественные формы деятельности, связанные с управлением, культурным и социально-бытовым обслуживанием трудящихся, а также с поддержанием общественного порядка. Здесь трудящиеся сами выполняют некоторые административные функции, в прошлом составлявшие монополию государства. Таковы внештатные органы управления местных Советов, депутатские

посты, группы и т. п., самодеятельные организации населения, общественные организации и формы работы, связанные с охраной общественного порядка: добровольные народные дружины, комсомольские оперативные отряды и т. д. Исключительно важную роль в деле вовлечения населения в решение общественных и государственных вопросов играет народный контроль.

Большое значение в приобщении масс к управлению имеет весь политический механизм советской государственности, а также развитие и расширение внутрипартийной демократии. Осуждение партией волюнтаризма и субъективизма в методах руководства, курс на подлинно демократические методы обсуждения вопросов и принятия решений способствуют росту самостоятельности и инициативы партийных масс, а следовательно, и каждого коммуниста в отдельности.

Было бы, однако, неправильно удовлетворяться достигнутыми успехами. Прежде всего данные о количественном составе актива часто оказываются завышенными, так как общественные поручения распределяются весьма неравномерно; одни люди вообще не участвуют в общественной жизни, а другие имеют слишком много функций, не обладают реальной возможностью выполнить порученное дело, относятся к нему формально (т. е. в общественную работу тоже вносится бюрократический дух). Общественные функции перестают в этих случаях быть самодеятельностью, свободной активностью личности, а воспринимаются как дополнительная нагрузка, т. е. как отчужденный труд.

Мало что говорит и соотношение платных и бесплатных сотрудников. В общественной работе особенно важно сочетание в одном лице исполнительской и распорядительской деятельности. Но нередко бывает так, что функции общественного актива, в том числе и выборного, сводятся к выполнению поручений немногих платных работников. Если это повышает эффективность аппарата, такая работа общественно полезна. Полезна она и для личности, расширяя диапазон ее социальных ролей. Но от настоящего самоуправления это еще очень далеко, так как человек не участвует в выработке решений, а только помогает их реализации. Когда же в таком положении оказывается выборный актив (например, если депутат Совета превращается в простого помощника административного аппарата), это и вовсе извращает самую идею демократии.

Дальнейшая демократизация управления хозяйством — объективная необходимость советского общества. Это особенно наглядно выступает в мероприятиях КПСС по осуществлению экономической реформы.

Административная опека, мелочная регламентация деятельности предприятий и коллективов трудящихся уступают место трезвому экономическому расчету, обеспечивающему оптимальное сочетание интересов государства, конкретного предприятия и отдельного работника. Это расширение самостоятельности всех звеньев управленческой и производственной деятельности стимулирует в людях рост инициативы, коллективности и ответственности. Одно дело, если директор завода просто переда-

точная инстанция для спускаемых сверху указаний; другое дело, когда он, совместно с коллективом и в пределах общих плановых заданий, является полноправным хозяином предприятия. Это касается не только руководителя, но и рядового рабочего или служащего. Любое массовое движение начиналось скромным индивидуальным почином, и общество кровно заинтересовано в том, чтобы таких начинаний было больше. А для этого нужно, так сказать, единство многообразия: многообразие индивидуальностей, способных по-разному ставить вопросы, и единство коренных общественных целей, позволяющее эффективно реализовать принятые в результате коллективного обсуждения решения. Экономическая политика органически связана с политической демократией и системой воспитания.

Но рост *самостоятельности* масс, повышение их роли в *непосредственном* управлении обществом не отменяет другой, в известном смысле противоположной, тенденции — *специализации* управленческих функций. Чтобы понять диалектику этих двух тенденций, нужно учитывать сложность современной управленческой деятельности и многообразие ее объектов, а также разницу между управлением людьми и управлением вещами.

Всякая руководящая деятельность включает в себя интеллектуальный и волевой элементы. Первый опирается на знание существа дела, понимание стоящей перед организацией задачи. Второй, административный, элемент состоит в том, чтобы оперативно принять нужное решение, расставить людей, контролировать выпол-

нение намеченных заданий. Оба эти элемента необходимы. Но второй играет подчиненную роль, воля реализует планы, выработанные интеллектом,— плохо, когда получается наоборот. Чем сложнее организация и ее деятельность, тем вреднее и опаснее волевые решения, не основанные на знании дела (администрирование в дурном смысле этого слова). Но содержательные задачи различны в разных областях жизни, и это требует различных методов руководства.

Содержательное, интеллектуальное руководство составляет неотъемлемую часть самого производительного процесса. Руководителем в этом смысле может быть тот и только тот, кто сам является специалистом в данной области, кто авторитетен не по должности, а по знаниям и опыту. Эта сторона процесса управления будет и дальше специализироваться. В отделах кадров будут работать специалисты-психологи, в планирующих органах — экономисты, в органах, управляющих промышленностью, — специалисты по организации производства.

Другое дело — политический аппарат. Здесь тоже есть своя специализация, накопление опыта и т. д. Человек, проработавший какое-то время на выборной должности, приобретает определенные навыки, которые представляют общественную ценность и которыми нельзя пренебрегать. Когда подготовленных организаторских кадров мало, слишком частая смена их наносит серьезный урон делу. Отсюда — существование и в социалистическом обществе, так сказать, профессиональных политиков. Но тенденция развития здесь другая. «Необходимо вести дело к тому, чтобы государственный плат-

ный аппарат сокращался, чтобы навыками управления овладевали все более широкие массы и работа в этом аппарате в перспективе перестала быть особой профессией»³⁷, — говорится в Программе КПСС.

Одна сторона управления — подготовка и обработка информации, прогнозирование, на базе которого принимаются решения, — специализируется, ставится на научную основу. Например, в составлении планов развития народного хозяйства все большую роль играют ученые, и для этого им совсем не обязательно непосредственно работать в управленческом аппарате. Другая сторона — принятие ответственных решений и мобилизация людей на их осуществление — демократизируется, строится на началах самостоятельности и активности самого населения. Таким образом, классический чиновник-канцелярист, умеющий только спускать инструкции и понукать других, вытесняется, с одной стороны, экспертом, специалистом, для которого профессией является не управление вообще, а экономика или строительство, кпнфикация или здравоохранение, а с другой стороны, человеком, который участвует в решении общих вопросов в порядке самостоятельности или как выборный, на определенный срок, представитель определенного коллектива.

При обсуждении вопроса об отмирании государства и аппарата управления иногда высказываются утопические взгляды. Например, говорится, что при коммунизме каждый человек будет непосредственно участвовать в обсуждении и решении всех общественных дел. Вряд ли это практически возможно. Разумеется, массы дол-

жны гораздо шире, чем сейчас, знакомиться с подготавливаемыми законодательными актами. Программа партии предусматривает, что обсуждение трудящимися проектов законов и других решений, как общегосударственного, так и местного значения, должно стать системой. Это не только повышает их инициативу, но и обеспечивает более глубокое, многостороннее обсуждение вопросов. Однако каждый человек не может быть одинаково компетентным во всех вопросах. Если я, допустим, врач, мне трудно иметь обоснованное личное мнение о том, каково сегодня оптимальное соотношение химической и металлургической промышленности. Как бы ни обставлялось принятие решения по этому вопросу, определяющим здесь в конечном итоге должно быть мнение специалистов. Сам принцип научного руководства обществом предполагает, что вопросы решаются не механическим большинством, а на основе выводов науки. То, что я не могу повлиять на это решение, нимало не ущемляет моих прав, если 1) общее решение учитывает не частные интересы отдельной группы лиц, а интересы всего общества и 2) мое мнение сыграет свою роль в других вопросах, где я более компетентен.

Участие личности в решении общенародных дел бывает не только *непосредственным*, но и *опосредованным*, через ее принадлежность к различным конкретным коллективам.

Именно множественность этих социальных структур обуславливает многообразие индивидов как личностей (благодаря уникальной структуре их социальных ролей). Положение индивида в обществе определяется не только

системой центральных учреждений общества, но и всей совокупностью общественных отношений. Отсюда — проблема организации малых групп, производственных коллективов, учреждений и т. п.

Именно здесь, в конкретном коллективе, личность проходит важнейшую школу социальной жизни. Если здесь преобладают пассивность и конформизм, они неминуемо скажутся и в больших масштабах. Верно, разумеется, и обратное: отдельная ячейка общества не может на протяжении длительного времени жить по другим законам, нежели все общество. Отсюда — формирование коммунистического самоуправления, так сказать, снизу.

Почему так важна малая группа? Прежде всего потому, что отношения людей в ней, даже чисто функциональные по своей природе (например, распределение производственных функций в бригаде), одновременно являются и межиндивидуальными, окрашиваясь всем спектром человеческих эмоций. Устройство группы, характер взаимоотношений между ее членами служат для индивида своеобразной моделью общества вообще. Индивид, свободно и хорошо чувствующий себя в своих первичных группах, обычно склонен переносить эти чувства и на окружающее общество. Напротив, там, где человеческие отношения не клеются, у людей нередко вырабатывается настороженно-недоверчивое отношение и к обществу.

Интересные данные на сей счет приводит В. Б. Ольшанский³⁸. Он предлагал нескольким коллективам оценить по определенной системе привлекательность восьми типичных челове-

ских судеб, каждая из которых выражала какую-то специфическую ценностную ориентацию (продвижение по службе, накопление денег и имущества, самоотверженный труд, личный покой и тихая жизнь, борьба за справедливость, отказ от личного во имя творчества, блеск славы, прожигание жизни). При этом выяснилось, что ответы варьируют не только в зависимости от возраста и других характеристик опрашиваемых индивидов, но и от коллектива к коллективу. Например, группа слесарей-сборщиков одного из московских предприятий высоко оценила привлекательность биографии, подчеркивающей момент продвижения по службе (рабочий, который быстро стал крупным руководителем, и есть основание ждать его дальнейшего продвижения). Напротив, группа ленинградских слесарей-монтажников усмотрела в этой биографии карьеризм; высокую оценку получили здесь биография борца за справедливость и, с другой стороны, идеал личного покоя и тихой жизни. Откуда такая разница? Проверка показала, что на ленинградском предприятии была хуже развита демократия, были случаи административного произвола, зажима критики. Отсюда — непопулярность не только своего конкретного руководства, но и настороженность к руководству вообще и идеализация «модели жизни» «борца за справедливость» или, как признание безнадежности этой борьбы, уход в «тихую жизнь». В московской группе, наоборот, многие рабочие не только были свидетелями роста своих товарищей, но и сами испытали его. Поэтому образ растущего, энергичного руководителя вызывает здесь понимание и симпатию.

Так непосредственное общение формирует ценностные ориентации и идеалы личности.

Важнейшие группы, в которых осуществляется формирование и где проявляется самодеятельность личности, — это производственные коллективы. Как правильно подчеркивает польский социолог Ю. Вацлавек, предприятие выполняет не только технико-экономическую, но и социально-политическую роль. «Предприятие является главной кузницей социалистической личности, человека, мыслящего категориями «мы» и «наше». Оно является главным центром формирования новых, социалистических отношений между людьми, главным центром осуществления социалистического гуманизма»³⁹. Проблема человеческих взаимоотношений на предприятии имеет первостепенное значение как с точки зрения роста производительности труда, так и с точки зрения формирования личности и ее моральных качеств. На XXIII съезде партии было сделано интересное предложение, чтобы каждое предприятие наряду с производственным планом имело единый комплексный план социального развития коллектива, который должен всемерно учитывать как общественные интересы, так и личные потребности трудящихся (перспективы профессионального роста, отношения личности и коллектива, улучшение жилищно-бытовых условий и т. д.).

С точки зрения технико-экономической каждое предприятие — это организация, функционирование которой подчинено определенным законам и которая, в частности, требует единоначалия. С точки зрения социально-политической предприятие — это коллектив, сила и эффектив-

ность которого прямо пропорциональны активности ее членов. Эти аспекты, разумеется, взаимосвязаны и предполагают друг друга. Но они тем не менее не тождественны.

Директор предприятия одновременно глава организации и руководитель коллектива. Он обязан думать не только о производстве, плане, но и о быте рабочих, он должен быть доступен, внимателен, должен доходить до каждого рабочего и т. д. и т. п. Все эти требования ему известны. Но в каждой деятельности есть какая-то главная сторона. Для директора эта главная сторона — интересы производства. Хочет он того или нет, директор оценивает своих подчиненных прежде всего с точки зрения того, какую ценность представляет каждый из них для производства. Он понимает, что это не все, что люди имеют много других измерений. Но в буквальном смысле слова доходить до каждого он не имеет физической возможности. Никакие проповеди тут не помогут. И его самого как директора мы тоже оцениваем функционально; если он чутко относится к людям, дни и ночи проводит на заводе, но не может организовать производство, мы скажем: да, человек хороший, а директор плохой. Это один из аспектов материального производства как сферы необходимости, о котором говорил Маркс.

Я умышленно подчеркиваю здесь острые углы проблемы руководства, которые обычно сглаживаются в общей формуле, согласно которой руководитель должен обладать «всеми качествами». Реальные требования, которые люди предъявляют к руководителю, часто неоднородны. Так, в исследовании В. Н. Шубкина при

определении качеств потенциального руководителя научного коллектива (на основе данных опроса) получилось, что наибольшее значение придается интеллектуальным, деловым качествам; моральные качества и личная привлекательность имели меньшее значение⁴⁰. С другой стороны, имеется много фактов, свидетельствующих о том, что от руководителя требуются не столько профессиональные знания (для этого есть специалисты), сколько умение сплотить, организовать людей, для чего важнее всего искусство обращения с людьми, включая сюда природный такт, личное обаяние и т. п. Видимо, дело здесь не только в различии субъективных требований к руководителю, но и в сложности самого сочетания управления людьми и управления вещами (производственными процессами), — это разные процессы, которые, однако, неразрывно переплетаются. Вопрос об оптимальном сочетании в одном лице или разделении между разными лицами научно-технического, финансово-экономического и организационно-человеческого руководства требует специального научного исследования, как социологического, так и психологического. Научная организация труда предполагает изучение оптимальных форм руководства в зависимости от содержания деятельности, характера и масштаба предприятия и т. п. Психология же выясняет природу лидерства и организаторских способностей. Как показывают работы Л. И. Уманского, то, что мы суммарно называем организаторскими способностями, в действительности представляет довольно сложный психологический комплекс; само понятие «организатор» не тождественно

понятию «лидер» («вожак») и т. п. Бесспорно, однако, что управление людьми в наибольшей степени предполагает и даже требует демократизации, самостоятельности и творчества самих «руководимых». Здесь особенно велика роль общественных организаций.

Партийную, комсомольскую, профсоюзную и прочие общественные организации тоже волнует производственный план, производительность труда и все прочее, ради чего, собственно, и существует предприятие. Но на первом плане у них люди, непосредственный коллектив трудящихся. Чем крепче и активнее коллектив, тем больше функций по управлению предприятием может он взять на себя. Разумеется, никакой рабочий совет не заменит хорошего инженера. Но зато в том, что касается дисциплинарных вопросов, распределения жилья, премий и других видов материального и морального поощрения, решающая роль должна принадлежать общественности. Товарищи по работе знают и могут учесть тысячи индивидуальных обстоятельств, которых не в состоянии уловить даже самый опытный администратор.

Развитие личности не просто как работника, но как гражданина имеет сегодня первостепенное общественное значение.

В классово-антагонистическом обществе назревшие потребности общественного развития реализуются в столкновении враждебных классовых интересов, в порядке классовой борьбы. Коммунистическое общество будет бесклассовым. Но общество не может развиваться без отрицания и смены устаревших форм, без какого-то критического начала. Где же может

локализоваться это критическое начало? Только в личности, в многообразии индивидов и их мнений. Для коммунистического общества развитие творческих (и следовательно, разных, не похожих друг на друга) индивидуальностей не только цель, но и необходимое условие существования и развития. Мещанская боязнь индивидуальности как какого-то отклонения от «нормы» сменяется здесь глубочайшим уважением к индивидуальным особенностям каждого.

Мы уделяем много внимания борьбе против эгоизма и индивидуализма, и это правильно. Но не менее важной задачей является борьба против конформизма, против того, что Эмиль Кроткий называет законом всеобщего тяготения к шаблону. Конформизм иногда кажется просто несовершенной формой коллективизма. На самом деле он вырастает из тех же социальных корней, что и индивидуализм: в основе обоих лежит представление (чаще всего неосознанное) о коллективе как о некой внешней силе. Только в одном случае с этой силой пытаются бороться, а во втором — ей пассивно подчиняются. Люди иногда говорят: «Коллектив не может ошибаться», «Человек, который выступает против коллектива, — эгоист». Но это не только фактически неверно, так как коллектив может стоять и на неверных позициях. Вдумаемся в психологическую сторону дела.

Что значит утверждение: «Коллектив не может ошибаться»? Ведь коллектив — это мои товарищи, включая меня самого. Утверждая непогрешимость коллектива, я утверждаю тем самым свою собственную непогрешимость. Вряд ли кто-нибудь думает так всерьез. Вернее, за

этой формулой стоит такое рассуждение: «Коллектив — это не я, и я не могу отвечать за решения коллектива». То есть за психологией конформиста скрывается равнодушный индивидуалист, стремящийся переложить ответственность за свою деятельность на кого-то другого. Он «всегда с коллективом» только потому, что так спокойнее, не нужно ни бороться, ни думать. По ядовитому замечанию Г. К. Лихтенберга, ничто так не способствует душевному спокойствию, как полное отсутствие собственного мнения. Но это спокойствие есть род предательства и по отношению к коллективу, и по отношению к самому себе.

Возьмем нарочито простой пример. Идет комсомольское собрание. В зале 100 человек. Я один из них. Обсуждается персональное дело. Если бы мне предстояло единолично решить судьбу своего товарища, мне было бы очень трудно. Вероятно, я долго сомневался бы, рассматривая вопрос с разных сторон, взвешивая «за» и «против», возможно, мне потребовалось бы дополнительное время и материалы, и даже после принятия решения я бы думал о его возможных последствиях. Но я не один. Нас 100 человек. И я снимаю с себя ответственность, я не думаю, я даже не очень вслушиваюсь в суть дела, я просто полагаюсь на большинство: «Людам виднее». Но каждый из остальных 99 тоже может полагаться на остальных 99, в том числе на меня. В результате единогласно принимается решение, за которое никто индивидуально не несет моральной ответственности. И если потом окажется, что решение было неверным, все со спокойной совестью говорят:

«Мы не знали, мы не ведали, мы поверили другим». Коллективность решений без индивидуальной моральной ответственности становится практически, как ни крути, формой коллективной безответственности.

Мы высоко ценим единство — идейное и политическое единство общества, единство международного рабочего движения, единство воли и действий конкретного коллектива. Но единство не отменяет, а предполагает многообразие условий, людей, мнений. Ценно и прочно то единодушие, которое сложилось в процессе совместной деятельности, на основе всестороннего сопоставления различных, часто даже противоположных, точек зрения. И грош цена формальному «единодушию», возникающему из механического подчинения людей «готовой» точке зрения вследствие неумения или нежелания самостоятельно обдумывать вопрос. Такое «единодушие» не выдерживает серьезных испытаний и не стимулирует людей к творческой деятельности.

Уклоняясь от ответственности за свои деяния, человек отказывается тем самым от своей свободы и индивидуальности. Одно неотделимо от другого. Мера свободы есть одновременно мера ответственности.

Боязнь ответственности — стимул уклониться от борьбы. Сознание ответственности — стимул к деятельности. Ответственность, долг перед обществом переживается как ответственность перед самим собой. Конечно, как и всякий другой человек, я могу ошибаться. Поэтому я и не претендую на то, чтобы единолично решать за все общество. Но я не могу уклониться от

острых вопросов, я должен серьезно изучить их и, коль скоро у меня сложились какие-то убеждения, отстаивать их перед другими.

Социология и этика — разные дисциплины. Но социологическая концепция личности не может не затрагивать этических проблем. Ибо в поведении личности немаловажную роль играет ее нравственное самосознание, ее представление о том, какой она должна быть. И чем значительнее, активнее, самостоятельнее личность, тем важнее эта сторона дела. Никогда, ни при какой общественной организации индивид не сможет решать за всех остальных. Всегда ему придется считаться и с объективными условиями, и с многообразием человеческих мнений. Никогда он не сможет предвидеть все общественные последствия своих поступков. Но именно поэтому его *общественный* долг состоит в том, чтобы стремиться к максимальной самореализации, максимальной самоотдаче, независимо от степени успеха и признания со стороны окружающих. Как сказал поэт,

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать.
И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

Эти строчки, вырванные из контекста, можно истолковать в индивидуалистическом духе: дескать, будь самим собой и не заботься об окружающих. Но поэт говорит как раз о «самоотдаче», которая исключает эгоистический рас-

чет. Человек именно потому должен оставаться самим собой, что только так он может отдать себя людям. Приспособленчество убивает индивидуальность. Служение обществу и самореализация личности в ее подлинном, глубоком смысле — это одно и то же. В одном из рассказов Д. Гранина выведен человек, который все время откладывает выражение собственного мнения «до лучших времен». Сначала он уходит от конфликта с бюрократом-начальником, так как хочет занять более прочную служебную позицию, которая позволит ему сделать много больше. Потом следуют новые компромиссы с совестью, смелость и самостоятельность все откладываются и откладываются. В итоге складывается облик карьериста, у которого собственное мнение существует только, так сказать, для личного употребления, а действует он по принципу «чего изволите?». Но в жизни такие истории кончаются еще трагичнее, чем у Гранина. Самостоятельность суждений не пожизненный дар. Так же, как атрофируются бездействующие мышцы, атрофируется подавляемая индивидуальность. Тот, кто боится собственного мнения и привык следовать во всем чужой указке, рискует в один прекрасный день обнаружить, что у него и нет своего мнения, что он не способен к самостоятельным действиям. У человека только одна жизнь, здесь нет ни черновиков, ни отсрочек, ни пауз. В каждый данный момент ты либо реализуешь, либо отрицаешь сам себя, точнее, разные стороны своего Я. И если ты подавляешь свои лучшие стремления, не удивляйся потом своему душевному оскудению.

«Новая книга» Леонида Мартынова открывается стихотворением «Свобода», где утверждается, что быть свободным — «это значит быть за все в ответе». А заключает ее стихотворение «Голоса»⁴¹. В хоре смутных голосов поэт слышит и свой собственный голос:

Мой голос
Этот вот,
Велик он или мал,
Я, не боясь невзгод,
Упорно поднимал;
Его я возвышал,—
О, нет, я не молчал,—
И пусть он не решал,
Но все же он звучал,
Поддержан, заглушен,
То тайный, то прямой,
Каков бы ни был он,
Он мой,
Он мой,
Он мой!

Вероятно, с точки зрения образности стихи могли бы быть и ярче. Но выраженная в них мысль глубока: свобода как ответственность за судьбы всего мира необходимо ведет к утверждению человеческой индивидуальности. А индивидуальность ценна именно тем, что она концентрирует в себе весь мир.

Коммунизм утверждает принцип коллективизма. Но сила коллектива — в богатстве составляющих его индивидов. Рассказывают, что одного профессора спросили: «Что важнее — коллектив или личность?» Разумеется, коллектив, ответил профессор, но лишь в том случае, если он состоит из личностей. Ибо сумма единиц есть число, всегда большее единицы, а сумма нулей всегда равняется нулю.

4. ЛИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРА

Когда людей станут учить не тому, что они должны думать, а тому, как они должны думать, то тогда исчезнут всякие недоразумения...

Г. К. Лихтенберг

И труд, и социальная активность людей во многом определяются уровнем их образованности и культуры. Здесь налицо взаимозависимость: расширение диапазона реальной жизнедеятельности порождает у личности новые, более сложные культурные запросы, а расширение кругозора, даваемое культурой, непосредственно влияет на поведение и внутренний мир личности. Уже простая возможность увидеть себя (и окружающих людей) как бы с более высокой точки делает человека принципиально другим. Поэтому вопрос о судьбах культуры неразрывно связан с проблемой личности.

Первое, что делает социализм в сфере культуры, — это ее демократизация, распространение культуры вширь, превращение ее в достояние самых широких народных масс.

Пример Советского Союза, в прошлом отсталой страны, в этом отношении особенно показателен. По переписи 1926 г., т. е. незадолго до начала первой пятилетки, в стране насчитывалось лишь 2,6 млн. работников умственного труда, в том числе 0,5 млн. дипломированных специалистов со средним специальным и высшим образованием. К концу 1965 г. соответствующие цифры составили 25,3 и 12,1 млн. человек. Неизмеримо повысился общеобразовательный уровень трудящихся, занятых физическим

трудом. Только за последние семь лет число лиц, имеющих среднее образование, увеличилось среди рабочих в промышленности с 45 до 58%, а среди колхозников — с 23 до 31% ⁴².

Эти количественные показатели весьма существенны. Но было бы неверно удовлетворяться ими. Культурные запросы различных социальных слоев да и сами возможности их удовлетворения далеко не одинаковы. Один человек может ходить в театр еженедельно, а другой не бывает там никогда, либо потому, что не имеет возможности (житель далекой деревни), либо потому, что не испытывает такой потребности. Не менее важно, что именно человек смотрит, слушает или читает. У нас не издаются вещи, рассчитанные на пробуждение неизменных инстинктов. Коммерческий подход к духовному производству принципиально противоречит идеологической политике партии. Однако у нас тоже есть свой «масскульт». Примитивные, серые, однообразные вещи не становятся лучше от того, что в них утверждаются идеологически правильные положения. Наоборот, сами эти идеологические положения при этом опошляются, низводятся до уровня стертых клише. Догматическая критика, претендующая говорить от лица всего народа, игнорирующая многообразие художественных вкусов и подменяющая сложные эстетические критерии откровенной или завуалированной конъюнктурщиной, активно содействует этой инфляции идейно-художественных ценностей. Наконец, важно, как человек воспринимает прочитанное: ведь и серьезная литература может усваиваться примитивно и служить лишь средством времяпровождения.

Некоторые вопросы, затронутые выше, в связи с проблемой «массовой культуры», имеют значение и в социалистическом обществе.

Развитие культуры неразрывно связано с увеличением количества свободного времени, которое Маркс называл пространством человеческого развития.

Советские ученые, занимающиеся этим вопросом (Г. А. Пруденский и др.), считают, что нельзя отождествлять свободное время в собственном смысле слова со всем вне рабочим временем. Вне рабочее время в целом подразделяется на четыре части: 1) затраты времени, непосредственно связанные с работой на производстве, хотя и не входящие в рабочее время (передвижение к месту работы и обратно, подготовка рабочего места и т. д.); 2) домашний труд и самообслуживание; 3) удовлетворение физиологических потребностей (сон, еда и т. д.); 4) свободное время в собственном смысле слова, т. е. время, расходуемое по собственному усмотрению человека. Количество свободного времени у разных людей неодинаково. Это зависит и от продолжительности рабочего дня (инженерно-технические работники, имеющие ненормированный рабочий день, как правило, отдают производству больше времени, чем рядовые рабочие), и от всей совокупности жизненных условий: удаленности дома от работы, состояния транспорта, наличия тех или иных бытовых удобств, распределения функций в семье и т. п.

В среднем за неделю свободное время составляет у мужчин 20,0—26,8%, у женщин — 10,7—17,8% всего вне рабочего времени. В буд-

ний день оно составляет 3 часа 36 минут у работающих мужчин и 1 час 57 минут у работающих женщин (разница обусловлена тем, что женщины несут гораздо больше домашних обязанностей)⁴³.

Много это или мало? С одной стороны, не так уж много. Ведь в эти часы укладывается и отдых (за исключением сна), и развлечения, и общественная работа, и воспитание детей, и самообразование, и спорт, и всякого рода любительские занятия, вроде рыбной ловли или охоты. Но к этому времени нужно прибавить выходные и праздничные дни, когда свободное время составляет в среднем 9 часов в сутки, а также отпуска, когда доля свободного времени еще выше. По данным В. Д. Патрушева, годовой фонд свободного времени составлял в 1963 г. в Красноярском крае у инженерно-технических работников 1500 часов на человека, у рабочих — 1377, у колхозников — 1164, у служащих — 1095, у женщин трех последних категорий — соответственно 1000, 880 и 900 часов⁴⁴. При правильном использовании это уже не так мало. А ведь строительство коммунизма предполагает не только дальнейшее повышение жизненного уровня народа, но и сокращение продолжительности рабочего дня. Это открывает поистине громадные возможности для развития человека и культуры.

Переход советских предприятий на 7-часовой рабочий день дал трудящимся дополнительный час свободного времени. Один только час, как будто немного! Однако это сразу сказалось на всех сторонах жизни⁴⁵. По данным Научно-исследовательского института труда, после пе-

рехода на 7-часовой рабочий день рабочие нашей страны стали уделять больше времени: чтению (кроме газет) — на 25 %, общественной работе — на 10, кино — на 30, спорту — на 18 %.

В настоящее время осуществляется перевод рабочих и служащих на 5-дневную рабочую неделю (пять рабочих дней и два выходных). Хотя общая продолжительность рабочей недели при этом не уменьшается, количество свободного времени возрастет, так как примерно на 17 % уменьшатся расходы времени, связанные с поездкой на работу и обратно и т. п. Огромные резервы времени может дать и совершенствование сферы бытового обслуживания, которое в СССР оставляет желать много лучшего. Сколько времени люди попусту теряют из-за плохой организации торговли, транспорта, общественного питания, отсутствия эффективной бытовой техники!

Но время как таковое — только пространство развития, его можно использовать по-разному. Жюффр Дюмазедье правильно пишет, что досуг не только и даже не столько время, сколько деятельность, выполняющая три главные функции: отдых, развлечение и саморазвитие. Однако соотношение этих функций может быть различным. Пока труд является несвободной, отчужденной деятельностью, свободное время, досуг ощущается и мыслится прежде всего как свобода от труда, поэтому главный акцент делается на отдыхе и развлечениях. Отсюда — и сравнительная бедность этих последних.

Расширение возможностей личности как субъекта труда и общественной деятельности существенно меняет структуру свободного вре-

мени, его использование становится более целенаправленным, оно воспринимается не столько как свобода от труда, сколько как свобода для развития собственной индивидуальности. В бюджетах времени советских людей, особенно молодежи, заметно увеличиваются затраты на образование, самообразование и другие формы интеллектуальной деятельности. Так, в месячных затратах свободного времени рабочих Красноярского края в 1963 г. учеба составила 14,9% (у женщин — 16,5%), самообразование — 20,8 (16,8), общественная работа — 3,3 (3,4), физкультура и спорт — 6,5 (2,2), творческая деятельность и любительский труд — 3,2 (2,6), отдых и развлечения — 41,5 (42), занятия с детьми — 5,9 (10,3), прочие затраты — 3,9% (6,2%)⁴⁶. По данным обследования, проведенного социологической лабораторией Ленинградского университета, первое место в недельных затратах свободного времени молодых рабочих принадлежит учебе (18,5% ко всему свободному времени), далее следуют прием гостей, прогулки без детей и беседы с товарищами (16,6%), затем — чтение литературы (более 14%), просмотр телевизионных передач (12,5%); общественная работа, занятия с детьми и посещение кинотеатров занимают примерно равное время (от 5 до 6%), далее идут менее значительные затраты времени⁴⁷.

Показателен и ответ на вопрос: «Если бы сейчас сократился рабочий день и ваше свободное время увеличилось, то как бы вы предпочли использовать это время?» Ответы 2665 молодых рабочих распределились следующим образом (каждый мог указать не одно, а несколько за-

нятий): чаще ходить в кино — 79,4%, больше читать художественную литературу — 74, чаще ходить в театр — 70,4, чаще посещать выставки и музеи — 56, больше времени проводить с семьей — 50, посещать различные спортивные зрелища — 48, чаще бывать на вечерах отдыха — 47, заниматься домашним хозяйством — 45,2, больше времени отдавать учебе — 43,5, заниматься спортом — 41, чаще смотреть телевизионные передачи — 39,1, пойти учиться в техникум или институт — 34,1% и т. д.

В этих ответах характерны разносторонность интересов молодежи и ее выраженная ориентация на образование и особенно общую культуру (интерес к искусству, кино и т. д.). Однако здесь заметна и другая сторона медали: известная пассивность, потребительность культурной ориентации: «зрительный спорт» явно преобладает над активными формами досуга; смотреть и иным способом «потреблять» искусство хочет большинство, активно же заниматься каким-либо видом искусства (музыка, литература и т. д.) выразили желание лишь 503 человека (19,1%). И это не вина молодых людей, а их беда.

Характер досуга зависит и от объективных условий, и от образовательного уровня личности. По данным Г. С. Петросяна, сопоставившего структуру свободного времени трудящихся с высшим и с начальным образованием, первые тратят в месяц больше времени на самообразование (23 часа против 9,5 часа), на выполнение общественных поручений (примерно в 5 раз), на посещение зрительных мероприятий (примерно в 3 раза), на танцы, пение, игру на

музыкальных инструментах (примерно в 7 раз), на воспитание детей (примерно в 3 раза), на любительские занятия (примерно в 3 раза). Зато они тратят меньше времени на учебу и повышение квалификации (это покрывается понятием самообразования), слушание радио и просмотр телепередач, прием и посещение гостей и особенно домашние настольные игры (5,5 часа против 19,5 часа). Если у трудящихся с начальным образованием наибольший удельный вес в структуре свободного времени занимают затраты времени на домашние настольные игры (20,6%), то у людей с высшим образованием на первое место выходит чтение книг, газет и журналов⁴⁸.

Но само по себе специальное образование и квалифицированный труд вовсе еще не гарантируют широты интересов. Иногда бывает даже наоборот.

Доктор Ватсон рассказывал о своем друге Шерлоке Холмсе, что он не имел ни малейшего представления не только о литературе и философии, но даже об учении Коперника. И не только не стеснялся своего невежества, но даже гордился им. Мозг, говорил Холмс, — это нечто вроде помещения ограниченных размеров, куда не нужно впускать ничего лишнего, иначе бесполезные факты будут выталкивать полезные. «Но солнечная система!» — возмутился доктор Ватсон. «Какое мне до нее дело! — перебил Холмс. — Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Если бы мы вращались вокруг Луны, это ни на грош не повлияло бы на меня или на мою работу».

Техницизм, недооценка общего образования,

и особенно гуманитарной культуры, проявляются и у некоторых представителей советской интеллигенции. Именно об этом говорили в нашумевшем споре «физиков» и «лириков».

Чтобы подойти к проблеме соотношения естественнонаучной и гуманитарной культуры научно, нужно прежде всего отрешиться от патриархально-романтических настроений. Романтически настроенные люди часто говорят, что в прошлом культура была более рафинированной, свободной от утилитарности, а теперь она превратилась лишь в совокупность средств, и отсюда, мол, все противоречия. Подобные представления совершенно иллюзорны. Верно, что в системе социальных ценностей античного мира и средневековья гуманитарные знания стояли выше естественнонаучных. Это было обусловлено соответствующим уровнем развития производства. Культура этого общества была культурой крайне ограниченной элиты, которая чуждалась физического труда и всего того, что с ним связано. При низкой производительности труда высшие формы духовной деятельности могли развиваться только ценой освобождения одних людей за счет беспощадного порабощения других. Противоположность физического и умственного труда была выражена там предельно резко. Презирался не только непосредственный физический труд, но и любые занятия прикладного характера.

Значит ли это, что культура этого общества была «чистой», «свободной» от выполнения практических задач? Отнюдь! Просто сами задачи были иными. Молодой человек из знатной семьи не должен был думать о производитель-

ном труде. За него работали другие, да и само производство было еще весьма примитивно. Единственно достойными занятиями считались политическая или интеллектуальная (философская, художественная и т. п.) деятельность. Но для этой деятельности *практически* более важны и полезны были не естественнонаучные и тем более не технические, а как раз гуманитарные знания: юриспруденция, история, философия, риторика и т. д. Именно эта *практическая*, социально обусловленная направленность интересов определяла иерархию культурных ценностей и стереотип «культурного человека».

В новое время положение радикально изменилось. Современное производство, даже безотносительно к его социальной форме, основано на широком применении результатов и данных науки, которая во все большей степени становится непосредственной производительной силой общества. Это производство требует технически грамотного, образованного работника. Управление производством, а постепенно и политическое руководство обществом также предполагают все более широкую естественнонаучную, математическую, техническую подготовку. Естественно, что образование, ориентированное уже не на узкий круг привилегированных, а на широкие массы людей, тоже должно было перестроиться, изменить соотношение между гуманитарными и естественнонаучными элементами культуры в пользу последних. Спор между сторонниками «классического» образования, основанного на изучении древних языков, истории, литературы, и образования «реального», опирающегося на естественно-математические

науки, который развертывался в России в конце XIX в., был решен жизнью в пользу образования «реального». Увеличение удельного веса естественно-материальных элементов за счет традиционной «гуманистики» — это лишь исправление исторически сложившейся диспропорции, типичной для общества со слабо развитым производством и резким контрастом между физическим и умственным трудом.

Конечно, кое-что при этом теряется. Современная молодежь знает о физическом строении мира неизмеримо больше, нежели выпускники старой «классической» гимназии, но она не знает древних языков, многие библейские и мифологические ассоциации и образы остаются для нее мертвыми, непонятными. Это мешает восприятию не только древнего искусства, но даже пониманию искусства и литературы XIX в. Мы читаем, например, у Пушкина:

Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанника поит.

А что такое Кастальский ключ? Сегодня даже вполне интеллигентному человеку, если он по образованию не филолог-классик, этот образ кажется неясным, и, чтобы понять его, приходится заглянуть в мифологический словарь. Однако стоит ли ужасаться по этому поводу? Объем актуальной культуры всегда изменялся, новые знания, понятия и образы всегда вытесняли какую-то часть старых, делая их достоянием музеев и эрудитов. Сейчас этот процесс идет быстрее, чем раньше, но ничего трагического в этом нет. При всем почтении к истории, человеческое общество нельзя превращать в музей,

да это и невозможно. В конце концов искусство, философия, гуманитарные предметы суть различные формы самосознания общественного человека. Наивно думать, что жизнь меняется, а самосознание будет оставаться прежним. Классика сохраняет свое значение постольку, поскольку выраженные в ней идеи соответствуют в какой-то степени жизненной реальности современного человека. Но она не может выразить эту реальность полностью именно потому, что это новая реальность, требующая новых форм самосознания.

Но дело ведь не только в том, что молодежь непочтительно относится к классике, а в том, что гуманитарные интересы вообще оттесняются на задний план, воспринимаются как нечто второстепенное, необязательное. Такие факты есть, отрицать их невозможно. Пока человек является преимущественно агентом производства, это, по-видимому, неизбежно. Он производит, творит только в одной определенной области, а во всем остальном выступает как потребитель. Отсюда — и утилитарность его мышления, и примитивность его эстетических критериев. Культура распространяется неравномерно. Люди сначала усваивают то, что ближе к их повседневной жизни, полезность чего не требует доказательств. Кроме того, сказывается ограниченность бюджета времени.

После утомительного, напряженного рабочего дня не каждый может слушать серьезную симфоническую музыку или читать сложный психологический роман. Восприятие больших, сложных произведений искусства тоже своего рода творческий процесс, требующий не только

предварительной подготовки, но и большой интеллектуальной и эмоциональной отдачи, на которую переутомленный мозг не способен. В результате, даже имея достаточно зрелые и высокие художественные вкусы, мы порой отступаем от них, питаемся дешевым чтивом просто потому, что мы устали и нуждаемся в отдыхе. А потом появляется инерция, лень, мысли становятся привычной и человек уже и не тянется к большому и сложному («Хватит с меня сложностей на работе!»). Что же говорить о тех, в ком художественные потребности и не пробуждались?

Выход здесь только один: расширение сферы общения и деятельности. Профессиональная направленность, какова бы она ни была, тяготеет к тому, чтобы ограничить культурные горизонты личности определенными рамками. Но когда человек не просто специалист, а общественный деятель, положение меняется. Чтобы осмысленно участвовать в общественной жизни, нужно знать законы общественного развития. Рост политического сознания личности делает для нее недостаточной текущую информацию, какую дают газеты и радио, рождает глубокий интерес к общественным наукам. Развитая личность немыслима без развитого самосознания. Но самосознание неотделимо от познания других людей. А здесь ничто не может заменить литературу и искусство, раскрывающих внутренний мир человека во всем его богатстве и многообразии. Так обогащение сферы жизнедеятельности личности влечет за собой расширение ее интересов и культурных потребностей. И это уже не ленивый интерес от нечего делать, ко-

гда можно заняться одним, а можно и совсем другим. Это такая же объективная необходимость, претворенная во внутреннее побуждение, как потребность инженера в технической литературе.

Сначала эти гуманитарные интересы могут быть чисто утилитарными. Люди, которые только еще приобщаются к большой культуре, часто задают себе и другим прямолинейные вопросы. А зачем мне нужна симфоническая музыка, я и без нее отлично обхожусь? А чему я могу научиться у этого поэта (под «научением» подразумевается некая итоговая формула)? Эти вопросы говорят о том, что искусство, знание вообще рассматриваются лишь как средство достижения какой-то цели, лежащей вне самого процесса познания, процесса деятельности. Какой цели? Очевидно, производственной. Ну, а зачем производство? Чтобы было больше вещей? А зачем вещи? Чтобы их потреблять? Но давно уже сказано, что мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть. Лишь постепенно, освобождаясь от гнета материальной нужды, человек приходит к мысли, что его деятельность содержит цель в самой себе. И поскольку процесс познания, как и материальное производство, есть общественный процесс, саморазвитие индивида обогащает и общество как целое. Именно это имел в виду Маркс, когда писал, что возвышенная, т. е. неутилитарная, деятельность превращает человека в иного субъекта и это «в свою очередь как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»⁴⁹.

Из неутилитарных исследований, продикто-

ванных «чистой любознательностью», рождаются величайшие научные открытия, применение которых, часто много лет спустя, революционизирует производство. Бескорыстный художественный поиск дает более значительные творческие результаты, чем ориентация на уже сложившиеся эстетические потребности. Попытки регламентировать, ограничить полет человеческой мысли требованиями примитивно понятого сегодняшнего дня всегда тормозили общественный прогресс. Коммунизм кладет конец такому положению. Это будет высокоорганизованное общество, способное эффективно планировать и направлять свое собственное развитие. Но именно поэтому коммунистическое общество, как никакое другое, должно ценить свободный, ничем (кроме, разумеется, интересов остальных людей) не регламентированный интеллектуальный, эстетический и всякий прочий поиск, осуществляемый людьми по собственному почину, вне всяких рамок профессиональной специализации. Как писал Маркс, при коммунизме мерилom общественного богатства будет не рабочее, а свободное время.

Освобождение личности означает в конечном итоге развитие ее творческих потенций. Это длительный и сложный процесс. Неравенство развития в человеке человеческого укоренилось настолько глубоко, что многие ученые даже сомневаются в том, что его возможно устранить. Лучше всего это выражено в грустной фантастике Азимова. В рассказе «Мечты — личное дело каждого» выведена фирма, производящая грезы, на которые рядовые люди не способны и которые позволяют им испытать то,

что самим им пережить не дано. В повести «Профессия» люди, обучающиеся электронным способом, даже не подозревают о существовании творческого мышления и возможности самостоятельно получать новые знания; ничтожное меньшинство творческих умов воспитывается и живет изолированно от остальных, чтобы у них не возникло чувство собственной неполноценности.

Но задача состоит вовсе не в том, чтобы сделать способности людей одинаковыми. Это и невозможно, и не нужно. «Претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка»⁵⁰, — говорил В. И. Ленин. Главное — разбудить творческое начало в человеке, чтобы потребность в самовыражении, столь явная у ребенка, не затухала у взрослого. Содержание же этого творчества может и должно быть различным, общество только выигрывает от многообразия составляющих его индивидов.

Социалистическое общество, не говоря уже о будущем коммунизме, практически заботится о развитии личности каждого. Так, с точки зрения потребностей *сегодняшнего* производства всеобщее среднее образование представляется экономически нерентабельным. По данным Н. А. Аитова⁵¹, молодой человек, пошедший работать после 8 классов, оказывается в течение многих лет лучшим работником и получает более высокую заработную плату, чем его одноклассник, поступивший на завод после окончания средней школы. Отчасти это объясняется недостатками самого среднего образования, в частности отсутствием правильной профессиональ-

ной ориентации школьников, отчасти же недостаточным уровнем развития производства. Тем не менее партия отвергла предложение отказаться от идеи перехода в ближайшие годы к всеобщему среднему образованию. Во-первых, нужно ориентироваться не только на сегодняшний и завтрашний день, но и на более отдаленную перспективу развития производства. Во-вторых, и это особенно важно, средняя школа готовит не просто работника, но человека и гражданина. Хорошее общее образование «социально рентабельно» даже там, где оно оказывается «избыточным» в сфере профессиональной деятельности. Без него личность не может преодолеть ограниченность своей профессиональной сферы, что особенно важно при нетворческих профессиях.

Марксистско-ленинская философия рассматривает человека во всех его измерениях не как пассивный объект, а как самосознательного субъекта деятельности. В труде она акцентирует творчество, в политике — активность и самоуправление масс, в культуре — свободу и социальную значимость творчества. Рост культурного творчества и художественной самодетельности масс содержит в себе тенденцию к преодолению разрыва между культурной «элитой» и пассивными в культурном отношении «массами», которые лишь «потребляют» созданную другими культуру. Именно этот разрыв «производителей» культуры и ее «потребителей» составляет, как мы видели, одну из причин существования «масскульта».

Нет, конечно, речь идет не об уничтожении профессионального искусства как такового, как

это представляется некоторым авторам. Чтобы достичь подлинных вершин в искусстве, ему нужно отдаться целиком, оно должно быть главным жизненным делом, а не просто развлечением. Но коммунизм принципиально меняет соотношение «искусства» и «жизни», сложившееся в условиях эксплуататорского общества. Искусство во всяком антагонистическом обществе представляет собой часть жизни, т. е. общественно-исторической практики. Но сама эта практика внутренне противоречива. С одной стороны, классовое неравенство, отстраняя низы от образования, отчуждает их и от наиболее сложных форм искусства. С другой стороны, и в среде господствующего класса практическая повседневная жизнь не совпадает с жизнью теоретической. Разобщенность идеологов и «практических индивидов» класса сказывается и в искусстве. «Идеальный мир» искусства не совпадает с антиэстетической повседневностью. Отсюда — трагизм положения художника и старая проблема «поэт и толпа».

Эта проблема не надуманная. Всякий художник нуждается в аудитории. Но в классово-антагонистическом обществе он неизбежно обнаруживает, что одни (трудящиеся массы) отчуждены от искусства в силу своей социально обусловленной неразвитости, а другие (властвующая элита) — в силу своей пресыщенности и неспособности стать выше своего классового положения. Конечно, большой художник находит выход из этого положения, великое искусство всегда было множеством нитей связано с жизнью народа. Но это не снимает трудностей *непосредственных* контактов и обратной связи

между художником и его аудиторией, рождая у художника горькие чувства одиночества и непонятости, особенно сильные в буржуазном обществе, со свойственным ему индивидуализмом. Как правильно замечает М. С. Каган, это сказывается не только на идейном содержании, но и на формальных приемах искусства. «Ощущая себя, подобно созданным им героям, «чужим», непреодолимо одиноким, художник перестает видеть в творчестве способ связи с другими людьми, «язык», который им должен быть понятен. Единственная ценность, которую сохраняет для него искусство, — ценность чистого «самовыражения», поэтому оно может быть заполнено абсолютно субъективными ассоциациями, может быть любым образом зашифровано, может быть «заумным», абсурдным, абстрактным, ибо оно *ни к кому* не обращено. Естественно, что свобода творчества, отколота от чувства социальной ответственности, вырождается в *эстетический произвол*, оправдывающий в искусстве все, что угодно»⁵². Элитарная теория искусства (например, Ортега-и-Гассет) даже возводит это положение в принцип, утверждая, что именно «непонятность» искусства толпе отделяет от нее и консолидирует интеллектуальную элиту.

Коммунистическое общество ликвидирует этот разрыв между художником и народом. Ленинская формула «Искусство принадлежит народу» включает в себя и целенаправленное эстетическое воспитание масс, подъем их к вершинам человеческой культуры, и развитие собственного художественного творчества масс, и совершенствование самого «сложного» искус-

ства. Коль скоро культурно-эстетический уровень разных социальных групп различен, было бы одинаково вредно и пренебрегать задачами просвещения масс, и ограничиваться тем, что сегодня понятно каждому. «Что касается зрелищ, — пусть их! — не возражаю, — говорил В. И. Ленин. — Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение... Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Поэтому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры... На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию»⁵³.

Как видим, речь идет не о создании специального, заниженного «искусства для масс», а о постепенном приобщении масс к подлинному высокому искусству, которое не «развлекает» и не «поучает» обращающегося к нему человека, а приобщает его к творческой мысли художника, делает его соучастником творческого процесса. Чем богаче и многограннее собственная жизнь личности, тем больше в ней самой эстетического содержания, тем полнее раскрывается в ее деятельности ее внутренний мир. Но никакое многообразие непосредственных межличностных отношений не может исчерпать потенциальных богатств личности. Возвышаясь над повседневностью, раскрывая тайны человеческого сердца, искусство не уводит от

жизни, а помогает ее поступательному движению. Поэтому оно никогда не может устареть, как бы ни менялись его конкретные формы.

Только сочетание бесчисленных индивидуальных точек зрения дает подлинно всестороннее и в этом смысле объективное видение мира. Поэтому коммунистическое общество кровно заинтересовано в развитии индивидуальности. А с другой стороны, всестороннее развитие личности есть не что иное, как развитие ее социальных связей. Не возврат к нерасчлененной целостности первобытного общества и не сведение личности к одной какой-либо социальной роли, а гармоническое сочетание разных ролей и видов деятельности на основе индивидуальных склонностей — вот цель коммунистического общества.

Отдельный индивид никогда не сможет воплотить в себе все бесчисленные формы общественной деятельности, он всегда будет частью сложного социального целого. Но само это целое, понятое как совокупная деятельность индивидов и поставленное под их совместный контроль, перестанет быть стихийной, внешне-принудительной и нивелирующей силой. Многообразие форм общественной деятельности, проявляющемуся, в частности, в дифференциации социальных ролей, соответствует и многообразие индивидов как личностей. Представление о социальной роли как навязанной, принудительной соответствует лишь определенному типу социальной реальности. Для человека, освобожденного из-под гнета материальной нужды и социального неравенства, разные социальные роли суть лишь разные аспекты и проявления

его собственной личности, формы его добровольной связи и взаимодействия с другими людьми. Ограниченность, конечность каждой частной функции в этих условиях не мешает личности ощущать себя как целое и быть самосознательным субъектом деятельности.

Примечания

К главе I

- ¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 242.
- ² С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 119—120.
- ³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.
- ⁴ Ю. А. Левада. Социальная природа религии. М., 1965, стр. 53.
- ⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 36, 440.
- ⁶ См., напр., Законы, 644 d-e, «Творения Платона», т. XIII. Петербург, 1923, стр. 42.
- ⁷ В. Шекспир. Полн. собр. соч. в 8 томах, т. 5. М., 1959, стр. 47—48.
- ⁸ См., напр., T. R. Sarbin. Role theory, in: G. Lindzey (ed.). Handbook of social psychology, vol. I. Reading, Mass., 1954; ego же: Role theoretical interpretation of psychological change, in: P. Worchel and D. Byrne (eds.). Personality change. N. Y., 1964; N. Gross, W. S. Mason, A. W. McEachern, Explorations in role analysis. N. Y., 1958; A. M. Rocheblave-Spenle. La notion de rôle en psychologie sociale. Paris, 1962; R. Dahrendorf. Homo Sociologicus. Ein Versuch zur Geschichte, Bedeutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle, 5. Aufl. Köln und Opladen, 1965.
- ⁹ T. Parsons. An outline of the social system, in: T. Parsons, E. Shils a. o. (eds.). Theories of society, vol. I. N. Y., 1961, p. 42; T. Parsons and R. F. Bales. Family, socialization and interaction process. Free Press, 1955, p. 38.

- ¹⁰ Весьма интересный анализ теории Парсонса и ряда других концепций дает немецкий социолог (ГДР) Эрих Хан. См. *E. Hahn. Soziale Wirklichkeit und soziologische Erkenntnis. Philosophisch-methodologische Aspekte der soziologischen Theorie.* Berlin, 1965.
- ¹¹ См. Ю. А. Левада. Сознание и управление в общественных процессах. «Вопросы философии», 1966, № 5.
- ¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 76.
- ¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 125.
- ¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 77.
- ¹⁵ См. J. M. Yinger. Toward a field theory of behavior. Personality and social structure. N. Y., 1965, ch. 6.
- ¹⁶ См. W. Waller. The sociology of teaching. N. Y., 1932.
- ¹⁷ См. А. А. Бодалев. Восприятие человека человеком. Л., 1965.
- ¹⁸ См. R. K. Merton. Bureaucratic structure and personality, in: R. K. Merton. Social theory and social structure, rev. ed. N. Y., 1957; W. L. Warner a. o. The American federal executive. New Haven, 1963.
- ¹⁹ S. Lieberman. The effect of changes in roles on the attitudes of role occupants, in: N. J. Smelser, W. T. Smelser (eds.). Personality and social systems. N. Y., 1963.
- ²⁰ А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964, стр. 29.
- ²¹ Б. М. Теплов. Современное состояние вопроса о типах высшей нервной деятельности человека и методиках их определения. М., 1964, стр. 8, 10. См. также Б. М. Теплов. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
- ²² См. H. J. Eysenck. Biological basis of personality, in: G. Lindzey and C. S. Hall (eds.). Theories of personality: primary sources and research. N. Y., 1965.
- ²³ См. M. Rosenberg. Occupation and values. N. Y., 1957.
- ²⁴ См. А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. Отношение к труду и ценностные ориентации личности. Сб. «Социология в СССР», т. 2. М., 1965.
- ²⁵ См. E. Goffman. Encounters. Two studies in the sociology of interaction. Indianapolis, 1961.
- ²⁶ Этот вопрос на эмпирическом материале детально разработан Н. Гроссом и его сотрудниками. См. примечание 8.

- ²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 40.
- ²⁸ С. Л. Рубинштейн. Указ соч., стр. 122—123.
- ²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 551.
- ³⁰ «Павловские клинические среды», т. II. М.—Л., 1953, стр. 296.
- ³¹ Ф. В. Бассин. К проблеме бессознательного. «Вопросы философии», 1962, № 7, стр. 117.
- ³² Там же, стр. 124.
- ³³ В. Джемс. Научные основы психологии. Спб., 1902, стр. 135.
- ³⁴ См. Ch. H. Cooley. Human nature and the social order. Rev. ed. N. Y., 1922.
- ³⁵ См. G. H. Mead. Mind, self and society. Chicago, 1934.
- ³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 62.
- ³⁷ См. M. H. Kuhn and T. S. McParland. An empirical investigation of self-attitudes. «American Sociological Review», 1954, vol. 19, p. 68—76.
- ³⁸ R. M. Suinn, D. Osborne and P. Winfree. The self-concept and accuracy of recall of inconsistent self-related information, in: G. Lindzey and C. S. Hall (eds.). Theories of personality, p. 505—506.
- ³⁹ См. об этом И. Кон. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предрассудков). «Новый мир», 1966, № 9.
- ⁴⁰ См. P. F. Secord and C. W. Backman. Social psychology. N. Y., 1964, p. 584 ff.
- ⁴¹ См. M. Rosenberg. Society and the adolescent self-image. Princeton Univ. Press, 1965, p. 273—275.
- ⁴² В. Джемс. Научные основы психологии, стр. 143.
- ⁴³ См. L. G. Reeder, G. A. Donohue, A. Biblarz. Conceptions of self and others, in: B. H. Stoodley (ed.). Society and self. A reader in social psychology. N. Y., 1962, p. 69—77.
- ⁴⁴ См. «Количественные методы в социологии», гл. VIII. М., 1966.
- ⁴⁵ Изложено у А. А. Бодалева «Восприятие человека человеком». Л., 1965, стр. 49—50.
- ⁴⁶ См. M. Rosenberg. Society and the adolescent self-image.
- ⁴⁷ См. D. Krech, R. S. Crutchfield and E. L. Ballachey. Individual in society. N. Y., 1962, p. 505—507.
- ⁴⁸ См. В. М. Бехтерев и М. В. Ланге. Влияние коллек-

- тива на личность. Сб. «Педология и воспитание». М., 1928.
- ⁴⁹ S. E. Asch. Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority.—Psychological monographs general and applied. 1956, vol. 70, No. 9.
- ⁵⁰ См. D. Krech, R. S. Crutchfield a. o. Op. cit., p. 508 ff.
- ⁵¹ См. M. Deutsch and H. B. Gerard. A study of normative and informational social influences upon individual judgment. «The Journal of abnormal and social psychology», vol. 51, November, 1955.
- ⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, стр. 590.
- ⁵³ Там же, стр. 590.
- ⁵⁴ См. D. H. Wrong. The oversocialized conception of man in modern sociology, in: N. I. Smelser and W. F. Smelser (eds.). Personality and social systems.
- ⁵⁵ H. M. Johnson. Sociology. A systematic introduction. London, 1961, p. 22.
- ⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 71.
- ⁵⁷ А. С. Макаренко. О воспитании молодежи. М., 1951, стр. 81—82.
- ⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 591.

К главе II

- ¹ См. P. Worchel and D. Byrne (eds.). Personality change. N. Y., 1964.
- ² См. R. C. Kullen. Personality change with age; ibidem, p. 554.
- ³ Цит. по кн. А. Ф. Анисимов. Духовная жизнь первобытного общества. М.—Л., 1966, стр. 164.
- ⁴ См. S. N. Eisenstadt. From generation to generation. Age groups and social structure. N. Y., 1964, p. 31—32; J. W. M. Whiting, R. Kluckhohn and A. Anthony. The function of male initiation ceremonies at puberty, in: E. E. Maccoby, T. M. Newcomb, E. L. Hartley (eds.). Readings in social psychology, 3 ed. N. Y., 1958; G. Lapassade. L'entrée dans la vie. Paris, 1963.
- ⁵ См. Т. В. Карсаевская. О некоторых тенденциях физического развития человека в XIX—XX вв. (Обзор

- литературы). «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1964, № 3.
- ⁶ См. В. С. Соловьева. Материалы по половому созреванию подростков Саратова. «Вопросы антропологии», 1962, № 11.
- ⁷ Н. М. Данкевич. Сравнительные антропометрические показатели физического развития детей Ленинграда в 1927—1930, 1952—1953 и 1959 годах. «Вопросы антропологии», 1963, № 12.
- ⁸ См. Г. А. Слесарев. Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М., 1965, стр. 101. Вопрос о причинах и перспективах акселерации является очень сложным и вызывает много споров. Обзор важнейших точек зрения см. В. Властовский. Акселерация — одна из загадок XX века. «Наука и жизнь», 1966, № 12.
- ⁹ Этот вопрос подробно освещает Эйзенштадт в выше-названной книге. Из нее заимствованы и последующие данные.
- ¹⁰ См. F. H. Tenbruck. Jugend und Gesellschaft. Soziologische Perspektiven. Freiburg, 1962.
- ¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.
- ¹² А. Сови. Постарение населения и омоложение общественных институтов. В кн. «Какое будущее ожидает человечество?». Прага, 1964, стр. 180.
- ¹³ «Правда», 19 мая 1966 г.
- ¹⁴ Г. С. Батищев. Деятельная сущность человека как философский принцип. В сб. «Человек в социалистическом и буржуазном обществе». Симпозиум. Доклады и сообщения. М., 1966, стр. 254.
- ¹⁵ См. F. L. K. Hsu (ed.). Psychological anthropology approaches to culture and personality. Homewood, III, 1961; V. Barnouw. Culture and personality. Homewood, III, 1965.
- ¹⁶ См. B. Bere'son and G. A. Steiner. Human behavior. An inventory of scientific findings. N. Y., 1964, p. 63—85.
- ¹⁷ Цит. по кн. А. Г. Харчев. Брак и семья в СССР. М., 1964, стр. 270.
- ¹⁸ «Народное хозяйство СССР в 1965 г.». Статистический ежегодник. М., 1966, стр. 564.
- ¹⁹ Там же.

- ²⁰ См. *T. Sarbin*. Role theory, in: *G. Lindzey* (ed.). Handbook of social psychology, vol. I, Reading, Mass., 1954, p. 243—244.
- ²¹ Я опираюсь, в частности, на следующие обобщающие работы советских психологов: *Б. Г. Ананьев*. К постановке проблемы развития детского самосознания. «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 18, 1948; *Н. Ф. Добрынин*, *А. М. Бардуан*, *Н. В. Лаврова*. Возрастная психология. М., 1965; *В. А. Крутецкий* и *Н. С. Лукин*. Психология подростка. М., 1959; *В. А. Крутецкий* и *Н. С. Лукин*. Очерки психологии старшего школьника. М., 1963; *Н. Д. Левитов*. Детская и педагогическая психология. М., 1964; *Н. Д. Левитов*. Психология старшего школьника. М., 1955; *А. Н. Леонтьев*. Проблемы развития психики. М., 1965; *А. А. Люблинская*. Очерки психического развития ребенка. М., 1959; *В. Е. Смирнов*. Психология юношеского возраста. М., 1929; *Д. В. Эльконин*. Детская психология. М., 1960; *П. М. Якобсон*. Психология чувств. М., 1958; *П. М. Якобсон*. Изучение чувств у детей и подростков (развитие нравственных оценок у школьников). М., 1961.
- ²² См. *Б. Г. Ананьев*. Указ. соч.
- ²³ *И. М. Сеченов*. Психологические этюды. Спб., 1873, стр. 220.
- ²⁴ См. *G. H. Mead*. Mind, self and society. Chicago, 1934.
- ²⁵ *К. Чуковский*. От двух до пяти. М., 1958, стр. 193.
- ²⁶ См. *А. Н. Леонтьев*. Указ. соч., стр. 485 и следующие.
- ²⁷ См. *И. Н. Бронников*. Развитие осознания поступков у дошкольников. В сб. «Новые исследования в педагогических науках», вып. IV. М., 1965. См. также *В. Г. Горбачева*. К вопросу о формировании оценки и самооценки у детей. «Известия Академии педагогических наук», вып. 18, 1948; *П. Е. Анкудинова*. О развитии самосознания у детей. «Дошкольное воспитание», 1958, № 2.
- ²⁸ *К. Чуковский*. От двух до пяти, стр. 158.
- ²⁹ Интересные данные на сей счет содержит диссертация *А. А. Бодалева* «Восприятие и понимание человека человеком» (Ленинград, 1965).

- ³⁰ *И. Н. Бронников*. Указ. соч., стр. 137.
- ³¹ См. *Е. И. Савонько*. Возрастные особенности ориентации ребенка на оценку его другими людьми и самооценку.— XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 35. Формирование личности в коллективе. М., 1966, стр. 141—145.
- ³² См. *R. Zazzo*. Analyse differentielle des valeurs du moi chez l'enfant et chez l'adolescent.— XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 35. Формирование личности в коллективе, стр. 182—196.
- ³³ См. *Т. В. Драгунова*. Общение в подростковом возрасте.— XVIII Международный психологический конгресс. Тезисы сообщений, вып. 3, стр. 40—41.
- ³⁴ *М. Гомелаури*. Конфликт в подростковом возрасте и социальные ожидания.— XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 35, стр. 93—96.
- ³⁵ См. *M. Sherif* and *C. W. Sherif*. The adolescent in his group in its setting, in: *M. Sherif* and *C. W. Sherif* (eds.). Problems of youth: transition to adulthood in a changing world. Chicago, 1965, p. 279—282.
- ³⁶ См. *П. М. Якобсон*. Изучение чувств у детей и подростков, гл. 5.
- ³⁷ Подробнее см. *И. С. Кон*. Половая мораль в свете социологии. «Советская педагогика», 1966, № 12.
- ³⁸ *A. C. Kinsey*, *W. B. Pomeroy*, *C. E. Martin*. Sexual behavior in the human male. Phil., 1948, p. 197.
- ³⁹ См. *A. Ellis* and *A. Abarbanel* (eds.). The encyclopedia of sexual behavior. Vol. 1—2. N. Y., 1961, p. 204—215. Ср.: *C. S. Ford* and *F. A. Beach*. Patterns of sexual behavior. N. Y., 1951.
- ⁴⁰ См. *A. Kinsey* а. о. Op. cit., p. 219.
- ⁴¹ См. *D. N. Michael*. The next generation. The prospect ahead for the youth of today and tomorrow. N. Y., 1965, p. 75.
- ⁴² *M. Gendell* and *H. L. Zetterberg* (eds.). A sociological almanac for the United States. 2-nd ed. N. Y., 1964, p. 45.
- ⁴³ *М. А. Членов*. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909, стр. 10—12.
- ⁴⁴ *А. Г. Харчев*. Указ. соч., стр. 179.
- ⁴⁵ *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 587.

- ⁴⁶ А. С. Макаренко. Книга для родителей. М., 1954, стр. 257.
- ⁴⁷ «Encyclopedia of sexual behavior», vol. II., p. 739.
- ⁴⁸ Е. Н. Erikson. The roots of virtue, in: H. M. Ruitenbeek (ed.). Psychoanalysis and contemporary American culture. N. Y., 1964, p. 238.
- ⁴⁹ Е. Н. Erikson. Childhood and society, 2-nd ed. N. Y., 1963, p. 266.
- ⁵⁰ См. Л. И. Божович, Н. Г. Морозова и Л. С. Славина. Развитие мотивов учения у советских школьников. «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 36, 1951.
- ⁵¹ А. Л. Шнирман. Коллектив и развитие личности школьника. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 232. Л., 1962, стр. 83.
- ⁵² M. Sherif and C. W. Sherif. Reference groups. Exploration into conformity and deviation of adolescents. N. Y., 1964, p. 257.
- ⁵³ См. Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения. М., 1962, стр. 114—115.
- ⁵⁴ В. Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 261.
- ⁵⁵ См. M. A. Wallach and L. R. Green. On age and the subjective speed of time. «Journal of Gerontology», 1961, vol. 16, p. 71—74.
- ⁵⁶ См. В. Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 102—113.
- ⁵⁷ Гегель. Философия духа. Соч., т. III. М., 1956, стр. 94.
- ⁵⁸ Там же, стр. 95.
- ⁵⁹ Л. М. Якобсон. Указ. соч., стр. 171.
- ⁶⁰ См. А. Л. Шнирман. Указ. соч., стр. 97—98.
- ⁶¹ Lionel J. Neiman. The influence of peer groups upon attitudes toward the feminine role, in: «Personality and social systems», p. 248—254.
- ⁶² В. А. Крутецкий и Н. С. Лукин. Очерки психологии старшего школьника, стр. 126.
- ⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ G. W. Allport. Pattern and growth in personality. N. Y., 1964, p. 277.

К главе III

- ¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 710.
- ² Там же.
- ³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 565.
- ⁴ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1965, стр. 271.
- ⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.
- ⁶ А. Ф. Анисимов. Духовная жизнь первобытного общества. М.—Л., 1966, стр. 186.
- ⁷ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 18.
- ⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 99.
- ⁹ А. Ф. Анисимов. Указ. соч., стр. 163.
- ¹⁰ А. Ф. Анисимов. Природа и общество в отражении сказки и мифа. «Ежегодник музея истории религии и атеизма», 1957, № 1, стр. 151.
- ¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 77.
- ¹² См. Ю. А. Левада. Социальная природа религии. М., 1965, его же: Сознание и управление в общественных процессах, «Вопросы философии», 1966, № 5.
- ¹³ «Вопросы философии», 1966, № 5, стр. 68.
- ¹⁴ Там же, стр. 69.
- ¹⁵ См. В. Snell. The discovery of the mind. Oxford, 1953.
- ¹⁶ См. В. Н. Ярхо. Вина и ответственность в гомеровской эпохе. «Вестник древней истории», 1962, № 2, его же: Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека. «Вестник древней истории», 1963, № 2.
- ¹⁷ А. Ф. Лосев. История античной эстетики, стр. 545.
- ¹⁸ Этот вопрос очень интересно прослеживает А. W. Gouldner. Enter Plato. Classical Greece and the origins of social theory. N. Y., 1965.
- ¹⁹ Платон. Государство, II 369 В.
- ²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 378.
- ²¹ Аристотель. Политика, 12, 1253а 26—29.
- ²² Аристотель. Никомахова этика. «Этика Аристотеля». Спб., 1908, кн. VIII, § 7.
- ²³ См. А. W. Gouldner. Op. cit., p. 103.
- ²⁴ Ю. И. Давыдов. Царь Эдип, Платон и Аристотель. «Вопросы литературы», 1964, № 1, стр. 173.
- ²⁵ «Вопросы философии», 1965, № 8, стр. 132.

- ²⁶ См. об этом Ю. Бородай. Воображение и теория познания. М., 1966, стр. 143—148.
- ²⁷ П. Абеляр. История моих бедствий. М., 1959, стр. 124—126, 95.
- ²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 709.
- ²⁹ Шелли. Освобожденный Прометей, акт III, сцена 4. Полн. собр. соч., т. 2, Спб., 1904.
- ³⁰ Гельвеций. О человеке. М., 1937, стр. 71.
- ³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 710.
- ³² «Вопросы философии», 1965, № 8, стр. 132.
- ³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 730.
- ³⁴ Ю. А. Замошкин. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966, стр. 40.
- ³⁵ Н. Swados. The myth of the happy worker, in: M. R. Stein a. o. (eds.). Identity and anxiety. Survival of the person in mass society. N. Y., 1960, p. 199, 202.
- ³⁶ C. W. Mills. The white collar. The American middle classes. N. Y., 1956, p. 219.
- ³⁷ «Identity and anxiety», p. 203.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ М. Crozier. The bureaucratic phenomenon. Chicago, 1964, p. 31.
- ⁴⁰ Ibid., p. 35.
- ⁴¹ D. Riesman a. o. The lonely crowd. A study of the changing American character. New Haven, 1961, p. 275.
- ⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 75.
- ⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 201.
- ⁴⁴ Там же, стр. 206.
- ⁴⁵ Там же, стр. 273.
- ⁴⁶ Там же, стр. 272.
- ⁴⁷ Там же, стр. 201, 202.
- ⁴⁸ Там же, стр. 271—272.
- ⁴⁹ Там же, стр. 272.
- ⁵⁰ См. W. L. Warner a. o. The American Federal Executive. New Haven, 1963, p. 7—10.
- ⁵¹ Р. М. Блау. Bureaucracy in modern society. N. Y., 1956, p. 2.
- ⁵² Е. Fromm. The sane society. N. Y., 1955, p. 126.
- ⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 203.
- ⁵⁴ Р. М. Блау. Op. cit., p. 15.
- ⁵⁵ W. L. Warner a. o., Op. cit., p. 195.

- ⁵⁶ R. Merton. Social theory and social structure, p. 203.
- ⁵⁷ Цит. по ст. Н. М. Кейзеров. Политика в кривом зеркале буржуазной социологии. В сб. «В тисках духовного кризиса». Л., 1966, стр. 70—71.
- ⁵⁸ Ph. Selznick. Institutional vulnerability in mass society, in: Ph. Olson (ed.). America as a mass society. N. Y., 1963, p. 18.
- ⁵⁹ См. об этом И. Филинец, И. Кон. Человек в «индустриальном обществе». «Проблемы мира и социализма», 1965, № 3.
- ⁶⁰ См. J. Dumazedier. Vers la civilisation de loisir? P., 1962.
- ⁶¹ См. Н. L. Wilensky. The uneven distribution of leisure: the impact of economic growth on «free time». «Social problems», vol. 9, Summer, 1961.
- ⁶² D. Riesman a. o. The lonely crowd, p. XLV.
- ⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 560.
- ⁶⁴ См. D. Macdonald. Against the American grain. N. Y., 1962, p. 406.
- ⁶⁵ См. J. Dumazedier. Op. cit., p. 147—148.
- ⁶⁶ H. Sagan. Dans un mois, dans un an. P., 1957, p. 59.
- ⁶⁷ См. N. Jacobs (ed.). Culture for the millions? Princeton, 1961, p. 58—59.
- ⁶⁸ См. G. A. Steiner. The people look at television. N. Y., 1963, p. 75, 112.
- ⁶⁹ См. Ю. А. Замошкин. Указ. соч., стр. 254—255.
- ⁷⁰ Н. L. Wilensky. Mass society and mass culture: interdependence or independence? — American sociological review, vol. 29, No. 2, April 1964, p. 193, 196.
- ⁷¹ E. Morin. L'esprit du temps. Paris, 1962, p. 38.
- ⁷² См. L. A. Coser. Men of ideas. N. Y., 1965, p. 330.
- ⁷³ Ibid., p. 333.
- ⁷⁴ П. Абеляр. История моих бедствий, стр. 87.
- ⁷⁵ S. Freud. On creativity and the unconscious. N. Y., 1958, p. 180.
- ⁷⁶ Ibid., p. 185.
- ⁷⁷ D. Riesman. Op. cit., p. 258.
- ⁷⁸ B. Morse. The sexual revolution. Derby, Conn., 1962, p. 127.
- ⁷⁹ Ibid., p. 131.
- ⁸⁰ R. K. Goldsen a. o. What college students think. N. Y., 1960, p. 87.

- ¹³ «Рабочий класс и технический прогресс». М., 1965, стр. 171.
- ¹⁴ Г. Клаус. Кибернетика и философия. М., 1963, стр. 465.
- ¹⁵ «Рабочий класс и технический прогресс», стр. 62.
- ¹⁶ См. Н. Г. Валентинова. Роль личности в преодолении монотонности разделенного труда. В сб. «О чертах личности нового рабочего». М., 1963; *ее же*: О психических особенностях личности рабочего, связанных с содержанием труда. В сб. «Социология в СССР», т. 2. М., 1965.
- ¹⁷ В. Н. Шубкин. Молодежь вступает в жизнь. «Вопросы философии», 1965, № 5.
- ¹⁸ См. Н. А. Аутов. Влияние общеобразовательного уровня рабочих на их производственную деятельность. «Вопросы философии», 1966, № 11.
- ¹⁹ В. Я. Сулов. Изменение содержания и характера труда при социализме. «Философские науки», 1965, № 5, стр. 42.
- ²⁰ «Рабочий класс и технический прогресс», стр. 190.
- ²¹ Л. М. Вайнштейн. Тенденции разделения труда и развитие личности при социализме и коммунизме. «Вопросы философии», 1963, № 11.
- ²² Г. И. Козлова, З. И. Файнбург. Указ соч., стр. 59—60.
- ²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.
- ²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 315.
- ²⁵ Ю. Н. Давыдов. Труд и свобода. М., 1962, стр. 127—128.
- ²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 386—387.
- ²⁷ «Рабочий класс и технический прогресс», стр. 271.
- ²⁸ «Коммунист», 1963, № 16, стр. 71.
- ²⁹ «Правда», 31 марта 1966 г.
- ³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 69.
- ³¹ Там же, стр. 75.
- ³² J. Dunner. Dictionary of political science. N. Y., 1964, p. 70.
- ³³ «A dictionary of the social sciences». Ed. by J. Gould and W. L. Kolb. N. Y., 1964, p. 61.
- ³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 73.
- ³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 193—194.
- ³⁶ Ю. Е. Волков. Так рождается коммунистическое самоуправление. М., 1965.

- ³⁷ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 399.
- ³⁸ В. Б. Ольшанский. Личность и социальные ценности. В сб. «Социология в СССР», т. I. М., 1965.
- ³⁹ Цит. по рец. Н. Новикова в журнале «Новые книги за рубежом по общественным наукам», 1966, № 5, стр. 55.
- ⁴⁰ См. «Количественные методы в социологии», гл. 8, § 3.
- ⁴¹ Л. Мартынов. Новая книга. М., 1962, стр. 110.
- ⁴² См. доклад А. Н. Косыгина на XXIII съезде КПСС. «Правда», 6 апреля 1966 г., стр. 2.
- ⁴³ Г. С. Петросян. Внерабочее время трудящихся в СССР. М., 1965, стр. 69—70.
- ⁴⁴ В. Д. Патрушев. Время как экономическая категория. М., 1966, стр. 113.
- ⁴⁵ Г. Волков. Эра роботов или эра человека? «Новый мир», 1963, № 9, стр. 192.
- ⁴⁶ В. Д. Патрушев. Время как экономическая категория, стр. 88.
- ⁴⁷ «Вестник ЛГУ». Серия экономики, философии и права, вып. 4, 1961, стр. 102.
- ⁴⁸ Г. С. Петросян. Указ. соч., стр. 116.
- ⁴⁹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, стр. 263.
- ⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 353.
- ⁵¹ Н. А. Аутов. Влияние общеобразовательного уровня рабочих на их производственную деятельность. «Вопросы философии», 1966, № 11.
- ⁵² М. С. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике, часть 3. Л., 1966, стр. 42.
- ⁵³ «Ленин о культуре и искусстве». М., 1956, стр. 522—523.

Оглавление

Предисловие	3	3. Юность ищет себя	141
Глава I. ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО	6	Подросток	—
1. Понятие личности	—	Половое созревание как социальная проблема	145
2. Личность и социальные роли	12	Юность и проблема самоопределения	160
От личности к обществу	13	В поисках смысла жизни	166
От общества к личности	17	Идеал и действительность	172
Проблема индивидуальности	29	Что такое социальная зрелость?	181
3. Я и самосознание	42	Глава III. ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА	185
Загадка человеческого Я	—	1. Личность в докапиталистических форма- циях	—
Структура личности по Фрейдю	45	Возникновение личности	—
Теория зеркального Я	52	Личность в античном обществе	196
Самосознание как установка	55	Феодализм и личность	204
Самооценка и самоуважение	66	2. Капитализм и проблема свободы личности	207
4. Личность как продукт и субъект общест- венных отношений	79	3. Государственно-монополистический капи- тализм и «разрушение личности»	215
Конформизм и его природа	83	Дегуманизация труда	217
Личность как субъект общественных отношений	93	Бюрократизация политической жизни	220
Глава II. КАК ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ ЛИЧНО- СТЬЮ?	101	Грипмасы «массовой культуры»	228
1. Стадии развития и механизмы социализа- ции	—	Личность и «сексуальная революция»	238
Возраст и социальные роли	102	Разрушение личности	247
Поколения и возрастные группы	109	4. Блеск и нищета буржуазного индивидуа- лизма	254
2. Формирование Я у ребенка	122	Что же такое отчуждение?	—
Формирование личности в семье	125	Противоречия теории «массового обще- ства»	264
Самосознание у ребенка	132	Культура и масса	271
		Глава IV. КОММУНИЗМ И ПРОБЛЕМА ВСЕСТО- РОННЕГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ	281
		1. Марксистский гуманизм	—
		2. Труд и свобода	296
		3. Свобода личности и новый коллективизм	318
		4. Личность и культура	345
		Примечания	367

Кон Игорь Семенович.

СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ. М., Политиздат,
1967.

383 с. (Над чем работают, о чем спорят философы).

1МИ

Редактор *Л. Блинников*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Сдано в набор 21 апреля 1967 г. Подписано в печать
29 сентября 1967 г. Формат 70 × 90¹/₃₂. Физ. печ. л. 12.
Условн. печ. л. 14,04. Учетно-изд. л. 13,72. Тираж 55 тыс.
экз. А 11854. Заказ № 411. Бумага № 2. Цена 46 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.